

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 40 СЕНТЯБРЬ 1985

С. А. ЕСЕНИН
1895 – 1985

Во время встречи.

РАБОТАТЬ УДАРНО,

ВСТРЕЧА В ЦК КПСС С ВЕТЕРАНАМИ СТАХАНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ, ПЕРЕДОВИКАМИ И НОВАТОРАМИ ПРОИЗВОДСТВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 40 (3037)

28 СЕНТЯБРЯ — 5 ОКТЯБРЯ

20 сентября большая группа ветеранов стахановского движения, передовиков Всесоюзного социалистического соревнования была приглашена в Центральный Комитет КПСС. Здесь с ними встретились товарищи М. С. Горбачев, Н. И. Рыжков, В. И. Долгих, Б. Н. Пономарев, Л. Н. Зайков, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, В. П. Никонов, К. В. Русаков.

Теплой, душевной и деловой была эта встреча. Многих прославленных людей, присутствующих в зале, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев знает лично, бывал в их трудовых коллективах. В Центральном Комитете шел откровенный разговор руководителей партии с коммунистами-рабочими, людьми труда.

Открывая встречу, товарищ М. С. Горбачев сердечно приветствовал ветеранов советского рабочего класса и преемников их трудовой славы в связи с 50-летием стахановского движения. Он горячо поздравил передовиков и новаторов производства, которым за выдающиеся успехи в социалистическом соревновании, большой личный вклад в борьбу за досрочное выполнение заданий пятилетки только что присвоено высокое звание Героя и дважды Героя Социалистического Труда.

М. С. Горбачев выступил перед собравшимися с речью, которая была выслушана с большим вниманием и встречена продолжительными аплодисментами.

На встрече выступили старший инспектор треста «Стахановшахтострой» Ворошиловградской области, в прошлом парторг ЦК ВКП(б) на шахте «Центральная-Ирмино», где зародилось стахановское движение, Герой Социалистического Труда К. Г. Петров, старший инженер Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината Калининской области Герой Социалистического Труда В. И. Гаганова, бригадир комплексной бригады производственного объединения «Зеленоградстрой» дважды Герой Социалистического Труда Н. А. Злобин, ветеран труда, бывший забойщик шахты № 2 «Капитальная» Пермской области Герой Социалистического Труда П. К. Поджаров, токарь Электростальского завода тяжелого машиностроения дважды Герой Социалистического Труда В. М. Ярыгин, механизатор совхоза «Харьковский» Боровского района Кустанайской области Герой Социалистического Труда К. Б. Доненбаева, газовщик доменной печи Магнитогорского металлургического комбината дважды Герой Социалистического Труда В. Д. Наумкин, буровой мастер Нижневартовского управления буровых работ № 2 объединения «Нижневартовскнефтегаз» Герой Социалистического Труда А. Д. Шакшин, один из инициаторов проведения скоростных плавок, а ныне главный сталеплавильщик Всесоюзного производственного объединения «Союзметаллургпром» Герой Социалистического Труда М. М. Привалов, инициатор стахановского движения в строительстве, ныне главный технолог ВНИПИтруда в строительстве Госстроя СССР Ф. И. Мальцев, ветеран труда, бывшая звеньевая колхоза имени Коминтерна Черкасской области, инициатор движения за получение высоких урожаев сахарной свеклы М. С. Демченко.

Затем с заключительным словом выступил М. С. Горбачев.

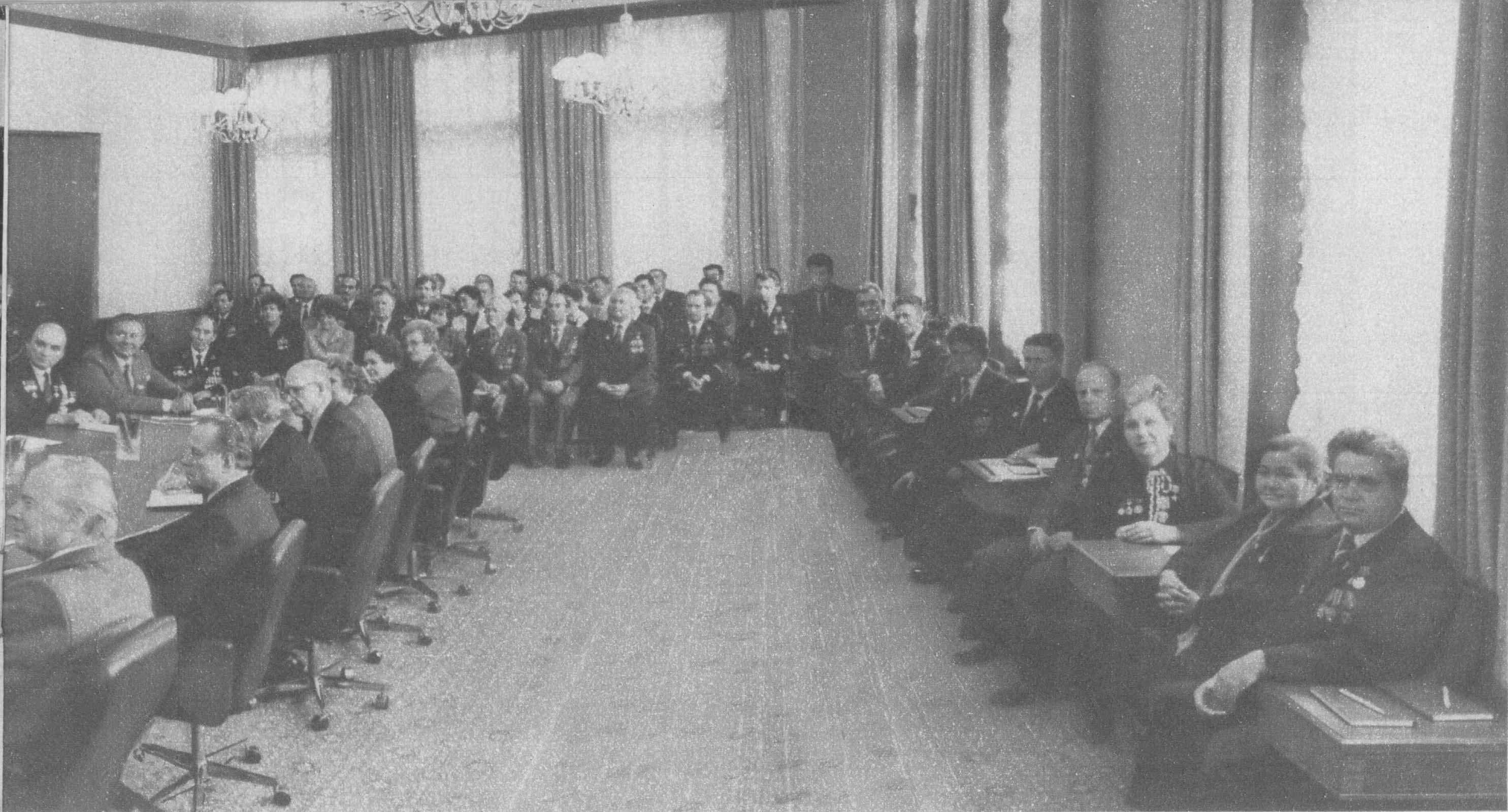

Фото ТАСС

ПО-СТАХАНОВСКИ

В МНОГОЦВЕТЬЕ НАРОДОВ

Отар ЛОМИДЗЕ,
сталевар Руставского металлургического завода,
Герой Социалистического Труда

Еще хранит ладонь тепло дружеских рукопожатий на встрече в ЦК КПСС с ветеранами стахановского движения, передовиками и новаторами производства. Еще звучат прощальные напутствия моих старых и вновь приобретенных друзей. А я уже дома, в своем родном Рустави, рассказываю, что и как там было, в столице нашей Родины Москве. И, конечно, больше всего расспрашивают меня о Василии Наумкине, доменщике с Магнитки, удостоенном ордена Ленина и второй золотой звезды Героя Социалистического Труда. Ведь мы его хорошо знаем, он приезжал к нам в Рустави на встречи со своим побратимом, нашим сталеваром Ушанги Иваниашвили. А с Ушанги мы работаем в одном цехе, бок о бок. Только сейчас он болен, и Василий Наумкин с высокой трибуны встречи в ЦК рассказал всем об Ушанги, отметил, каким мощным толчком повышения производительности труда стало соревнование с ним, начатое в дни работы XXVI съезда КПСС, и как он желает своему руставскому другу скорейшего выздоровления.

И знаете, что при этом подчеркнул в своей реплике Михаил Сергеевич Горбачев? Он подчеркнул, как важна в этом трудовом соперничестве атмосфера дружбы рабочих разных республик страны. «Ведь какое многоцветье народов в нашей стране,— сказал Михаил Сергеевич.— И такие отношения, такой климат братства и дружбы надо всемерно развивать и укреплять».

А у нас, пока наш Ушанги болен, подручные его мартеновской печи № 1 Шота Бичинашвили и Борис Трапаидзе обещали выплавить 400 тонн стали сверх плана. И уже близки к этому: выдали 370 тонн.

Вообще дела у нас на заводе идут к лучшему: за восемь месяцев дали стране сверхплановой продукции на 4,5 миллиона рублей. Выполняются обязательства и по дополнительному снижению себестоимости продукции, повышению производительности труда. Но пятилетка еще не завершена, и все мы — и старшие, самые первые поколения руставских металлургов, и средние, к которым принадлежу я, и наша прекрасная молодежь — удвоим и утроим свои усилия, чтобы достойно встретить XXVII съезд нашей партии.

ЭТО ЗАВИСИТ ОТ ВСЕХ

Ю. Н. ЧУМАЧЕНКО,
машинист депо «Москва-Сортировочная»,
Герой Социалистического Труда

Что и говорить, сильно я волновался, когда шел на эту встречу в ЦК КПСС. Вот, думаю, какой чести удостоили — пригласили вместе с самыми уважаемыми, самыми достойными ветеранами стахановского движения. А ведь мне еще только сорок шесть.

Но волнения мои быстро улеглись. Потому что пошел самый непринужденный и задушевный разговор. Такой настрой задал ему прежде всего Михаил Сергеевич Горбачев. И это правильно, это понятно. Потому что, когда есть общая, глубокая и искренняя заинтересованность в деле, то говорить нужно начистоту и просто.

Выступавшие рассказывали о своем богатом опыте, о трудностях и проблемах сегодняшнего дня. Очень сильное впечатление произвел, например, рассказ бывшего забойщика из Пермской области П. К. Поджарова о том, как в тяжелейших условиях военного времени он и его товарищи по шахте № 2 «Капитальная» не только перекрывали нормы по добыче столь нужного стране угля, но и устанавливали рекорды. С таким энтузиазмом нужно и сейчас работать. Тем более что условия у нас уже несравненно лучше, чем сорок с лишним лет назад. И жильем обеспечены, и питаемся хорошо, и дети ни в чем нужды не испытывают. Стало быть, нечего требовать каких-то особых условий от государства. Они созданы, они есть. И верно сказал Михаил Сергеевич: «...Все в конечном итоге зависит от человека».

Двадцать восемь лет я работаю в нашем депо, имеющем замечательные традиции. Был одним из инициаторов возрождения массовых коммунистических субботников. Руковожу советом наставников.

Но главное мое дело — водить поезда. План завершающего года пятилетки я выполнил к 15 сентября. Провел 91 тяжеловесный состав, перевез сверх нормы 92 тысячи 355 тонн груза, сэкономил 29 тысяч 480 киловатт-часов электроэнергии.

Вот, говорят, Чумаченко — ударник, передовик. Но на что я годился бы, не будь рядом моих товарищей? Я имею в виду локомотивные бригады, ремонтников, путейцев, вагонников, связистов, организаторов движения. Мой труд — лишь составная частица нашего общего труда. А потому им прежде всего спасибо.

Работаем мы неплохо. Но ведь это только по сегодняшним меркам. Завтра от нас будут требовать уже иной, более высокой мерой. Нужно работать намного лучше. Причем подчеркиваю — не только передовикам, а всем. Когда выступал на встрече Поджаров, я думал о том, что нашу победу обеспечивал именно массовый героизм. Боевой и трудовой.

У нас в эти дни проходят цеховые отчетно-перевыборные партийные и профсоюзные собрания. На них обсуждаются и итоги встречи в ЦК КПСС. По этим итогам проведем общее собрание коллектива депо. Не сомневаюсь, что мы найдем новые источники повышения производительности труда. Предложения уже готовятся. Будем их обсуждать, делать выводы. Но главное — реализовать эти предложения.

Во время беседы.

Фото ТАСС

ВСТРЕЧА М. С. ГОРБАЧЕВА С М. КОЙВИСТО

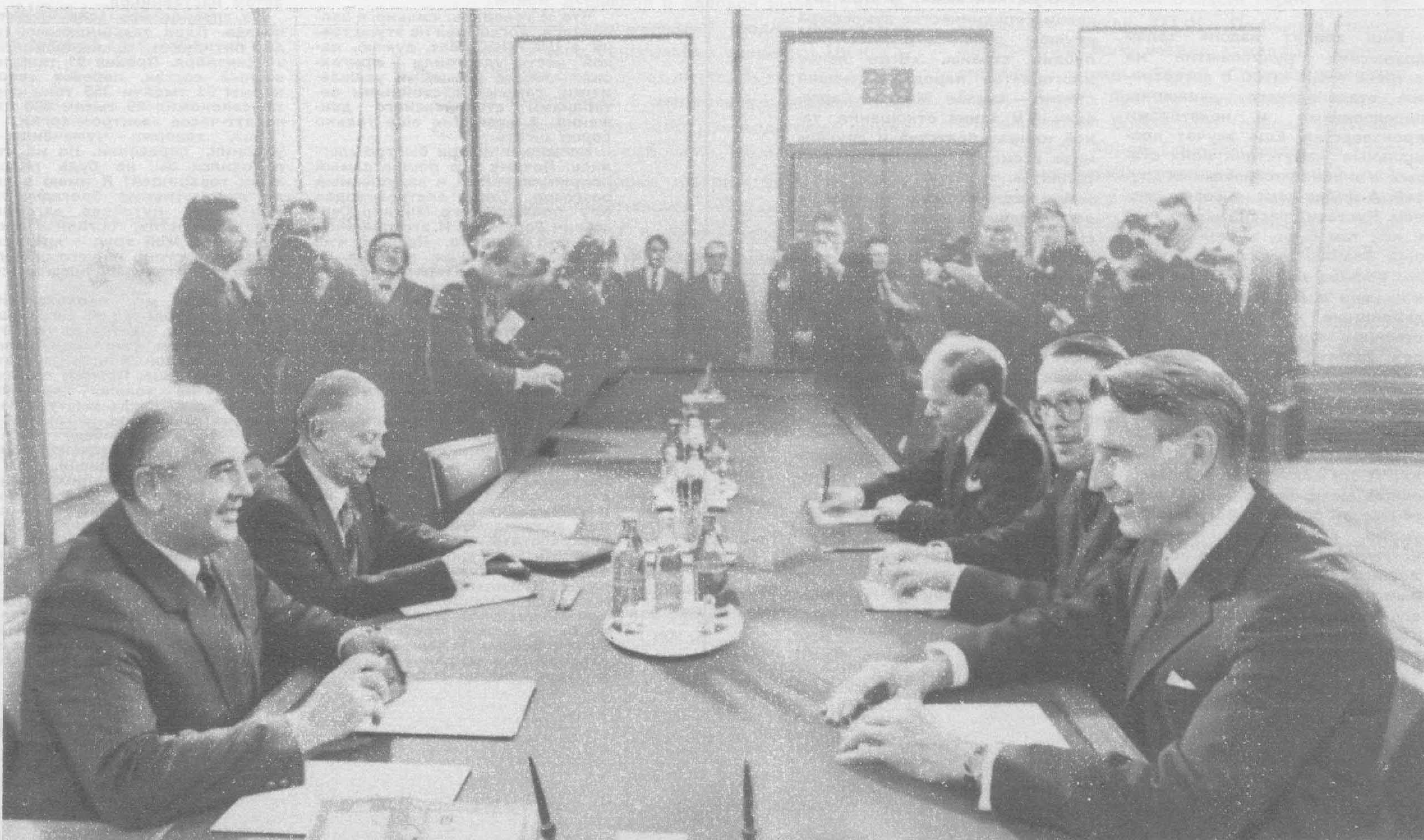
19 сентября в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Президентом Финляндской Республики М. Койвисто, прибывшим в Советский Союз по приглашению Президиума Верховного Совета СССР с рабочим визитом и на отдых.

В ходе дружественной беседы были обсуждены перспективы дальнейшего развития советско-финляндских отношений, а также ряд назревших международных проблем, на решение которых направлены усилия обоих государств.

При обмене мнениями по международным проблемам была подтверждена необходимость энергично добиваться устранения опасности войны, обуздания гонки вооружений, особенно ядерных, предотвращения милитаризации космоса, всемерно содействовать налаживанию мирного сотрудничества всех государств, возвращению межгосударственных отношений в русло разрядки и взаимного доверия.

Во время беседы.

Фото ТАСС

С ДРУЖЕСТВЕННЫМ РАБОЧИМ ВИЗИТОМ

По приглашению ЦК КПСС 24 сентября в Москву с дружественным рабочим визитом прибыл Генеральный секретарь Венгерской социалистической рабочей партии Янош Кадар.

На аэродроме Я. Кадара приветствовали член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, другие официальные лица.

25 сентября состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Генеральным секретарем ВСРП Я. Кадаром.

Руководители двух партий с удовлетворением отметили высокий уровень развития отношений братской дружбы и всестороннего сотрудничества между Советским Союзом и Венгрией.

При рассмотрении международной обстановки М. С. Горбачев и Я. Кадар отметили важность дальнейшего укрепления сплоченности и единства действий государств — участников Варшавского Договора как одного из главных факторов успешной борьбы за сохранение мира, устранение военной опасности, исходящей прежде всего от наиболее реакционных кругов американского империализма.

Встреча прошла в атмосфере сердечности, полного единства взглядов по всем обсуждавшимся вопросам.

Встреча на аэродроме. Фото ТАСС

24 сентября член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко принял в Кремле находившуюся в Советском Союзе с официальным визитом делегацию парламента Японии. Ее возглавлял председатель палаты представителей М. Саката. В составе делегации представители всех партий, входящих в высший законодательный орган страны.

Перед началом беседы.

Фото ТАСС

ПЕРЕДОВИКАМ — ВЫСШИЕ НАГРАДЫ РОДИНЫ

20 сентября в Кремле член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко вручил высшие государственные награды Родины группе рабочих, тружеников села, явивших собой добрый пример того, как героический рабочий класс, овладевая передовой техникой, может конкретным делом ответить на выдвигаемые партией требования.

На снимке: после вручения наград.

Фото Дм. Бальтерманца

ЧЕСТЬ ПО ТР

Дмитрий ЕВДОКИМОВ,

писатель

Каждый советский человек в эти дни, когда страна отмечает 50-летие стахановского движения, испытывает прилив чувства благодарности нашей партии, нашей Родине за высокую оценку труда передовиков социалистического соревнования.

«Стахановец», «по-стахановски» — это символ инициативы, символ борьбы за все передовое, против устаревшего, отжившего,— говорил Михаил Сергеевич Горбачев.— Стахановское движение — не только социальное, но и нравственное явление, раскрывшее духовную красоту человека нового общества». Всенародная благодарность людям трудового подвига — это свидетельство неукоснительного соблюдения в нашем обществе высоких принципов советской демократии, главными из которых были и остаются честь по труду, ответственность каждого за порученное дело. Эти принципы лежат и в основе нерасторжимого единения поколений в строительстве нашей светлой жизни, и в продолжении, приумножении славных традиций героев первых пятилеток. В любой сфере народного хозяйства страны, республики, области есть тому яркие и впечатляющие примеры. Есть они и в Московской области.

Правофланговой в достижении наивысшей производительности труда в животноводстве еще десять лет назад стала Герой Социалистического Труда, доярка совхоза «Коммунарка» Мария Сергеевна Громова. Ежегодно она получает более 500 тонн молока от группы коров. Герой Социалистического Труда, бригадир полеводов совхоза «Серебряные пруды» Иван Степанович Аверин первым в области взял в свои хозяйские руки поле с законченным севооборотом — площадью более тысячи гектаров — и добился невиданных урожаев всех сельскохозяйственных культур. Герой Социалистического Труда, бригадир овощеводов совхоза «Большевик» Галина Илларионовна Рыбакова со своей бригадой выращивает столько овощей, что их вполне достаточно для стотысячного города. Председатель колхоза «Заветы Ильича» Сергей Иванович Жиленко первым создал у себя комплекс по выращиванию нетелей, обеспечив хозяйства всего района отличным, высокопородистым молодняком и положив тем самым в области начало специализации в животноводстве. Знатный строитель, начальник передвижной механизированной колонны № 96 Николай Ильич Травкин достиг наивысшей производительности труда в сельском строительстве, организовав работу всего коллектива колонны по единому наряду, добился, чтобы в конечных результатах труда — сдаче в эксплуатацию сельскохозяйственных объектов, особенно жилых домов для села,— были заинтересованы все работники колонны.

Много можно еще назвать героев подмосковного села, делами своими прославивших родную землю. Они с честью несут эстафету, переданную стахановцами первых пятилеток, пионерами внедрения коллективного способа хозяйствования на земле, овладения невиданной в ту пору техникой.

Родителям сегодняшних прославленных мастеров полеводства и животноводства в полной мере пришлось хлебнуть лиха в суровые годы войны. Матери, старшие братья и сестры, отцы, вернувшиеся инвалидами с войны, прилагали невероятные усилия, чтобы

АЗС ВО ДВОРЕ

КАК СЭКОНОМИТЬ ТЫСЯЧИ ТОНН БЕНЗИНА?

АВТОМАШИНА ЗАПРАВЛЯЕТСЯ, НЕ ВЫЕЗЖАЯ ИЗ ГАРАЖА

В. ЗАСЕЕВ

Кому из водителей не знакома такая набившая оскомину сценка? Раннее утро. Возле заправочной станции длинный хвост грузовых машин, они заполонили не только подъездные пути, но и ближайшую улицу. Десятки водителей, бессмысленно коротая время, поругиваясь, ждут своего череда. Проходят томительные полчаса, час, а хвост и не думает уменьшаться. Наконец, наступает очередь новенького ЗИЛа с прицепом. Молодой шофер-первогодок никак не может «пробраться» к своей колонке, дорогу перегородил КамАЗ. В адрес новичка летят хлесткие словечки, обидные замечания. Воспользовавшись минутным замешательством, к АЗС подкатывает легковое такси. Шофер лихо выпрыгивает из «Волги» и из-под самого носа водителя ЗИЛа выхватывает заправочный пистолет. Озлобленная очередь набрасывается на таксиста. И право же, неизвестно, чем бы все это кончилось, не окажись поблизости сотрудника ГАИ. Таксист уезжает «несолоно хлебавши», а взвинченный хозяин ЗИЛа еще долго не может пристроить заправочный пистолет к горловине бензобака.

Этот «спектакль» мне довелось наблюдать недавно на одной из автозаправочных станций Москвы. А сколько их ежедневно, ежечасно разыгрывается по сходному сценарию в десятках, сотнях наших городов? Но если отбросить в сторону эмоции: взвинченные нервы водителей, надолго испорченное настроение (хотя эту статью расхода стоило бы учитывать тоже) — и обратиться к экономике, то картина окажется еще более удручающей.

Вот только один красноречивый пример. В Российской Федерации за прошлый год на холостые пробеги грузовиков до автозаправочных станций израсходован миллион (!) тонн бензина. Эта цифра будет удвоена, если в расчет принять масштабы страны. А сколько драгоценных часов потрачено на вынужденные ожидания? Сколько грузов не попало в срок из-за этого на строительные площадки и железнодорожные станции, в порты и на предприятия? И сколько в результате времени, средств перерасходовали смежники? Все это по стране в целом влетает государству не в копеечку, а во многие и многие тысячи рублей.

Есть ли выход из создавшегося положения?

— Есть! — авторитетно заявляют специалисты и в подтверждение ссылаются на постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О повышении эффективности использования автотранспортных средств в народном хозяйстве, усилении борьбы с приписками при перевозках грузов автомобильным транспортом и обеспечении сохранности горюче-смазочных материалов».

Около двух лет назад увидело свет это постановление. Есть в нем и пункт по интересующей нас проблеме. Было предложено строить в городах стационарные автозаправочные пункты на территории гаражей.

Иными словами, засучивайте рукава, уважаемые директора и начальники автопредприятий. Не жалейте сил, энергии для пользы автохозяйств, для более стабильного выполнения производственных планов, для облегчения труда миллионов водителей, для гарантированных дополнительных денежных вознаграждений.

— То, что это выгодно каждому из нас,— аксиома,— говорит начальник Автокомбината № 1 «Главмосавтотранса» Г. Л. Краузе.— Глубоко убежден, каждый здравомыслящий руководитель автохозяйства будет с особой заинтересованностью внедрять у себя это новшество. Ибо оно дает каждому дополнительные резервы. Взять, например, наше хозяйство.

УДУ

вырастить урожай, чтобы дать хлеб воинам. Девиз «Все для фронта, все для победы!» был смыслом их жизни, не случайно многие из колхозников отдавали последние сбережения для покупки танков и самолетов.

И чем горше был тот военный хлеб, тем радостнее трудиться сегодня, когда в достатке есть и мощная техника, и удобрения, и высококачественный семенной фонд.

Сегодня ответ на вопрос некрасовских мужиков «Кому на Руси жить хорошо?» однозначен: людям труда, мастерам своего дела. Вот главный смысл советского образа жизни, где люди труда — хозяева страны. Неудивительно, что, когда знакомишься с передовыми тружениками, осененными высшими правительственными наградами страны, видишь прежде всего человеческие качества, их объединяющие. Это, естественно, в первую очередь трудолюбие и талант. Но не только. Это и высокое чувство собственного достоинства людей, хорошо знающих свое место в обществе. Такой не будет говорить что-либо в угоду начальству, а выскажет правду-матку, какой бы неприятной или неудобной она ни была. Отсюда уважение товарищей по труду, знающих, что мастер не даст в обиду по пустякам, хотя и сам в случае необходимости взыщет по первое число.

Истинные мастера своего дела счастливы большим числом учеников, потому что, как правило, это люди, желающие видеть как можно больше всходов, плодов своего передового опыта.

Сегодня на полях и фермах Подмосковья много молодежи. В большинстве хозяйств средний возраст работающих едва превышает тридцать лет. За последнее десятилетие в подмосковные хозяйства пришли работать более 60 тысяч юношей и девушек. Что привлекло их сюда? Высокопроизводительный, высокомеханизированный труд, подчас не уступающий промышленному? Конечно. Но не только это.

Коренным образом меняется облик подмосковного села. Наряду с пяти- и трехэтажными зданиями, которые выросли за пятнадцать лет на всех центральных усадьбах совхозов и колхозов, появилось около сорока деревень с домами усадебного типа, таких, например, как деревня Вельяминово в совхозе «Повадинский» Домодедовского района, о которой недавно рассказывал «Огонек».

Эти деревни построены на средства, внесенные самими жителями, вступившими в жилищно-строительные кооперативы и коллективы индивидуальных застройщиков. Таких деревень к концу пятилетки в Подмосковье будет более ста. Появляются подобные кооперативы и в соседних областях.

А как же быть со старыми деревнями? Неужели им суждено исчезнуть с лица земли? Опыт Московской области говорит: нет, им суждено возродиться!

Есть такая деревня в Дмитровском районе — Большое Телешово. Ее жители в прошлом году отметили два события — триста лет со дня основания и первую годовщину возрождения. Несколько лет назад эта деревня, хотя и не была отнесена к числу неперспективных, но начала катастрофически стареть. Дело в том, что вся молодежь переехала жить в здания городского типа на центральную усадьбу. Стали приходить в ветхость дома. Создалась парадоксальная ситуация: на молочную ферму, что стоит возле Большого Телешова, доярок начали возить с центральной усадьбы, за пятнадцать километров. Как быть? Ждать строительства нового села?

Жители Большого Телешова решили проблему по-иному, наметили возродить свою деревню. На сельском сходе выработали напряженную программу действий, которую поддержали и дирекция совхоза, и Дмитровский горком партии. Минуло два года после того сельского схода, и деревня преобразилась — заиграли новыми красками старые рубленые избы, появились одиннадцать новых жилых домов, а центральную площадь украсили здравпункт, детский сад, чайная и комбинат бытового обслуживания.

На въезде в деревню — гигантский скворечник, точнее — колесо, на котором расположилась почти сотня обыкновенных скворечников. Птицы появились в деревне. А главное — появились дети. Потому что одиннадцать молодых семей вернулись в родную деревню, по прогнозам же вернется по крайней мере еще столько.

— Раз есть дети в деревне, слышен детский смех,— сказала одна из пожилых жительниц деревни,— значит, в деревне есть душа!

На сельском сходе, посвященном возрождению деревни, выступил первый секретарь МК КПСС Василий Иванович Конотоп. Он рассказал телешовцам о том, что их опыт будет многократно повторен, такие производственные центры, как Большое Телешово (вот, видите, родилось и новое понятие), будут создаваться во всех хозяйствах области. К концу пятилетки их станет четыреста, а к 1990 году — две тысячи. Отрадная перспектива!

Каждый из нас испытывает глубокое чувство благодарности людям самого благородного, хотя и нелегкого сельского труда. В самом деле — в любую непогоду, не имея выходных, весь световой день, а иногда и дольше, наши труженики полей и ферм работают, не уставая, чтобы на столе всех граждан Страны Советов были в изобилии разнообразные продукты питания. Работают, чтобы выполнить намеченную партией Продовольственную программу. И выполнят!

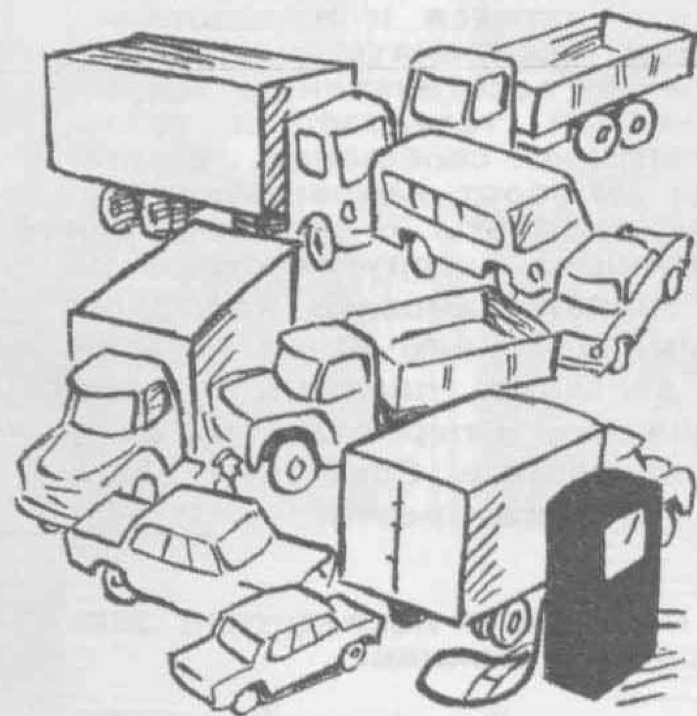
Так было и будет всегда в стране, где во главе созидания нового общества стоит испытанная ленинская партия.

бережливость: разные аспекты

Сегодня в парке две тысячи четыреста машин. Обслуживаем мы крупнейшие строительные организации столицы, другие предприятия, разбросанные не только по всей Москве, но и далеко за ее пределами. Сели мы с карандашом в руках и подсчитали: если по старинке пользоваться услугами городских автозаправочных станций, только на холостые пробеги ежедневно будет уходить горючего более двух тонн. За тысячу часов в день перевалят потери рабочего времени. Решили, не откладывая дела в долгий ящик, собственными силами соорудить свою АЗС. Сами разработали проект, вырыли котлован, сами установили и смонтировали оборудование. В субботниках принимали участие водители, работники инженерных подразделений. Если интересуетесь, можете взглянуть на наше детище.

Великолепный комплекс автозаправки с отличным дизайном виден издали. Здесь одновременно могут пополнять свои баки, не мешая друг другу, не то что могучие ЗИЛы и КамАЗы, а целые автопоезда. Пять колонок дают возможность безостановочно заправляться тысяче машин в сутки.

— Раньше, по самым скромным подсчетам,— продолжает Геннадий Леонидович,— наши водители за два дня накручивали тысячи холостых километров. Теперь такие пробеги у нас сведены до нуля.

В разговор вступает главный инженер автокомбината Б. Штерн:

— Создание автозаправочных пунктов решает и важные технические вопросы. Снижаются расходы на амортизацию машин, дорогостоящей их «обуви». Повышается ответственность каждого шофера. Теперь мы можем до грамма проверить расход горючего и, если обнаружится его перерасход, своевременно отрегулировать двигатель.

Трубный сигнал КамАЗа прерывает нашу беседу. Машина останавливается возле заправки. Знакомлюсь с водителем. Анатолий Рыбаков. Около двадцати лет работает на автокомбинате. Миллионы километров проехал за баранкой, от и до знает все шоферские хитрости. Узнав о нашем разговоре, от себя добавляет: чего греха таить, встречаются еще водители, которые, прикрываясь трудностями автозаправки в городе, в рабочее время не прочь поехать «налево», устроить себе долгий перекур. У машины, заправленной под горлышко, повышается коэффициент полезного действия. А заодно и у руководства автоколонны появляется дополнительная возможность проконтролировать людей, их отношение к своим обязанностям. Это тоже немаловажно.

Генеральный директор «Мосснабпромтранса» И. И. Фрумин сорок лет жизни отдал работе на транспорте. Под его началом шесть автокомбинатов, четыре с половиной тысячи грузовых машин, пятьсот «Икарусов», занятых перевозкой авиапассажиров. Фрумин — ас в своем деле, с его мнением считаются многие.

— Очень нужно и выгодно строить собственные автозаправки в хозяйствах,— говорит Иосиф Ильич.— Сегодня, когда у нас в стране на счету каждая минута, каждый рубль,— это решение многих проблем. Жаль только, что не все это понимают. А вернее, понимают, но не хотят лишних хлопот. Куда проще: выдал водителю талоны на бензин — и голова не болит.

Да, с подобным отношением мы столкнулись не раз, когда вместе с заместителем начальника Управления эксплуатации и развития нефтебазового хозяйства и автозаправочной техники Госкомнефтепродукта О. Лосевым отправились в рейд по Москве.

В седьмом автокомбинате Мосавтодортранса шестьсот машин. Недавно предприятие справило новоселье, перебравшись на Сигнальный проезд. Похожая на стадион территория позволяет установить автозаправку. Заместитель начальника автокомбината Е. Попов не отрицает и ее необходимость. Но со строительством здесь пока медлят, все еще примериваются, обдумывают, уточняют...

Не лучше дело и в 15-м автобусном парке, что в Тушинском районе столицы. В парке почти триста машин, а вопрос со строительством собственной автозаправки все еще пока прорабатывается.

И если в двух этих хозяйствах целесообразность строительства заправочных пунктов не подвергается сомнению, то в некоторых парках ее встречают, что называется, в штыки.

Директор 17-го таксопарка С. Пчелин тоже не новичок на транспорте. У него — девятьсот машин и большой послужной список.

— Строительство автозаправок в хозяйствах — пройденный этап. Много лет назад мы уже строили такие станции, рыли под них котлованы, а затем, по указанию сверху, выдергивали из земли емкости и зарывали траншеи лично. Нам и нет необходимости строить собственную автозаправку. У нас городские под боком. Да и любой таксист всегда ухитрится проскочить между грузовиками без очереди и наполнить бак горючим...

Директор 20-го таксопарка М. Меров (в хозяйстве тысяча машин) мыслит примерно так же. «Слишком это хлопотно,— говорит он,— иметь свою колонку. И вообще я против того, чтобы взваливать все это на свою шею. А то ведь, не ровен час, потребуют еще от нас создать у себя в парке цех по перегонке нефти, выработке мазута, бензина, масел...»

Справедливости ради, надо сказать, что и хозяйство С. Пчелина, и таксопарк, которым руководит М. Меров, считаются одними из лучших в столице. Однако уставший взгляд на проблему не делает чести этим руководителям. Только в некоторых столичных транспортных предприятиях построены автозаправочные пункты. А что думают руководители остальных хозяйств?

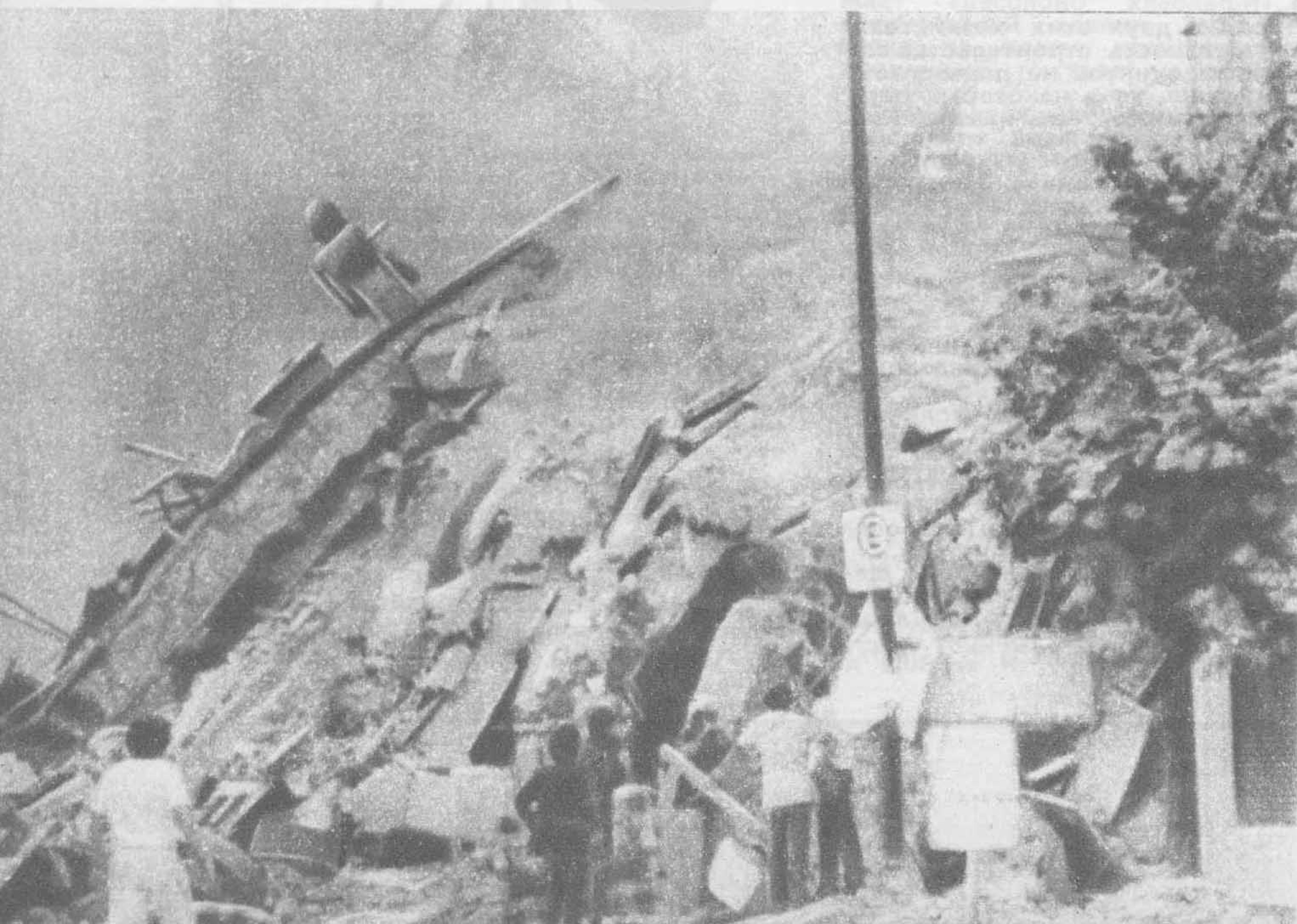

Сегодня во многих республиках страны — Азербайджане, Казахстане, Туркмении, Украине, в десятках городов Российской Федерации — передовые автохозяйства борются за экономию горючего, сокращение потерь рабочего времени. Миллионы тонн бензина, мазута используются с максимальной пользой для дела. Однако все еще не закрыт путь горючему, растрачиваемому из-за халатного отношения отдельных нерадивых руководителей автохозяйств и транспортных предприятий. И этому необходимо положить конец.

Трагедия Мексики

Сильнейшее землетрясение произошло в районе тихоокеанского побережья Мексики. По нанесенному ущербу это одно из самых трагических землетрясений в истории человечества — так оценивают специалисты тяжкие последствия стихийного бедствия, которое охватило прибрежные штаты Мексики и столицу страны с более чем 15-миллионным населением.

Снимки, которые вы видите, свидетельствуют о больших разрушениях, многочисленных человеческих жертвах в Мехико. Множество зданий, имевших четыре и более этажей, полностью разрушены. Возникли пожары, которые, в частности, уничтожили центр телефонно-телеграфной связи.

Число погибших в столице приближается к четырем тысячам человек. Пострадавших же, несомненно, намного больше, потому что подземные толчки, сила которых достигала порой 7,8 балла по шкале Рихтера, произошли в утренние часы, когда многие жители находились дома.

В стране продолжает действовать объявленное там чрезвычайное положение. Армейские подразделения, другие силы, мобилизованные на борьбу с последствиями стихийного бедствия, извлекают из руин погибших и раненых.

Президент страны Мигель де ла Мадрид обратился к населению с призывом сохранять выдержку. Постепенно восстанавливаются телефонная и телеграфная связь, транспортное сообщение. В столичный аэропорт непрерывно прибывают самолеты с грузами для пострадавших из других стран. Из СССР экипаж самолета Аэрофлота под командованием Юрия Богатенкова доставил палатки, одеяла, медикаменты и перевязочные средства, посланные Советским обществом Красного Креста.

На снимках: последствия землетрясения в Мехико.

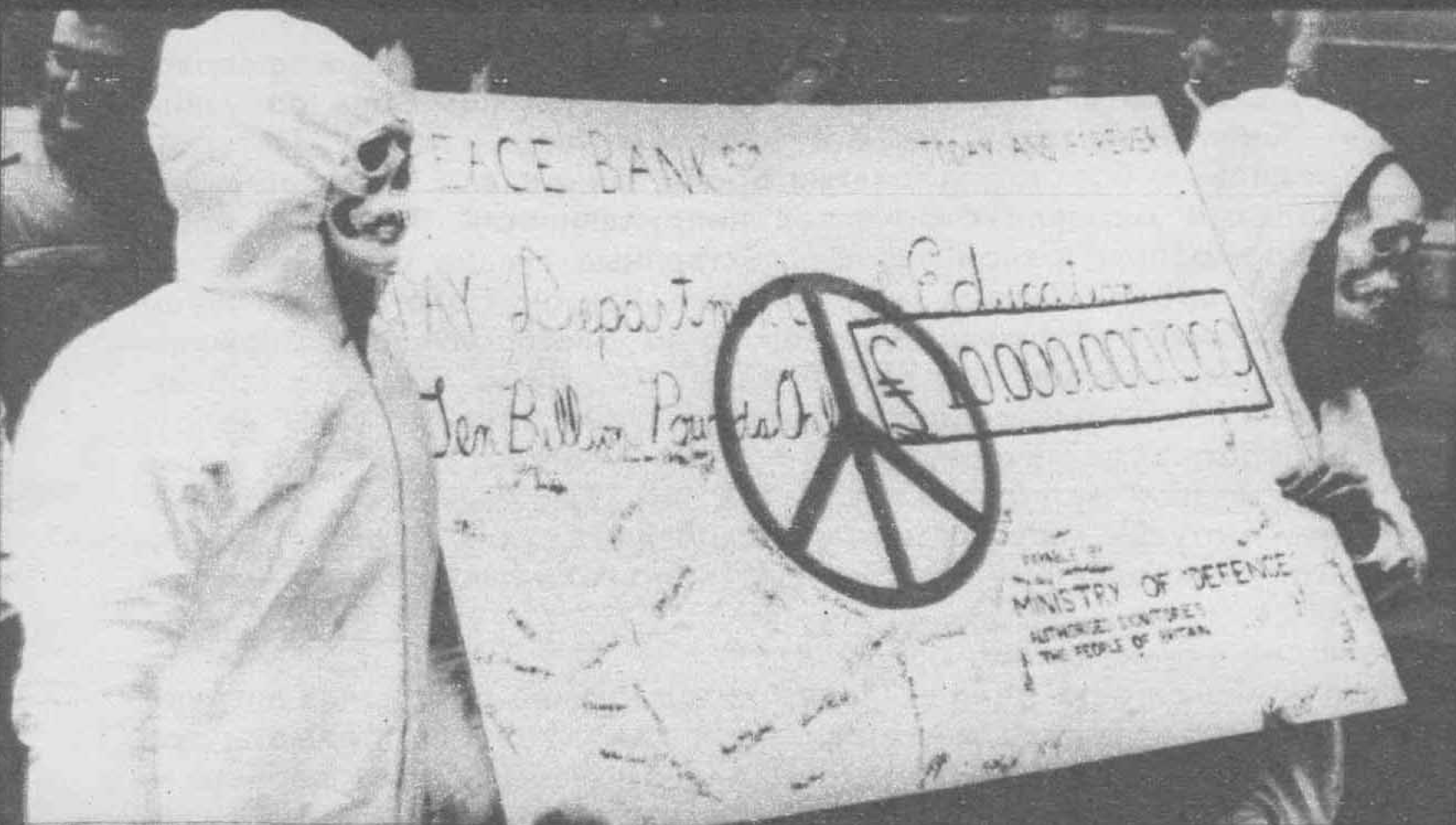
Телефото АП—ТАСС

ПАНОРАМА МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

Фото АП—ТАСС

1

2

3

1

С согласия японского правительства Соединенные Штаты продолжают осуществлять свои планы по превращению Японии в основной военный плацдарм в Азии. На острове Окинава вступил в строй новый стратегический центр связи для управления вооруженными силами США на случай ядерной войны. Он предназначен для осуществления связи компонентов «стратегической триады» — межконтинентальных баллистических ракет, стратегической бомбардировочной авиации и ядерных подводных лодок.

Центр связи на Окинаве — не единственный объект США в Японии, построенный в плане подготовки к ядерной войне. На базе Мисава, на севере острова Хонсю, создан специальный командный центр для руководства боевыми действиями в ходе «тотальной войны» с применением ядерного, химического и бактериологического оружия. Там же находится группа американских истребителей-бомбардировщиков «F-16», способных нести ядерное оружие.

На снимке: «F-16» на базе ВВС США Мисава.

2

Во многих странах Западной Европы проходят митинги и демонстрации противников гонки вооружений. Точнее сказать, противниками этой гонки стало сегодня подавляющее большинство жителей континента.

На снимке: участники антивоенной манифестации в Лондоне потребовали от правительства тори немедленной передачи 10 миллиардов фунтов стерлингов из бюджета министерства обороны Великобритании в фонд министерства образования.

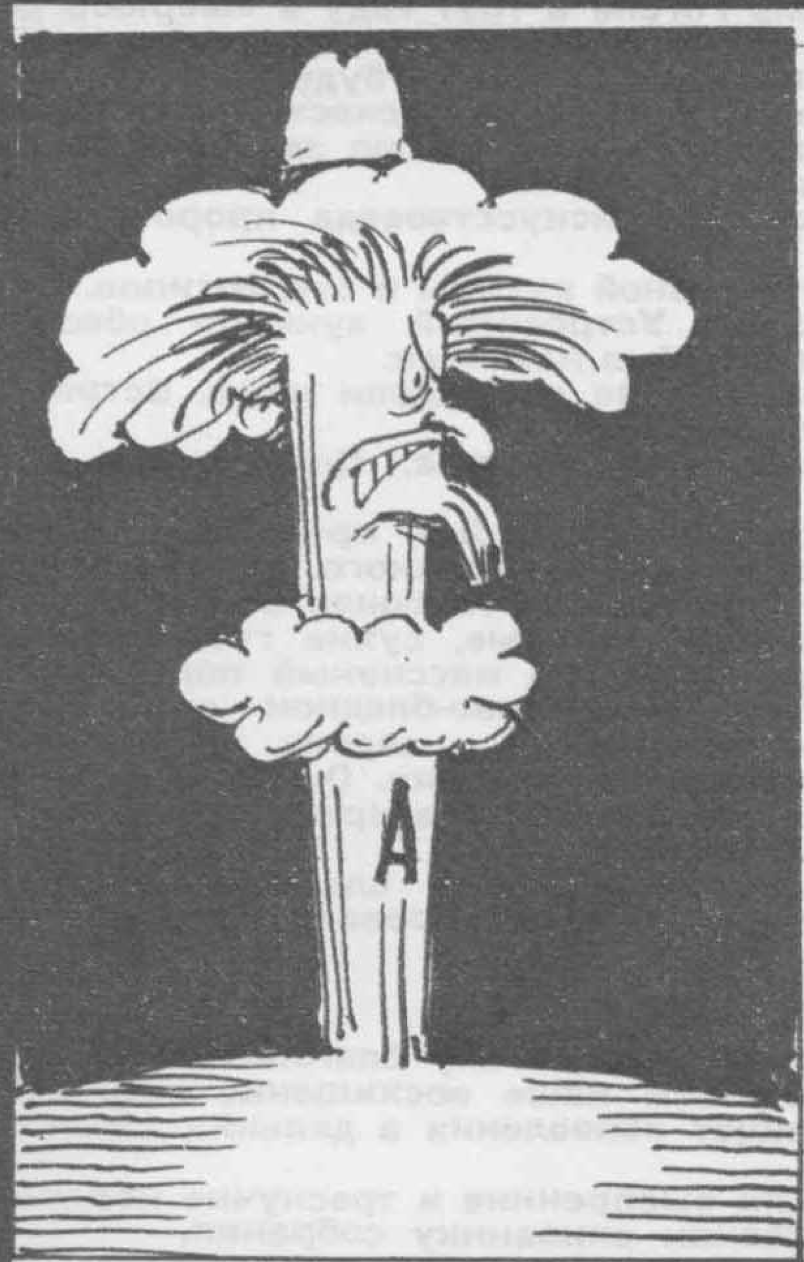
3

Труд малолетних давно стал нормой жизни в Италии. Не имея возможностей свести концы с концами, многие родители вынуждены отдавать своих детей на работу в частные фирмы, хозяева которых чаще всего используют малышей на самой тяжелой и грязной работе. Нищенская оплата труда, которая во много раз ниже, чем у взрослого рабочего, может тем не менее стать подспорьем, порой единственным, для семьи ребенка.

На снимке: юный ремонтник в одной из автомастерских Неаполя.

ПАНОРАМА МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

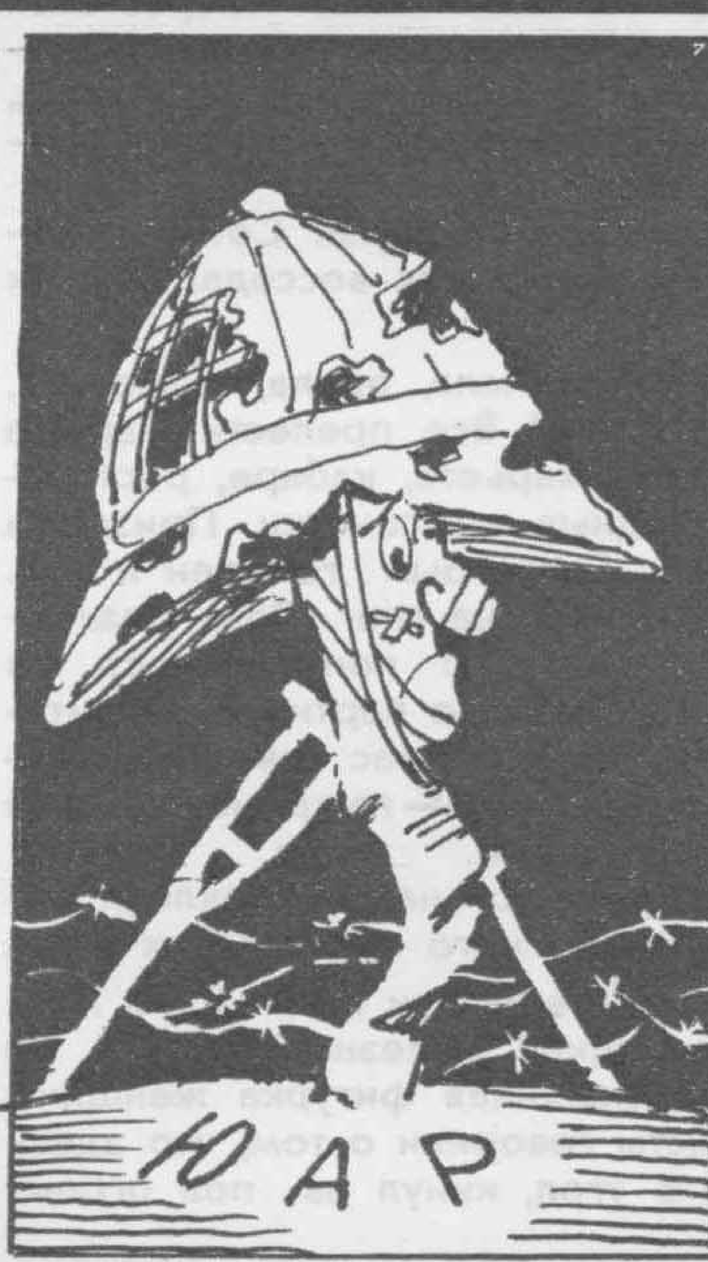
Заокеанский ядовитый гриб

Реваншистские поганки

Расистская гнилушка

Грибной дождь для израильских мухоморов

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Поль Гоген

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Непривычная стужа поразила Париж. Стоял промозглый февраль 1886 года. Столица словно поседела от инея. Человек брел по узким улочкам. Снежинки таяли на его смуглом лице. Зябко. Потертая куртка, реденькая борода, угловатые брови заиндевели. В глазах с тусклыми белками мерцала отроческая неприкаянность. Тяжелое ведро с клеем, громоздкий рулон афиш, собственные гулкие шаги по предрассветному городу казались дурным сном. Как он, Поль Гоген, совсем недавно удачливый биржевой маклер, отец благополучного буржуазного семейства, докатился до этой бездны? Нет, пусть пророчит Гобсек, что в талант можно верить до тридцати лет. Он докажет всем недругам, что будет, будет художником и в свои сорок... Холодный ветер гнал по скользкой мостовой обрывки газет, мерзлый мусор. На обледенелом тротуаре валялась кем-то брошенная кукла в грязном, заляпанном голубом платьице. Ее блеклые кудри примерзли к каменным плитам.

Безлюдно, сумеречно.

Внезапно Гоген остановился. Перед ним возникла роскошная витрина. Газовые рожки освещали развешенные и разложенные предметы туалета. Хитроумно заплетенные локоны и шиньоны. Выставка париков — иссиня-черных, каштановых, рыжих. В овальных пунцовых атласных картонках вздымалось воздушное белье, лежали ажурные чулки, сверкали флаконы парфюмерии. В этом своеобразном храме моды был свой алтарь. В самом центре витрины, обрамленной позолоченным багетом, застыл манекен. Глубокое декольте прикрывал сиреневый шифоновый шарф. Изящная дама с тонким носиком и наклеенными ресницами смотрела на Гогена наивными стеклянными бирюзовыми глазами. Матовые бледные щеки с наведенным томным румянцем, пепельно-серебристый парик с наброшенными кружевами, фальшивые бриллиантовые серьги, чарующе улыбающиеся ядовито-малиновые губы — все, все будто шептало, звало: «Купи, купи, купи».

Раздался тихий детский плач. Живописец оглянулся. Ледяные сосульки свисали с водосточных труб, украшали белым гипюром пухлых амуров, держащих лиру у парадного входа. Дряхлая старуха в черном рубище, стуча железной клюкой, тащила на горбатой спине мешок, набитый нищим скарбом. За ней ковыляла девочка в рваном, ветхом платке, накинутом на худенькие, угловатые плечи. Она дрожала и жалобно всхлипывала от стужи. Внезапно малютка замерла. Увидела валявшуюся куклу. С трудом оторвала ее ото льда. Клок светлых волос так и остался прилипшим к тротуару. Малышка обняла куклу. Прижала ее к сердцу. Догнала старуху.

Париж просыпался. В сизом волглом тумане возникали серые тени людей. Они спешили на работу. Звонко цокали копыта ломовых лошадей, тянувших громоздкие фуры. Пахло снегом и зловонными испарениями из решетчатых окон густо населенных полуподвалов. Меркли тусклые полуразмытые блики фонарей. Наступало утро.

Взгляд Гогена вновь упал на витрину.

«Как это схоже с Салоном искусств,— подумал художник.— Та же фальшь и пошлость. И мы еще пытаемся прорваться в это царство напомаженных манекенов. Это, наверно, так же бесполезно, как переделать вкусы буржуазных обывателей. Ведь они освистывали сперва всех тех, кого не понимали. Потом, словно очнувшись, превозносили их шедевры. Старая история. Хамство продажных писак, глумление невежд, кичливая вежливость салонных львов, этих виртуозов изготовления приторных сладостей — всех кабанелей, жеромов...»

Площадь Северного вокзала захлебывалась от шума. Сотни фиакров, экипажей, колясок мчались мимо Гогена. В них восседал Париж дельцов, кокоток, маклеров, рантье.

Вот и афишный щит. О чем только не кричала, орала, сюсюкала, нашептывала реклама с этой огромной стены! Все прелести Парижа были готовы к услугам. Мишурная роскошь варьете, кабаре, ресторанов лезла в глаза. Манила. Распевали модные шансонетки. Призывно дразнили аппетит редкостные яства. Поль Гоген был голоден и зол. Он поставил, нет, бросил ведро. Клей пролился на снег. Поль развернул громадную литографию. «Мулен Руж» звал полюбоваться на феерические арабески поразительной Ла Гулю и ее партнера Валентина Бескостного. Кабаре «Элизе Монмартр» угощало вас невиданно шикарным канканом. Лучшие остэндские устрицы — гастрономические ужины в ресторане Друана на площади Гайон.

Проезжающая карета обдала грязью Поля Гогена. Он доклеил последний плакат работы Тулуз-Лотрека, изысканного знатока сих мест.

Гоген незаметно проскользнул мимо консьержки и поднялся в мансарду. Пустая, холодная мастерская. Посредине железная кровать. На солдатском одеяле оранжевая гитара. Деревянная фигурка женщины на подоконнике. Мольберт, палитра, холсты говорили о том, что здесь живет художник. Поль швырнул ведро в угол, кинул на пол огромную клеевую кисть. Упал на кровать.

Ледяной ветер открыл окно. Мокрый снег влетел в студию. Лицо Гогена стало свинцово-серым. Казалось, невзгоды сковали сильного, крепкого человека.

Надо бежать...

Проскрипела дверь. На пороге мастерской возник маленький старичок со сморщенным, как печеная груша, личиком. Папаша Танги. Известный художественному миру маршан. В его убогой лавочке на улице Клозель были собраны прекрасные холсты Писсарро и Сезанна, Ван Гога и Гогена. Его считали чудаком, но он боготворил этих художников и благоговейно любил их картины. Парижский покупатель пока не понимал искусства этих новаторов, и полотна лежали в штабелях, стояли на стеллажах. Ждали своего часа.

...Гоген спал. Тяжелая рука его свесилась до пола. Большое тело лежало ничком. Порою вздрагивало во сне. Тогда тихо лепетали струны гитары, прижавшейся к художнику.

Почему пришел папаша Танги? Да потому, что не перевелись на свете добрые души. Само сердце привело сюда старика. Он осторожно положил на колченогий стул сверток с красками. Конверт с франками. Закрыл окно. Поежился от стужи. Печально оглядел сиротливый мольберт, высохшую палитру с окаменевшими колерами. Чистые холсты на подрамниках, прислоненные к сырой стене. Вздохнул и исчез. Крохотный ласковый ангел в разбитых, стоптанных башмаках.

Живописцу сорок три года. Он не дилетант, увлекающийся искусством. Поль Гоген — профессионал. Его знают. Но официальный Салон для него закрыт. Фортуна, старшая сердитая сестра его музы, не признала картин художника.

Давным-давно оставлена семья. Мастер скитается по чердакам мансард и пишет, пишет свои пока никому не нужные холсты. Даже его решение покинуть Париж, принятое пять лет тому назад, до сих пор нереально. Нет средств.

«Когда же я смогу начать вольную жизнь в дебрях? — говорит Гоген другу де Хаану.— Это долго тянется... Никто не хочет помочь. Пусть себе помирает».

Однажды живописец предложил доктору Шарлопену купить 38 картин и пять керамических сосудов за 5 тысяч франков. Солидный врач долго рассматривал странные, хотя и красивые полотна и вежливо отказался. Он тяжело вздохнул, у него было больное сердце. Наверное, он бы не пережил мгновения, когда узнал, что эта коллекция позже будет оценена в 30 миллионов франков.

Шесть тысяч за один франк. Вот это сделка!

Таковы гримасы Рока.

Вспомните Северный вокзал и живописца, клеящего афиши. Ведь с тех пор прошло пять лет. Наверно, не самых легких в жизни художника. Представьте, сколько горечи, отчаяния, обид накопилось в душе Гогена. Но он был непреклонен. Многие считали его высокомерным. А ведь ключ такого поведения был весьма несложен. Мастер знал цену своего дара. Не больше и не меньше. Впрочем, его характер был весьма, весьма непрост.

Старая гвардия импрессионистов (кроме Дега) не всегда одобряла эксперименты художника. Но упрямый и гордый Поль Гоген однажды сказал Винсенту Ван Гогу:

«Если Писсарро и прочим не нравится моя выставка, следовательно, она полезна мне».

Как видите, Гоген был не очень общителен и терпим.

В прессе порою появлялись статьи, в которых очень категорически звучало слово «гений». Допустим на миг, что это преувеличение, свойственное журналистам.

Однако прочтите, что писал о Поле Гогене в 1891 году в «Меркюр де Франс» Альбер д'Орье:

«О, власть имущие, если бы вы знали, как потомки будут вас проклинать, поносить и осмеивать в тот день, когда у человечества откроются глаза на прекрасное! Проснитесь, проявите хоть каплю здравого смысла, среди вас живет гениальный декоратор...»

Нельзя не назвать это эссе молодого искусствоведа пророческим. Доля правды была в нем заложена.

Но слишком велика была сила буржуазной рутины и стереотипов.

Наконец судьба улыбнулась Гогену. Устроенный аукцион обеспечил необходимую сумму франков. Отъезд был назначен.

Утро. Уголок скромного кафе. На столике две чашки кофе. Встретились два друга — Поль Гоген и Шарль Морис.

Тишина. Страшная усталость подавила мастера. Цель близка. Но ожидание было чрезмерно.

На Шарля безучастно глядели холодные, голубые, прикрытые тяжелыми натеками век глаза художника. Ноздри изломанного, крючковатого носа вздрагивали. Узкий покатый лоб прорезала глубокая вертикальная морщина. Резкая, как трещина. Прямые, твердые, сухие губы жестко сомкнуты. Рыжеватая редкая борода обрамляла массивный подбородок.

Гоген надменно молчал. Вдруг на мертвенно-бледном лице пробежала гримаса отчаяния. Внезапно он спрятал в ладони искаженное болью лицо и разрыдался. Пряди волос упали на руки. Он задел локтем чашку кофе. Черная жижа растеклась по белизне скатерти.

Шарль пытался утешить друга. Напрасно.

— Я не мог содержать семью и одновременно следовать своему призванию. Я тогда выбрал призвание, но и тут провалился. Никогда я не был так несчастлив.

Проводы.

Знаменитый поэт Стефан Малларме произнес:

— Давайте без обиняков пожелаем Полю Гогену благополучно вернуться обратно, а одновременно выразим наше восхищение тем, как самоотверженно он в расцвете сил ищет обновления в дальних странах и в глубинах собственной души.

Когда все обычные в таких случаях выспренние и трескучие комплименты были сказаны, слово предоставили виновнику собрания.

Поль. Гоген. СБОР ПЛОДОВ. 1899.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина

Поль Гоген. ТАИТЯНСКИЕ ПАСТОРАЛИ. 1893.

Государственный Эрмитаж

— ...Я не могу говорить долго и красиво. Некоторые из нас уже создали шедевры, которые завоевали большую известность. За них и за будущие работы!

Гоген ясно представлял грядущую встречу: либо он привезет нечто значительное, либо тупик.

Наступал рассвет следующего дня.

Друзья проводили его на Лионский вокзал.

Заметьте, что на вокзале отсутствовали его бывшие коллеги импрессионисты. Не было даже Дега, который неизменно привечал мастера.

Кстати, не только Дега заметил и оценил редкостный талант нового живописца.

«Искусство Гогена,— признается великий скульптор Аристид Майоль,— было для меня откровением... Посмотрев понт-авенские картины (ранние полотна Гогена.— И. Д.), я почувствовал, что смог бы работать в том же духе. Я сразу сказал себе, что был бы удовлетворен своей работой, если бы ее одобрил Гоген».

Но Париж есть Париж. Раздался гудок паровоза. День-два в студиях и кафе посудачили, посплетничали о беглеце и... забыли о нем.

Вдогонку словно прозвучали слова уже ушедшего из жизни Винсента Ван Гога:

«Гоген — это удивительный художник... Это друг, который учит вас понимать, что хорошая картина равноценна доброму делу... Общаясь с ним, нельзя не почувствовать, что на художнике лежит определенная моральная ответственность».

Корабль «Океания» отбыл из Марселя 1 апреля 1891 года. Но это была не шутка. На карте стояла судьба.

Тропическая ночь глядела на мир широко открытыми глазами ярчайших звезд. Старый парусник «Вир» вползал в тихую лагуну. Колючие темные коралловые рифы пропустили корабль. Дряхлый его корпус содрогался от усилий изношенных машин. Порою казалось, что убогая посудина вот-вот развалится. Но долгое плавание осталось позади. Ржавый тяжелый якорь, мирно спавший три недели, наконец бултыхнулся в маслянистую фиолетовую воду лагуны. Загремели цепи. Гогену показалось, что он сбросил оковы. Перед ним из мрака восставал диковинный мир. Теплый муссон дохнул пряным ароматом. Огромная живая стена багряных цветов опоясывала берег. Ветер промурлыкал обрывки песен. В звездном мраке высился сумеречный великанский конус острова. «Вир» застопорил в полумиле от порта. Хриплый тоскливый гудок прорезал душную тишину. «Прощай, Европа!»— подумал новый Одиссей. Но как не похож был художник Гоген на хитроумного героя мифов! Он был наивен. Мечтал убежать от самого себя. Не знал, что нельзя выскочить из своей эпохи и оказаться в другом временном измерении.

Баркас доставил Поля и его скудный багаж в порт. Художник ступил на желанную землю Таити. Ему приветливо моргали одинокие огоньки бессонных окон. Острые листья пальм мерно покачивались, словно говорили: «Здравствуй, Гоген». Душа мастера ликовала. Вот она, столица Таити — Папеэтэ. Рассветало. По неостывшему песку скользили босоногие, призрачные, как ему казалось, тени девушек в просторных хламидах, юношей в белых рубашках и набедренных пестрых юбочках из набивного ситца. Море лепетало свою немолчную песню. Это была сказка.

Но очарование исчезло, как пришло. Заря обозначала приземистую нудную вереницу лавчонок и кабаков. Прижавшись друг к другу, застыли неказистые кирпичные дома. Рядом прислонились дощатые бараки. Перед ошеломленным Гогеном предстал городок в своем нелепом провинциальном убожестве. И когда позже живописец увидел чванливые фигуры портовых чиновников — своих соплеменников — в белых пробковых шлемах, столкнулся с их вежливо наглыми взорами, он понял, что жизнь на далеком острове будет непростой. Но он не ведал и не мог предвидеть, как невыносимо сложно и унизительно станет ожидающее мечтателя испытание.

Пока же он верил в свои грезы.

Раскрывалась новая страница в жизни Гогена.

Он должен доказать Парижу свою правоту, свою силу.

9 ноября 1893 года. Улица Лафит. Галерея Дюран-Рюэля. Вернисаж выставки Поля Гогена. Около сорока таитянских полотен — радуга невиданных цветов. Автор сам был поражен колористическим богатством своего труда. Его уверенность в грядущей победе отражена в письме к скептической супруге Метте, живущей с детьми в Копенгагене:

«Вот теперь я узнаю, было ли с моей стороны безумием уехать на Таити».

Легкая ирония в ожидании триумфа.

Рано-рано утром Гоген последний раз прошел по анфиладе зал. В тишине особо ярко звучала музыка картин. Художник проверил этикетки, поправил кое-где развеску, протер еще раз любовно свои полотна. Ведь это были его дети, плоды любви и мечты.

Днем разнаряженная публика заполнила экспозицию. Было шумно и, как всегда, весело. Обычное оживленное начало. Рукопожатия, объятия, поцелуи. Улыбки дам.

Но к трем часам все стало ясно. Провал. Гогена встречали пустые, скучающие глаза. Знакомые отворачивались, боясь столкнуться с автором. Один Эдгар Дега громогласно хвалил Гогена. Поздравил с успехом. Но это была малая капля в море равнодушия, непонимания и злобы. Да, злобы серых, завистливых людей.

Шарль Морис (вспомните сцену в кафе перед отъездом Гогена на Таити) не отходил от Поля Гогена. Позже он написал:

«Провалились все грандиозные планы Гогена. Разве не мечтал он о роли пророка? Разве не уехал он в далекие края, когда посредственности отказались признать его... Надеясь по возвращении предстать во весь рост, во всем величии...»

И вдруг фиаско.

Живописец терпеливо вынес все страдания. Он не сомневался в своей правоте.

И в этом был весь Поль Гоген.

«Он улыбался. Спокойно спрашивал всех друзей, какого они мнения, и без малейшей горечи отвечал непринужденно на задаваемые вопросы... Провожая в конце злополучного дня до дверей выставки, он упорно молчал, хотя Дега продолжал восторгаться его холстами. Когда знаменитый мастер уже хотел прощаться, Гоген снял со стены резную трость своей работы и подал ему со словами:

— Месье Дега, вы забыли вашу трость».

Зловещий парадокс заключался в том, что через определенное время, отмеренное судьбою, все экспонаты стали гордостью лучших музеев мира. К счастью, многие из выдающихся шедевров находятся в собраниях нашего Эрмитажа и Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, в том числе «Таитянские пасторали» и «А, ты ревнуешь?», «Сбор плодов», помещенные на цветной вкладке журнала. Наша коллекция Гогена — одна из самых выдающихся в мире.

Надо сказать, что не только Дега восхищался таитянской сюитой невольного странника.

Октав Мирбо писал: «Оживают мифы. Гоген так тесно сжился с маори, что их прошлое стало для него своим. Вот они, его картины, излучающие своеобразную красоту...»

Газетчики дали волю своим перьям: «Подробно писать об этой выставке — значит придавать чрезмерное значение этому фарсу».

Ловко?

Ведь то был не фарс, а трагедия. Выставка обозначила крах всех надежд на благополучие или хоть на какую-то обеспеченность.

Лишь Дега купил картину из серии «Хина». Холст «Таитянские пасторали» приобрел русский коллекционер. Молодой Воллар взял холст, изображавший таитянку в кресле-качалке. Словом, только четвертая часть произведений Гогена была распродана.

Гоген решил немедля вернуться на Таити. Но судьбе было угодно задержать, помучить художника в Париже. Он пишет в эти горестные месяцы книгу «Ноа-Ноа», что означает по-таитянски «Благовонный».

28 июня 1895 года вечерняя газета «Суар» опубликовала статью под скромным заголовком «Отъезд Гогена»:

«Завтра большой художник покидает Париж и Францию, не надеясь вернуться... Все... препятствует, включая неприязнь власть имущих и ненависть посредственностей... Так с какой стати требовать от него, чтобы он продолжал мириться с нелепыми и несправедливыми условиями, раз он не может рассчитывать на поддержку общества, которое благоволит только богатым, он не может и служить ему... Ведь это факт, что ему закрыли вход во все официальные салоны искусства и отказались использовать его творческий гений. Зачем же оставаться здесь?»

8 сентября 1895 года пароход «Ричмонд» вошел в лагуну Папеэтэ. Гоген во второй раз прибыл на любимую землю, чтобы уже не покинуть ее никогда.

Вечерело. Багровый диск солнца катился в лиловое марево, стоявшее над горизонтом. Теплый бриз шевелил море. Лагуна искрилась оранжевыми, алыми бликами заката. Гоген устало брел вдоль набережной. Ему было страшно: Он искал этот рай. Напоенный запахом диковинных цветов, населенный наивными людьми. Он вдыхал чистый воздух, слушал пение птиц. Дикая, почти первозданная природа окружала очарованного художника.

Ему казалось, что дивная фантазия стала фактом.

Но он не убежал от Европы. «Цивилизация» встретила Гогена на далеких островах. Ее жестокий, неприглядный лик, улыбчивый и равнодушный, не оставлял его ни на минуту. Можно было покинуть Париж, казалось, разделаться с этими суетными и пустяковыми буднями, в которых царили чистоган и пошлость. Но как уйти из самой страшной тюрьмы — от самого себя? Живописец грезил бросить, забыть все. И глумливые усмешки вернисажных завсегдатаев, и липкие и неотвязные вопросы газетных писак, и нищету духа роскошных салонов, где раскрывалось все убожество угодливой красивости, заключенной в позолоченные рамы, издевки буржуазных мещан и зевак. Думалось, что все это было так далеко за океаном.

Однако ничто не ушло.

Конечно, бывали считанные счастливые месяцы там, в заброшенном в зеленых дебрях селении. Тогда Поль Гоген блаженно ощущал всю прелесть музыки тишины. Раскованная, счастливая душа художника словно выпевала один холст за другим. На картинах возникала воплощенная мечта живописца. Ласковые люди. Их немудреный быт, сборы плодов. Простота и нежность их общения друг с другом. На первых порах казалось, что островитяне были так близки к библейским Адаму и Еве. Но это был лишь мираж. Один клочок бумаги пришедший из Парижа, одна беседа с чиновником да просто косые взгляды местной «белой элиты», взиравшей пренебрежительно на нищего гордеца, чудака, возомнившего себя ровней,— все это мгновенно возвращало Гогена из мира грез к реалиям. Как немного надо было, чтобы разбить хрустальный храм, который придумал сам мастер. Тогда наступали часы отчаяния. Тогда сама смерть заглядывала в хижину.

Солнце ушло в сизую мглу. Зажглись фонари. Нехитрые тени и свет островных вечеров. Крошечные кабачки. Высверки бликов на темной посуде. Немудреные украшения женщин. Томные звуки маленьких оркестриков... Европа принесла на острова алкоголь, болезни и власть денег. Первобытная тишина, которая мнилась Гогену, давно растаяла в сухих постукиваниях канцелярских счетов, «ремингтонов», в гулком вое пароходных гудков. Круг замыкался.

«Надо бежать»,— подумал Гоген.

«Куда?» — ответил шепотом шорох пальмовых листьев.

...Гоген получил письмо от друга: «Если ты вернешься теперь, есть угроза, что ты испортишь процесс инкубации, который переживает отношение публики к тебе. Сейчас ты уникальный, легендарный художник, который из далеких Южных морей присылает нам поразительные, неповторимые вещи, зрелые творения большого художника, уже по-своему покинувшего мир. Твои враги (как и все, раздражающие посредственность, ты нажил много врагов) молчат, они не смеют нападать на тебя, даже подумать об этом не могут. Ты так далеко. Тебе не надо возвращаться... Ты уже так же неприступен, как все великие мертвые; ты уже принадлежишь истории искусства».

Пока Гоген получил этот ответ Даниеля де Монфреда, он и сам давно пришел к тому же выводу. С трогательным смирением он пытался утешить себя тем, что, даже если нельзя вернуть здоровье, это еще не беда, только бы удалось прекратить боли. «Мозг продолжает работать, и я снова примусь за дело, чтобы трезво попробовать завершить то, что начал. Кстати, в самые тяжелые минуты это — единственное, что мешает мне пустить себе пулю в лоб».

Атуона. Сентябрь 1902 года. Живописец записывает свои мысли об искусстве. В них все его пристрастия и неприятия. Мечты и надежды.

Хижина Гогена. Зеленый шум пальм, отделенный глухой рокот прибоя. Бежит перо.

«Энгр умер и, вероятно, был плохо зарыт, потому что сейчас он стоит во весь рост, и уже более не как официальная персона в мире художников, но выделяясь из общих рядов... Слава богу, есть еще Коро, Домье, Курбе, Мане, Дега...»

Мастера-композиторы. В полотнах которых звучит Природа, народ, время. Это гордость искусства Франции.

Примечательно, что из плеяды последователей Эдуарда Мане назван лишь Эдгар Дега. И не потому, что он был всегда верный друг и почитатель творчества Гогена. Он в отличие от всех импрессионистов

создавал свои шедевры преимущественно не в упор с натуры, а в студии. Дега был мастер синтеза.

...Гоген был очень музыкален. Хорошо пел, превосходно играл на мандолине, гитаре. Но не это было, конечно, главное. Живописец обладал редкостным даром видеть, а главное — слышать несравненную гармонию природы.

«Будьте уверены,— писал Гоген,— что живопись красками уходит в сферу музыки. Расположение цветов, света и теней порождает особый порядок впечатлений. Это можно назвать «музыкой картин».

Вглядитесь в его холст «Таитянские пасторали», и вы услышите звук флейты, окрашивающий весь гармонический строй полотна. И хотя цвета в картине предельно напряжены, в созвучии они составляют прекрасную мелодию, цельную и чарующую. Здесь ничто не кричит и напрочь отсутствует диссонанс, хотя, повторяю, колера невероятно контрастны. Это секрет загадки, которой владел Гоген.

И он это знал.

«Я люблю представлять себе, что было бы, если бы Делакруа появился на свет тридцатью годами позже и предпринял, с его счастьем, и особенно с его гением, борьбу, которую осмелился начать я.

Какой ренессанс был бы теперь!»

К сожалению, как бывает часто в истории искусств, сам Поль Гоген, родившийся в 1848 году и трагически окончивший свой путь в 1903 году, не успел решить до конца поставленную им задачу.

Мечтатель и изгой, Гоген искал здесь, на островах, осуществления своих грез. Он хотел выразить пластически единение Человека и Природы. Ведь современная ему цивилизация уже тогда, с ее огромными городами, грохотом и круговертью, фатально начинала разрывать эту целебную связь.

Естественно, Поль Гоген смутно представлял себе грани жизни Запада нового века. Но он чувствовал на себе все усиливающуюся зловещую власть чистогана. Видел особенно зримо здесь, на архипелаге, угнетение и унижение человека человеком.

Интуитивно в своих полотнах живописец проповедовал изначальную чистоту, добро, необходимость связей рода людского и самой земли. Он свято верил, что красота и гармония способны излечить многие раны человеческие. Может быть, его грезы наивны, но они продолжают быть современными и звучат сегодня как никогда.

Ощущал ли свою роль Гоген? Чувствовал ли он меру своих опытов?

Вот что как-то начертал художник:

«Я работаю все больше и больше, но до сих пор делаю одни лишь этюды, которые все накапливаются. Если они мне не пригодятся, ими могут впоследствии воспользоваться другие».

Вчитайтесь, и вы явственно услышите в этих коротких, полных благородства, внутренней душевной чистоты и скромности словах эхо ухода великого художника. Их сказал Поль Гоген. Мастер, оставивший роду людскому десятки жемчужин искусства.

Шаткая деревянная кровать. Она украшена диковинной резьбой. Таитянским орнаментом, листьями манго, фигурами людей и зверей. На смятых подушках страшное лицо Гогена. Неузнаваемое от тяжких мук. Одутловатое, отечное. Седая борода, короткие, прилипшие к крутому лбу волосы, запавшие некогда острые глаза еле мерцают. Дыхание прерывисто.

Но лежа, почти слепой, он через силу пишет.

С террасы виден лес кокосовых пальм, мерно покачивающихся в волнах пассата. Тихо. Где-то в зеленой гуще тоскливо вскрикивает неведомая птица. И опять тишина. В луче вечернего солнца беззвучно пляшут черные мошки. Скрипит перо. «Ты ошибся, когда сказал однажды, будто я не прав, называя себя дикарем. Каждый цивилизованный человек знает, что это так. Ведь в моих произведениях их поражает и озадачивает именно то, что я поневоле дикарь. Кстати, потому-то мое творчество и неповторимо... Все, чему я учился у других, только мешало мне. Поэтому я могу сказать: меня никто ничему не учил. Верно, я мало знаю! Но я предпочитаю то малое, созданное мною, что действительно мое. И кто ведает, быть может, это малое, став полезным для других, когда-нибудь вырастет во что-то большое?»

За тысячи километров от Франции, на затерянных в огромном океане Маркизских островах, в местечке Атуоне угасал Гоген.

Проскрипела лестница. Пришел врач. Единственный на всем архипелаге. Он с трудом перевернул тяжелое тело. Долго вслушивался в еле улавливаемый трепет сердца. Сделал укол. Один, другой. Выдавил улыбку. Сказал: «Крепись, старина».

Художник знал все. Он давно уже был живой труп. Он никогда не мог забыть слова из письма своего парижского друга Даниэля де Монфреда. Вот и сейчас, когда ушел доктор, Гоген взял с табурета, уставленного склянками с лекарствами, шприцами, небольшой конверт. Надел очки в тонкой железной оправе. Прочел...

Откуда-то из жаркого, зыбкого марева Гогену явились темные своды парижской биржи. Он проник в этот храм золотого тельца. И как все маклеры, принимал участие в служении этому кумиру. Глухой рокот толпы. Вскрики. Звучали обрывки чисел, цен акций. В самом воздухе биржи витали призрачные и невидимые боги того жестокого мира — доллары, франки, фунты стерлингов. Их щупальца достигают любую точку планеты. Вот они шевелятся у самого его ложа. От них не уйти...

Но Гоген познал тайну свободы. Он умрет.

Ведь дело, которое он задумал, сделано.

Гоген напомнил Европе, что, кроме беличьей карусели и лихорадочной погони за Фортуной, а говоря проще, за чистоганом, есть еще тишина, наивные и чистые люди, добрые и приветливые, есть, наконец, наша мать-Земля, о которой забыли все эти участники грандиозной человеческой комедии. Ведь в сутолоке городов, шуме и визге машин не слышен голос Природы.

Из радуги солнечных отблесков словно выплыли славные лица детей — Сюзанны, Поля; они смеялись и звали его домой. Вдруг набежал сумрак, и Гогену явилась истеричная супруга Митти. Он услыхал визгливое «безумец, бездельник», и поползли из тени лоснящиеся рожи ее родичей, копенгагенских толстосумов. «О, как они меня ненавидят»,— только успел подумать художник, и ослепительный высверк заставил его вздрогнуть... Боже, как блестит, как нудно звенит золото. Нет. То пылают закатные блики.

В вечернем сиянии зари появились двое: элегантный, сдержанный Эдгар Дега и Ла Гулю — блистательная звезда «Мулен Ружа». У них в руках по одной белой гардении.

«Почему две? — мелькнуло в сознании.— Разве я умер?»

Теплые рукопожатия, поцелуи.

«Я куда-то уезжаю».

Кто-то надел на голову Гогена венок из цветов. Нежное касание юных рук вахине Теха'амане, таитянки. Воскресло счастье. Благоухающее Ноа-Ноа.

Внезапно он услыхал журчащий детский плач. Малютка протягивала ему свою любимую куклу в заляпанном грязью голубом платьице. Раздался стук железной клюки, и из сумерек выползла старуха, за спиной у нее громоздился мешок... Призывно и приторно улыбнулись розово-ядовитые губы манекена с витрины мод.

Сладкий, дурманящий запах травы, ласковый шелест листьев кокосовых пальм, отдаленный лепет морского наката, игра лучей солнца, горячие тени таитянского лета слились в теплый размытый поток.

Гогену показалось, что он идет по бесконечному зыбкому тоннелю. Как далек путь! Откуда-то из сиреневого света к нему бредут люди. Как колюча борода, как крепки объятия! Ван Гог. Рядом с ним — милый брат Тео. Они берут его под руки. Как легко стало идти! Все ярче свет. Вот и папаша Танги. Как добра его стариковская улыбка. «Откуда я слышу тихий звон?» — помыслил Гоген. И близко-близко ощутил запах лица матери. Она коснулась его мокрой от слез щеки... И снова он уже явственнее почувствовал звон цепей старого парусника «Вир». В последний раз увидел мерцающие огни Папеэтэ.

Якорь упал в океан...

«Огонек» в Оренбуржье

НА НОВЫЕ РУБЕЖИ

«Слава газовикам Оренбуржья!» — такой лозунг на фронтоне Дома культуры «Дружба». Девятый год подряд многотысячный коллектив ВПО «Оренбурггазпром» удерживает переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ; в сорок третий раз объединение завоевало переходящее Красное знамя Министерства газовой промышленности СССР и ЦК отраслевого профсоюза. Ему присуждено также переходящее Красное знамя облсовпрофа и облсовета ВОИР за лучшие показатели по созданию рационализаторского фонда пятилетки. Весомы успехи этого года. За восемь месяцев добыто и переработано сверх плана более шестисот миллионов кубометров газа, около 90 тысяч тонн газового конденсата, произведено сверх плана 30 тысяч тонн серы. На сэкономленных ресурсах можно проработать более двух дней, на 101 процент выполнен план по росту производительности труда. Свое пятилетнее задание коллектив намерен завершить по всем показателям досрочно — 29 ноября 1985 года.

О таких радостных итогах говорил в своем докладе на торжественном собрании, посвященном Дню работников нефтяной и газовой промышленности, главный инженер ВПО Б. В. Сперанский. Поддерживая одобренную ЦК КПСС инициативу ВАЗа по разработке более напряженных плановых заданий, газовики Оренбуржья также приняли повышенные обязательства на 1986—1990 годы. За счет расширения и реконструкции Оренбургского газоперерабатывающего завода, ускоренного освоения Карачаганакского месторождения в Казахстане, интенсификации процессов добычи, повышения уровня автоматизации и внедрения систем телеуправления на 30,2 процента будет обеспечен прирост объема производства, а добычи конденсата — в 2,4 раза. Намечены пути более рационального использования капитальных вложений.

По сложившейся традиции в день профессионального праздника состоялось чествование победителей соревнования. В прошлом году приз журнала «Огонек» завоевали буровики. Кому он достанется сегодня?

Секретарь парткома ВПО А. В. Коряк огласил решение жюри. Первая премия присуждена добытчикам газа, оперативно-производственной службе — ОПС — под № 7. Командует ею тридцатидвухлетний Альберт Викторович Тен.

Интересна биография этого инженера. Родился он в Ферганской долине. Рано познакомился с добычей газа. Его отец, бурильщик, работал в ВПО «Бухарагазпром» и не раз брал с собой сына на скважину. Вот тогда, вероятно, и решилась судьба Тена-младшего. После окончания школы он поехал сдавать экзамены в Уфимский нефтяной институт. А после института его направили в Оренбург.

Седьмую ОПС называют молодежной. 16 комсомольцев и один «дед» — оператор Иван Тихонович Шульгин, наставник и всеми уважаемый председатель профкома. Дела на молодежной идут неплохо. К 50-летию стахановского движения добыты сверх плана десятки миллионов кубометров газа, на 9,6 процента выросла производительность труда, сэкономлено на десятки тысяч рублей химреагентов.

Под звуки оркестра на сцену поднимаются А. В. Тен, И. Т. Шульгин, Игорь Матусевич, комсомольский секретарь. Член редколлегии журнала «Огонек» Ю. С. Новиков вручил победителям приз — факел синего огня, рвущийся из хрустального жерла трубы. Вторая премия — переходящий вымпел журнала «Огонек» — вручается коллективу буровой бригады мастера В. Крайнова; третья премия — коллективу газокомпрессорной станции № 1, возглавляемому П. Хвалевым; поощрительная — коллективу установки 2У-370, где начальником Н. Сироткин.

В заключение с творческим отчетом выступили коллективы художественной самодеятельности газовиков.

Все собравшиеся тепло, радушно встретили выступление поэта Анатолия Тучина, приехавшего в составе творческой группы «Огонька». В работе группы приняли участие спецкор «Огонька» Г. В. Куликовская и кандидат экономических наук М. Н. Тубольцев.

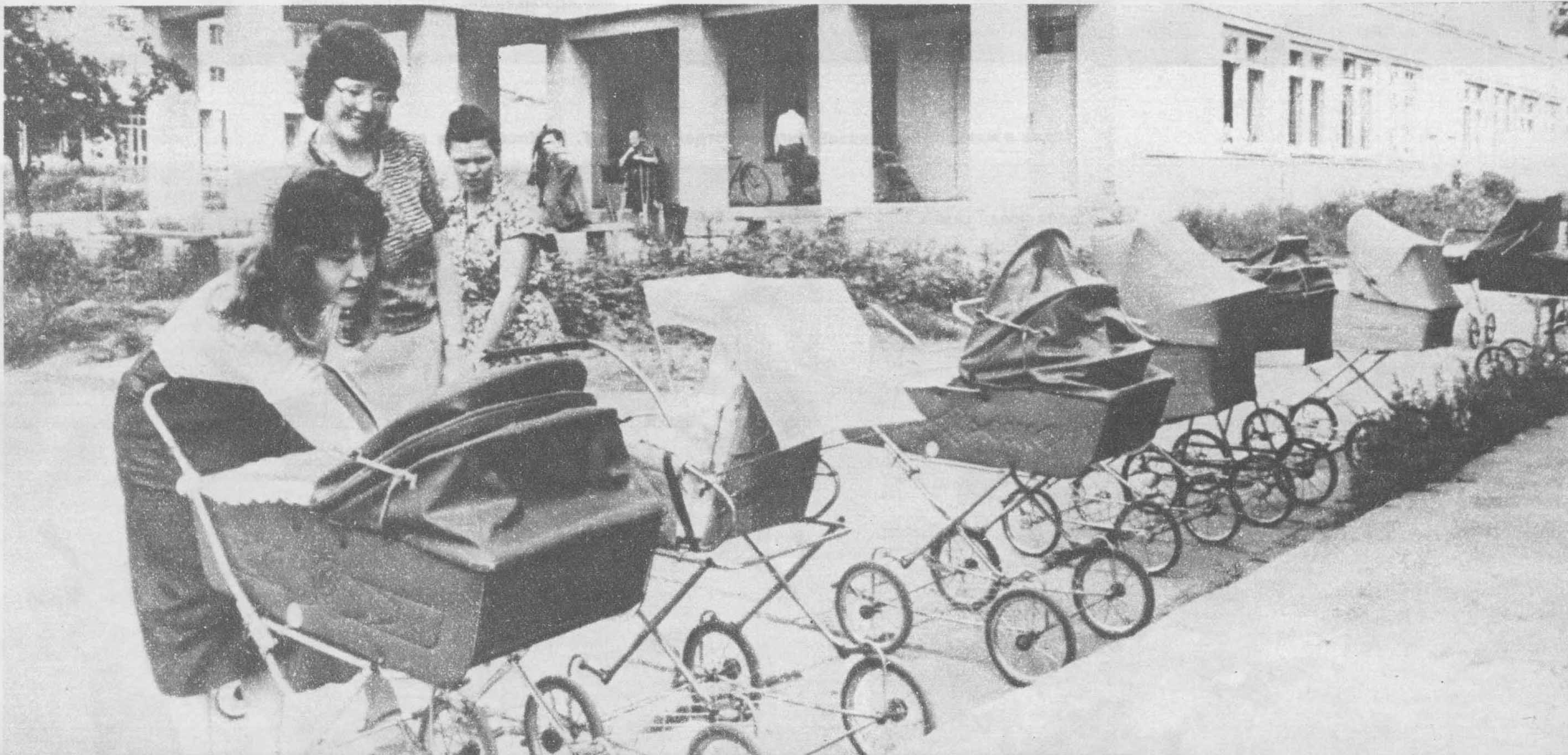
Г. ВЛАДИМИРОВА

Самая обыкновенная улица Саянска...

ПОСРЕДИ ВЕКОВОЙ ТАЙГИ

Фото Э. БРЮХАНЕНКО (ТАСС)

Детские коляски — тоже достопримечательность города.

А вот тут сказки живут...

Взгляните на эту фотографию Правда, красиво? Это одна из улиц совсем молодого сибирского города — Саянска. Вообще-то ему исполнилось пятнадцать лет, и статут города он получил только что. Ленинградские архитекторы уделили его застройке и развитию максимум внимания. Жилые кварталы здесь своеобразны — строители бережно сохраняют среди домов вековые сосны тайги. И воздух особенный, пронизанный густым запахом хвои. Дома возводятся как ни в одном сибирском городе, по кольцу. Внутри уютные дворики, куда не проникают хлесткие ветра.

Стараются и сами строители сделать свой Саянск краше. Бригадир отделочников Галина Васильевна Костенко приехала сюда из Ангарска, который она тоже строила. Хорош Ангарск, ничего не скажешь, а вот Саянск будет лучше: Галина Васильевна начала его строить с первого дома, и все здесь для нее родное, знакомое. Сейчас вдвое у нее забот и хлопот прибавилось: избрали Костенко депутатом городского Совета.

Строится сегодня много. И надо следить за тем, чтобы вовремя сдавались школы и детские сады, спортивные залы, чтобы были во дворах для ребятишек хоккейные и игровые площадки, сказочные городки.

По вечерам спешит нарядная молодежь в свой Дом культуры. А если рождается новая семья, то молодоженов ждут в Доме торжественных обрядов, здесь и свадьбы справляют, и малышей регистрируют. Саянск строится, обретая год от года все более приятные современные черты. Город рассчитан на 250 тысяч жителей. Саянцы верят, и не без оснований, что он станет со временем одним из красивейших городов Сибири. Ну, что же, поживем — увидим...

З. ДМИТРИЕВА

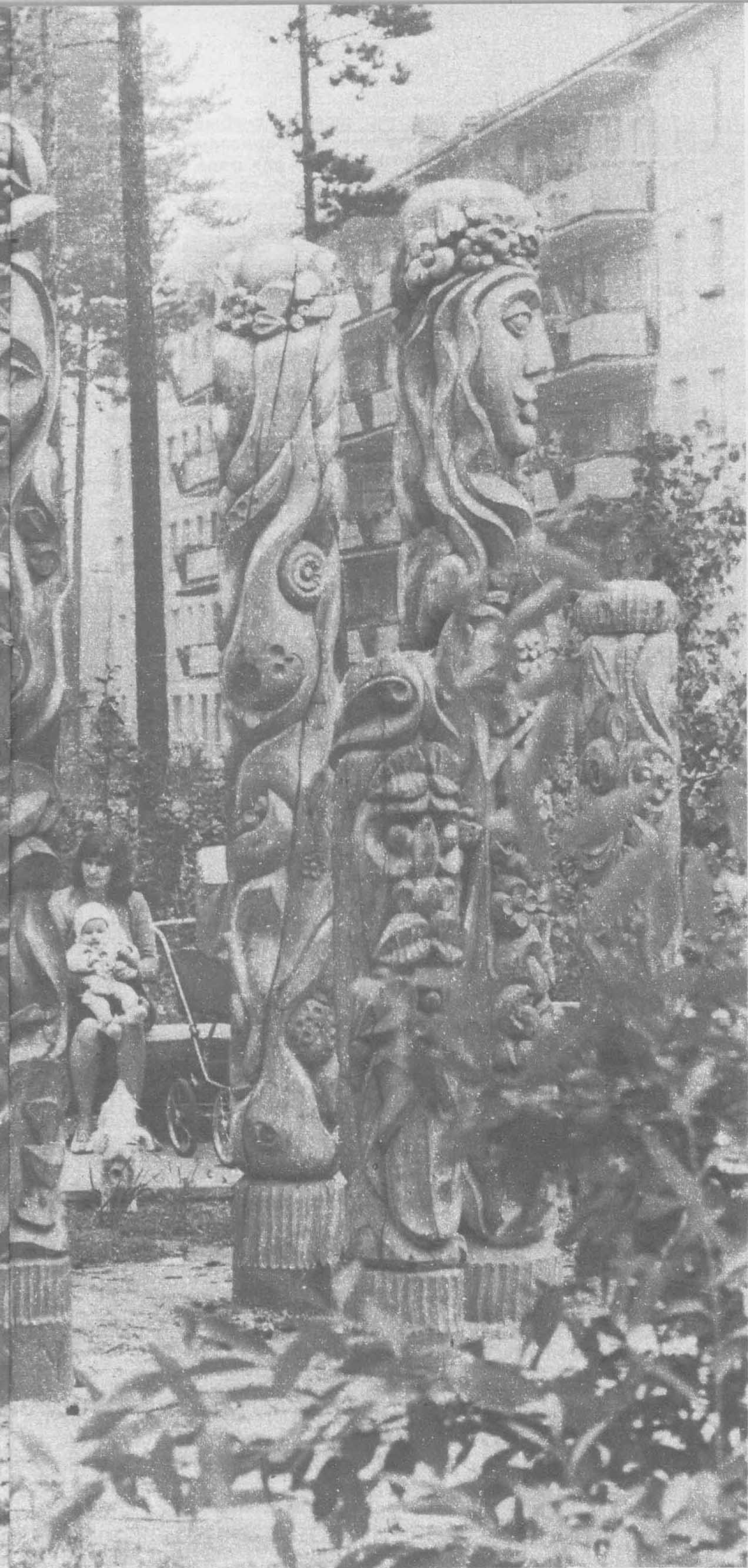
«Бригантина» поднимает паруса...

Бригадир отделочников Г. В. Костенко и ее товарищи.

Еще одна новая семья.

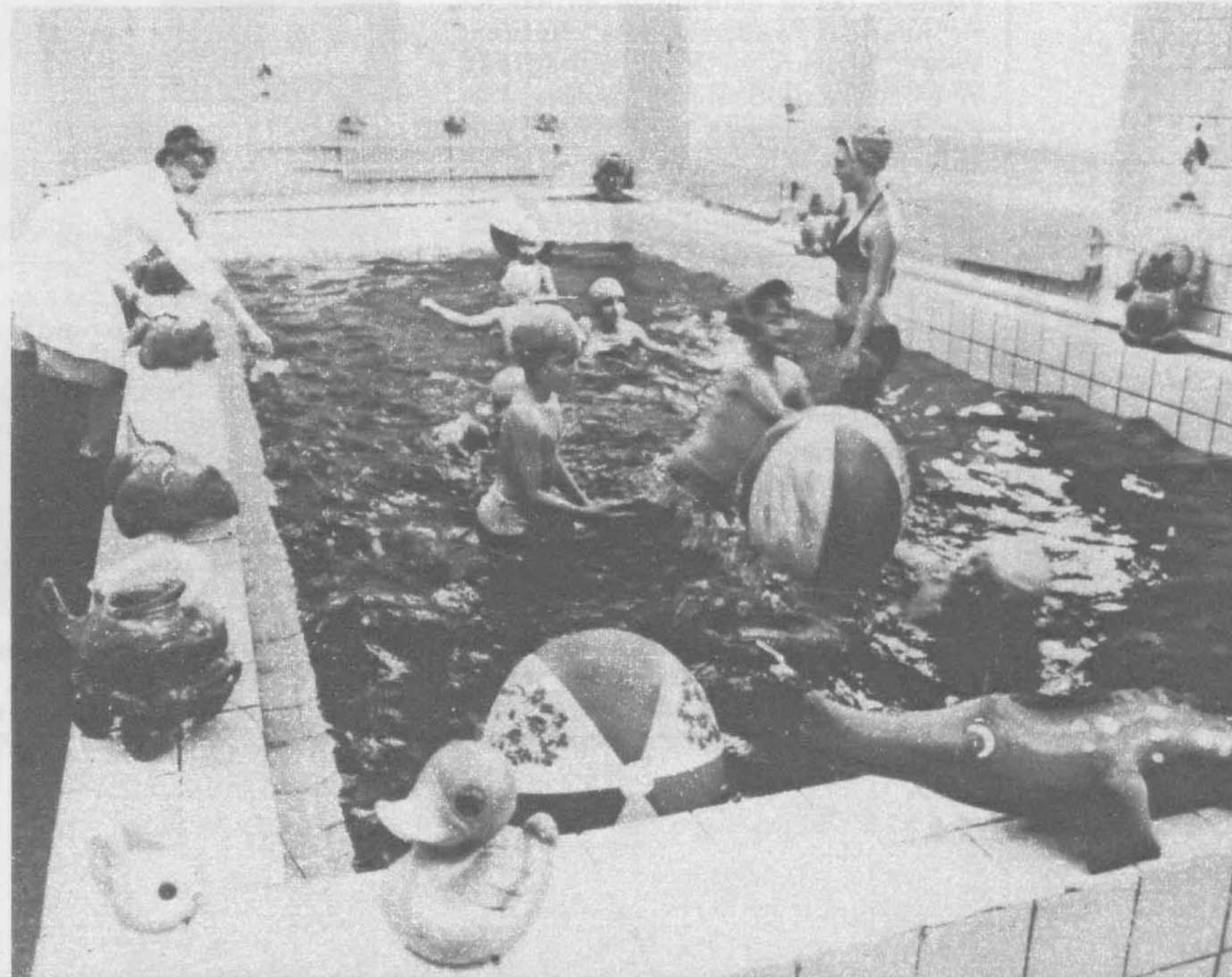

Официантка ресторана Надежда Кириллова.

Хороши качели...

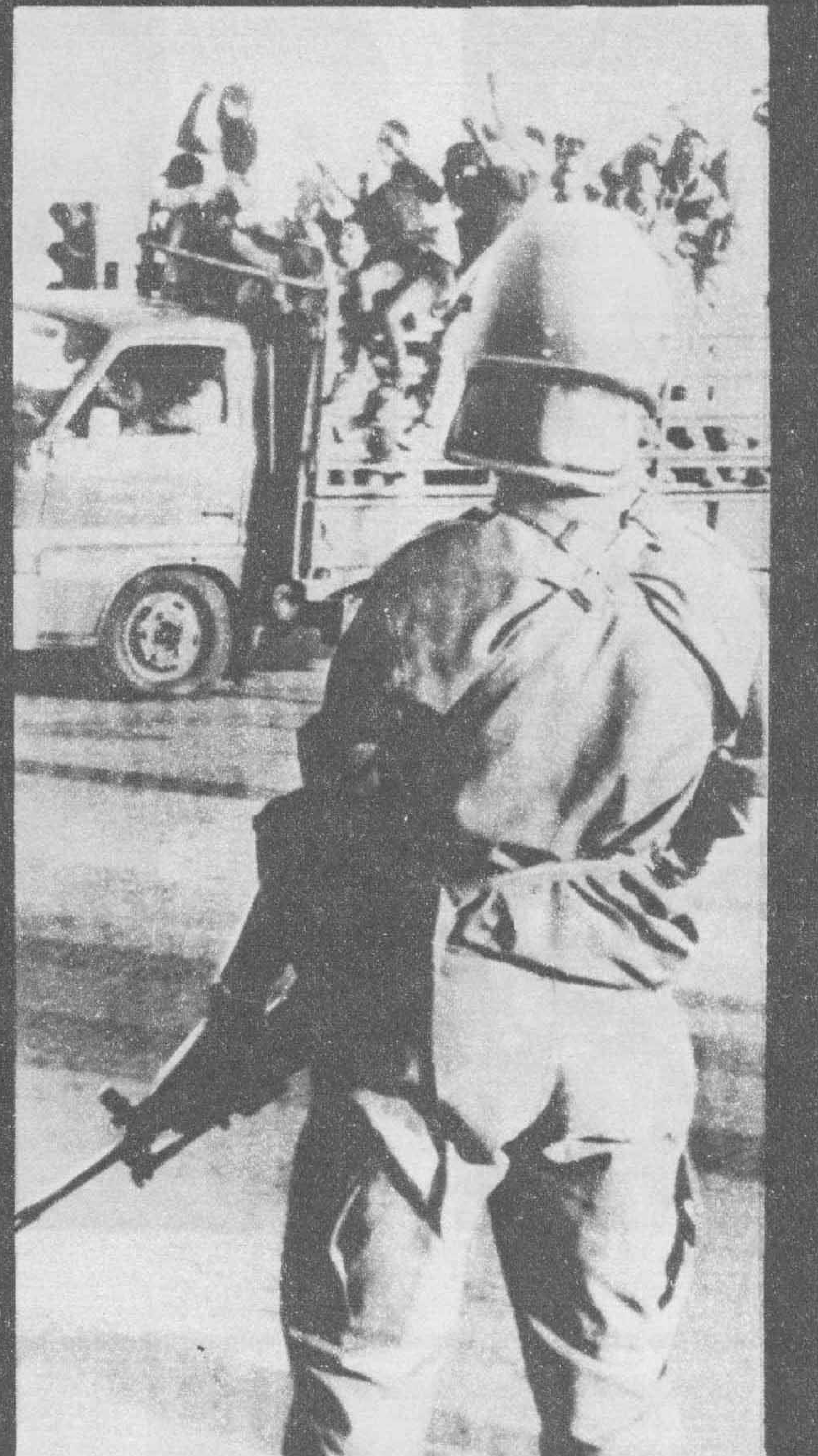
Весело ребятишкам в воде!

БУНТ В РАСИСТСКОМ ЗАСТЕНКЕ

В пригороде Кейптауна в эти дни.

«Блюстители порядка». Фото АП—ТАСС

Сообщения из ЮАР походят в эти дни на боевые сводки: вчера было убито 5 и ранено 38 человек, сегодня в госпитале скончались от ран еще двое...

Сейчас трудно определить, какой именно момент надо считать отправным в нынешней кампании беспрецедентного разгула террора. Во-первых, расистский режим всегда прибегал к насилию, безжалостно подавляя всякое выступление против апартеида. Во-вторых, африканское большинство никогда не прекращало борьбы с ним. Но одну дату можно назвать безошибочно: в 00 часов на воскресенье 21 июля в 36 административных районах ЮАР было введено чрезвычайное положение.

...В Претории, вокруг которой сжималось кольцо международной изоляции, вздохнули свободно, когда к власти в Белом доме в 1980 году пришел Рональд Рейган. Он сразу назвал ЮАР «дружественной страной» и «историческим союзником». А когда на Потомаке объявили «крестовый поход» против коммунизма и наклеили на национально-освободительные силы ярлык «террористов», расисты и вовсе воспряли духом. Переизбрание Р. Рейгана на второй срок вконец развязало руки рабовладельцам XX века. Они заторопились увековечить свою человеконенавистническую систему, слегка подретушировав ее.

Однако широко разрекламированные и проведенные в ЮАР «реформы» обманули немногих. Они ни в чем не изменили положение лишенных всяких прав черных жителей Южной Африки. Более того, они узаконили беззаконие. В стране начались волнения.

Как все происходит? Во время мирной демонстрации, в которой участвуют 50 человек, погибает один. На его похороны собираются 500. Гибнут пятеро. Их провожают в последний путь полторы тысячи... С начала этого года, по последним официальным данным, убито 660 человек. Каждый день список жертв пополняется.

Насилие над безоружными демонстрантами с применением броневиков, слезоточивого газа, резиновых и свинцовых пуль отозвалось бурными манифестациями протеста и солидарности по всему миру. В самый разгар антирасистских выступлений, которые мощной волной захлестнули и Соединенные Штаты, президент Рейган в радиоинтервью, выражая недоумение такой вспышкой активности честных американцев, заявил: зачем шуметь, в ЮАР «апартеид уже ликвидирован». Представителю Белого дома на последовавшей за этим скандальным заявлением пресс-конференции пришлось долго изворачиваться под градом недоуменных вопросов: Рейган, мол, имел в виду сегрегацию в системе образования, онде оговорился. В конце концов президенту пришлось публично извиняться за свое заявление. Правда, это извинение последовало после сообщения из ЮАР о том, что там было закрыто несколько сот школ, в которых обучаются около 350 тысяч «цветных» учащихся. Власти посчитали, что эти школы стали «источником насилия». А когда на скамью подсудимых в ЮАР посадили несколько десятков учащихся, младшему из которых не исполнилось и семи лет, это насилием не считалось.

Вся их «вина» заключалась в том, что они бойкотировали занятия в знак солидарности со своими отцами, поднявшими голос против апартеида.

Факты всегда убедительнее эмоций. «Нью-Йорк таймс» привела выдержки из последнего доклада министерства обороны США. Из них явствует: за время с 1980 по 1983 год ЮАР поставила Соединенным Штатам 61 процент необходимого им кобальта, 55 процентов хрома, 49 процентов платины, 44 — ванадия и 39 — марганца.

«Мы не знаем, как изготовить сталь без марганца,— сказал вице-президент «Эллегени интернэшнл инкорпорейтед» Э. П. Эндрюс.— Если поставки из ЮАР внезапно прекратятся, нам придется держать на земле самолеты военно-воздушных сил, закрывать больницы и рестораны».

А «Нью-Йорк таймс» подытожила: «Рейгановская администрация уже давно делает упор на стратегическое значение ЮАР для Соединенных Штатов, но в докладе министерства торговли рисуется новая картина американской зависимости от указанной страны в том, что касается снабжения стратегическими материалами, критически важными для ряда отраслей промышленности, начиная с аэрокосмической и нефтяной и кончая ювелирным делом».

После этого, собственно, нет нужды доискиваться до причин провозглашения Белым домом политики «конструктивного сотрудничества» с режимом апартеида. Они лежат на поверхности. Точнее, в подземных кладовых Южной Африки, на которые наложили руку транснациональные корпорации, наживающиеся на их грабеже и нещадной эксплуатации лишенного всяких прав африканского населения. Тем не менее даже в такой предельно ясной ситуации находятся в США законодатели, которые еще пытаются доказать, что экономические санкции против расистского режима повредят, мол, только африканцам. За эту неблаговидную задачу среди прочих взялась Нэнси Кассебаум, сенатор от штата Канзас, председатель подкомитета по африканским делам при сенатском комитете по иностранным делам. По ее глубокому убеждению, американские компании, действующие в ЮАР, «один из немногих источников эволюционных перемен в этой стране». Конечно, если «эволюцией» называть вакханалию террора, захлестнувшую бастион расизма, г-жа Н. Кассебаум права. Именно заигрывание с расистами и покровительство им привели к разгулу мракобесия, арестам инакомыслящих, массовым расправам и убийствам. Однако у сенаторши свой резон: в результате применения санкций «американские компании... могут очень скоро оказаться замененными другими иностранными компаниями».

Опасения патронессы заокеанского бизнеса вполне обоснованны. Лондон, Бонн и Брюссель давно и упорно отказываются применить экономические санкции против Претории. Только что там побывала ознакомительная миссия «Общего рынка» в составе министров иностранных дел Люксембурга, Италии и Нидерландов. Она тоже высказалась против санкций. И под тем же предлогом: они-де повредят африканцам. По обе стороны Атлантики, судя по всему, развернулось соперничество: кто быстрее выдаст индульгенцию Претории.

Под сильным давлением со стороны конгресса президент Рейган отдал все же распоряжение о введении санкций против ЮАР, подчеркнув однако, что это не означает кардинального изменения его политики в отношении Претории. Как говорится в распространенном по этому поводу заявлении Африканского национального конгресса, эти «санкции» — пустой звук, они никак не повлияют на систему апартеида.

По последним сообщениям телеграфных западных агентств из ЮАР — иным туда доступ закрыт,— волнения впервые за всю историю расистского застенка распространились и на районы, населенные белыми. Те стали срочно закупать оружие, его сбыт подскочил на 70 процентов. И они, не задумываясь, пускают его в ход. Тем не менее в комментариях обозревателей все чаще и чаще мелькают слова «кризис», «катастрофа», «крах». Жестокая борьба идет в южноафриканских городах. Некоторые уже называют эту борьбу гражданской войной.

А. НИКАНОРОВ

Гавроши из Сальвадора

Газета «Вархайт» — орган Правления Социалистической единой партии Западного Берлина — опубликовала очерк своего корреспондента Ирины Шрекер, недавно побывавшей в Сальвадоре. Вниманию читателей очерк предлагается в сокращении.

В детстве я читала рассказ «Гаврош». Этот маленький герой классовых сражений своего времени погиб на баррикаде в Париже. Уже потом я узнала, что он был одним из персонажей романа Виктора Гюго «Отверженные».

А недавно я видела плакат. На нем изображен с винтовкой в руке подросток, которому примерно столько же лет, сколько было Гаврошу. Поверх безымянного портрета на плакате слова: «Эль Сальвадор либре» — «Свободный Сальвадор».

Что представляется нам, когда мы думаем о четырнадцатилетних в нашей стране? О десятилетних, пятилетних?.. Во всяком случае, мы не представляем себе, что они стреляют или их расстреливают...

В Сальвадоре у детей нет времени, чтобы побыть детьми. Взросление там — это не вопрос прожитых лет или физического возмужания. Если дети рождаются у крестьянки, они живут на окраине кофейной плантации. Это может быть также хлопковое поле или плантации сахарного тростника. Запеленутые в тряпки или втиснутые в деревянный ящик, они лежат под палящими лучами солнца или на лютом холоде. Лежат, пока сами не научатся ходить и не смогут помогать взрослым. Мальчики в сельской местности, когда им исполняется двенадцать, считаются уже мужчинами, девочки — женщинами. Они очень быстро старятся, эти дети, не видавшие детства.

Кто украл у них детство? «Четырнадцать семейств». Это символическое понятие — синоним правящих династий «кофейных баронов» Сальвадора, на которые батрачит целый народ. А вся крупная буржуазия страны — это выходцы из немногим более двухсот семейств.

Народ гнет спину и на американские монополии, которые обосновались на чужой земле и обогащаются за счет дешевой рабочей силы. Сальвадорский рабочий обходится им всего в каких-то двадцать шесть долларов в неделю, а дети — еще дешевле. Вместо того, чтобы учиться, они работают, фабричные цехи—школы для многих сальвадорских детей.

Такую нищенскую жизнь народ этой страны влачит уже столетия. Но и этого мало: к нищете прибавился страх даже за такую жизнь.

Сальвадор — страна, где на улицах каждый день подбирают трупы. Если взять число убитых и поделить на прошедшее время, то окажется, что за последние пять лет в Сальвадоре каждый час насильственно обрывалась человеческая жизнь, в том числе детская. В прошлом году каждый месяц в среднем погибали двести двадцать четыре ребенка.

Большей частью сальвадорцы гибнут при воздушных налетах. Снова самолеты американского производства сеют смерть: белый фосфор, напалм, осколочные, шариковые, кассетные бомбы... В памяти невольно встают ужасные картины: маленькие вьетнамцы, с быстротой молнии исчезающие в земляных норах, как только до их слуха доносится вой приближающихся самолетов. Маленьким сальвадорцам тоже приходится учиться прятаться.

Когда Оскар Анульфо Ромеро, убитый архиепископ Сан-Сальвадора, был еще жив, он бросил президенту США страстное обвинение: «То, что вы намерены осуществить, вызовет огромное кровопролитие в этой страдающей стране». С того момента, как были произнесены эти слова, кровавый бухгалтерский счет разбух до ужасающих размеров.

С июня по ноябрь прошлого года бомбежкам подверглись 127 сальвадорских населенных пунктов. За этот же период только зондеркоманда «Атлакатль» — отборный батальон, вымуштрованный инструкторами США, убил семьдесят четыре сальвадорца. Мало того: сегодня все военные решения в Сальвадоре принимаются США. Долларовыми подачками они купили себе право на верховное командование. Ведь, помимо защиты прибылей монополий, речь идет о власти, о сферах влияния, и человеческие жизни при этом, естественно, не принимаются в расчет.

В Сальвадоре убийцы, состоящие на службе у режима, расправляются с людьми быстрее, чем священники успевают служить похоронные мессы. Кому исполняется четырнадцать, на того сразу начинают охоту: он должен опасаться за свою жизнь. Четырнадцать лет здесь партизанский возраст.

«Я не знаю, известно ли в США и Европе, что в Сальвадоре быть молодым — это преступление... Волей случая ты можешь быть ввергнутым в пучину страданий: они сажают тебя в тюрьму, они похищают тебя, они тебя пытают, они делают так, что ты пропадаешь без вести, или же они просто убивают тебя»,— это говорит Тоно, двадцатилетний борец за свободу. Каждый, кто потенциально может быть настроен против хунты, кандидат в смертники. Точно такого же мнения придерживаются и американские советники.

Хорошо известно о так называемом «карманном руководстве для никарагуанских контрреволюционеров» — это руководство для совершения убийств и диверсий. Автор ее — Центральное разведывательное управление США. Роберто д'Обюссон — создатель и руководитель сальвадорских «эскадронов смерти» — тоже обучался в лагерях ЦРУ. Согласно его теории, в каждом сальвадорском ребенке скрыт потенциальный партизан. По приказу этого палача убивают детей всех возрастов. Мать и ее грудного малыша, которому всего два дня от роду, вздергивают вместе на виселицу.

Люди бегут от ужасов смерти целыми семьями. Скитания — это тоже удел сальвадорских детей. Они умирают от истощения, голода и жажды. Они тонут в реках, которые пытаются переплыть. У пограничной реки Лемпа были зверски убиты сотни женщин и детей, пытавшихся спастись в Гондурасе. Но смерть косит детей и в лагерях беженцев. В этом случае она чаще всего приходит за ними в виде тифа и туберкулеза. Кроме того, типичной картиной являются вздувшиеся от голода детские животы.

Патриотов Сальвадора часто спрашивают, не испытывают ли они страха перед смертью. «Да, мы, как и все люди, не хотим умирать, но нам ничего не остается, кроме борьбы»,— отвечают они. Зачастую это и то единственное, что осталось детям. Фильм одного голландского документалиста о Сальвадоре начинается с такой сцены: солдаты хунты кого-то расстреливают прямо на улице Сан-Сальвадора. Кровью убитого неизвестный мальчик пишет на стене слова: «Революсьон о муэрте» — «Революция или смерть».

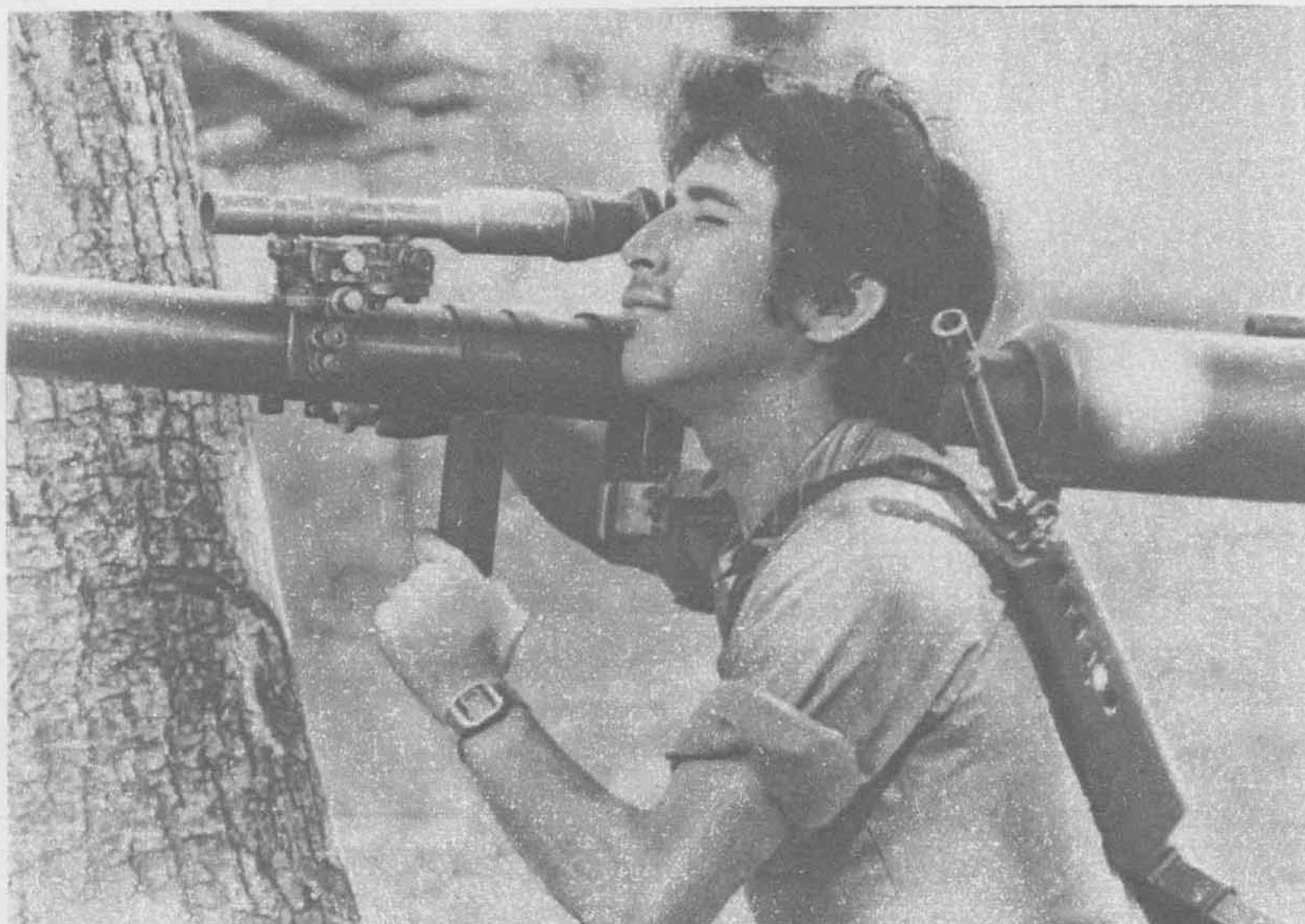
Эти дети рано начинают борьбу. Они становятся разведчиками, связистами, они учатся стрелять и драться врукопашную. По вечерам они слушают рассказы своих старших товарищей — партизан, вернувшихся из боя. Они гордятся тем, что находятся в их рядах.

Но они учатся не только этому. Фронт национального освобождения Сальвадора имени Фарабундо Марти начал кампанию по ликвидации неграмотности. Пока без всяких книг: только знаниями самих революционеров. Это новая жизнь, право на которую завоевано на третьей части территории страны — в районах, находящихся сегодня под контролем отрядов ФНО.

Гаврош и его сальвадорский брат... В этой стране сегодня тысячи гаврошей: дети, которые сражаются, дети, которые должны жить.

АПН — специально для «Огонька»

Четырнадцать лет — в Сальвадоре партизанский возраст.

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Венок Есенину

Владимир МАЯКОВСКИЙ

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ (отрывок)

...Это время —
трудновато для пера,
но скажите
вы,
калеки и калекши,
где,
когда,
какой великий выбирал
путь,
чтобы протоптанней
и легше?
Слово —
полководец
человечьей силы.
Марш!
Чтоб время
сзади
ядрами рвалось,
К старым дням
чтоб ветром
относило
только
путаницу волос.
Для веселия
планета наша
мало оборудована.
Надо
вырвать
радость
у грядущих дней.
В этой жизни
помереть
не трудно.
Сделать жизнь
значительно трудней.

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Ты был мне сыном. Нет, не другом.
И ты покинул отчий дом,
Чтоб кончить жизнь пустым испугом
Перед весенним в реках льдом.

Ты выпил все, что было в доме,
И старый мед и древний яд,
Струя запутанный в соломе,
Улыбчивый и хитрый взгляд.

И я бездумно любовался
Твоей веселою весной
И без тревоги расставался
С тобой над самой крутизной.

А под горой, в реке, в теснинах
Уже вставали дыбом льды,
Отец с винтовкой шел на сына,
Под пули внуков шли деды.

Былое падало в овраги,
И будущее в жизнь рвалось.
На мир надежды и отваги
Враги накаливали злость.

И разгорался бой упорный,
Винтовка приросла к рукам.
А ты скитался, беспризорный,
По заунывным кабакам.

Ты лебедем из грязи к славе
Рванулся дерзко. И повис.
Ты навсегда мой дом оставил,
И в нем другие родились.

Река несла под крутизною
Испуганный ребячий труп.
Ладонь обуглилась от зноя,
Сломались брови на ветру.

Михаил ГЕРАСИМОВ

ПАМЯТИ ЕСЕНИНА

Есенин — нежное имя,
Соловьиный звон.
Кудрями золотыми
Звенел веселый клен.

Из солнечного ливня
Весеннее лицо
Овеял ветер нивный
Цветочною пыльцой.

Образ чист и ясен,
Весь в кликах журавлей,
Ты, как светлый ясень
Над синевой полей.

Цвел пшеничный колос
С васильками глаз.
Соловьиный голос
Брызгал счастьем в нас.

Город громыханьем —
Грозой в твое чело.
Полярное дыханье
До смерти обожгло.

Разбился милый голос,
Осыпались цветы.
И, как осенний колос,
Сломался хрупко ты.

За песни, за страданье
В родимых краях
Звенит в веках рыданье
Подстреленного соловья.

Петр ОРЕШИН

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Сказка это, чудо ль,
Или это — бред:
Отзвенела удаль
Разудалых лет.

Песня отзвенела
Над родной землей.
Что же ты наделал,
Синеглазый мой?

Отшумело поле,
Пролилась река,
Русское раздолье,
Русская тоска.

Ты играл снегами,
Ты и тут и там
Синими глазами
Улыбался нам.

Кто тебя, кудрявый,
Поманил, позвал?
Пир земной со славой
Ты отпировал.

Было это, нет ли,
Сам не знаю я.
Задушила петля
В роще соловья.

До беды жалею,
Что далеко был
И петлю на шее
Не перекусил!

Кликну, кликну с горя,
А тебя уж нет.
В черном коленкоре
На столе портрет.

Дождичек весенний
Окропил наш сад.
Песенник Есенин,
Синеглазый брат.

Вековая просинь,
Наша сторона...
Если Пушкин — осень,
Ты у нас — весна!

В мыслях потемнело,
Сердце бьет бедой.
Что же ты наделал,
Раскудрявый мой?!

Марина ЦВЕТАЕВА

<ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА>

...И не жалость — мало жил,
И не горечь — мало дал,—
Много жил — кто в **наши** жил
Дни, **всё** дал — кто песню дал.

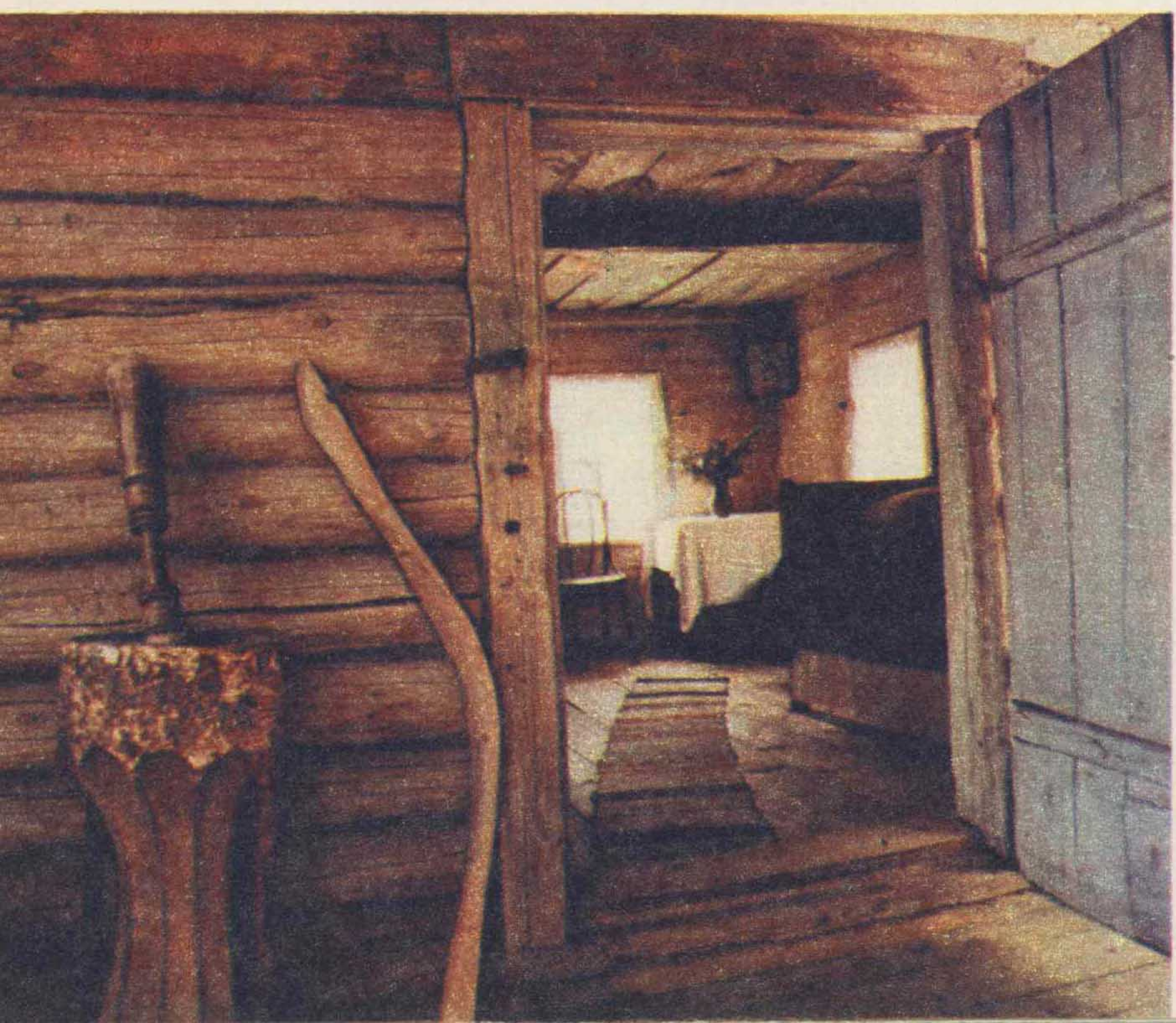
Дом Есенина в селе Константиново * Родина.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Места вдохновлявшие... * За этим столом поэт работал. * Цветы Есенину.

Фото М. САВИНА

ЗДЕСЬ
СЕРГЕЙ
ЕСЕНИН

«Я родился в 1895 году 21 сентября в селе Константинове Кузьминской волости, Рязанской губ. и Рязанского уез. Отец мой крестьянин Александр Никитич Есенин, мать Татьяна Федоровна.

Детство провел у деда и бабки по матери в другой части села, которое наз. Матово...

Стихи писать начал лет с 9, читать выучили в 5.

Влияние на мое творчество в самом начале имели деревенские частушки. Период учебы не оставил на мне никаких следов, кроме крепкого знания церковнославянского языка. Это все, что я вынес».

С. ЕСЕНИН. Автобиография.

* * *

«Учась во второклассной школе, Сергей стал, как говорится, сочинять стихи, но не публиковал их. Мне в то время стихи его нравились, и я просил лишь его, чтобы он писал. Например, помню такой стих: «Милый друг, не рыдай, не роняй слез из глаз и душой не страдай: близок счастья тот час...» и т. д.».

К. ВОРОНЦОВ. Воспоминания.

* * *

«Передо мной стоит скромный белокурый мальчик, и до того робкий, что боится даже присесть на край стула,— стоит молча, потупившись, мнет в руках картузок. Его привел ко мне (помнится, в 1911 г.) репетитор моих детей — Владимир Евгеньевич Воскресенский — «вечный студент» Московского университета, народник, служивший корректором при типографии Сытина.— Я к вам поэта привел,— сказал Воскресенский и показал несколько стихотворений,— это вот он написал, Сергей Есенин!. Не помню, какие стихи он принес. Но я сказал поэту несколько сочувственных слов. А молодой поэт стоял, потупившись, опустив глаза в землю. Имя Сергея Есенина тогда еще ничего никому не говорило».

И. БЕЛОУСОВ. Цветок неповторимый.

* * *

«Это было осенью 1911 г. Существовавший тогда в Москве так называемый Суриковский литературно-музыкальный кружок писателей из народа... скитался по Москве в поисках постоянного помещения и устраивал читки, где придется. Помню вечер кружка в гостинице Грачева на Каланчевской улице под Южным мостом. В числе других вошел в маленькую, душно накуренную комнату-номер, вернее вбежал весело и торопливо, кудрявоволосый, синеглазый тоненький мальчик.— Как фамилия? — Всем хотелось узнать нового молодого гостя.— Есенин,— торопливо, по-детски ответил мальчик, приступая к чтению. Читал он хорошо, весело и звонко... Возгласы одобрения: — Браво, Есенин, браво! Хорошие у вас стихи, сочные, крутые! — Юноша, поэт, улыбается. Живой, подвижный. Возбужден, доволен своей судьбой».

В. ГОРШКОВ. Одна из встреч с Есениным.

* * *

«Его отец, желая устроить Сергея куда-либо на более прочное место, просил знакомого корректора фабрики Сытина, Коростелева Алексея Саввича, оказать содействие, и в результате в марте 1913 года Сергей Есенин поступил... на фабрику издательства Сытина».

И. АТЮНИН. Сергей Есенин.

* * *

«Фабрика с ее гигантскими размахами и бурливой живой жизнью произвела на Есенина громадное впечатление. Он был весь захвачен работой на ней и даже бросил было писать. И только настойчивое товарищеское воздействие заставляло его время от времени приходить в кружок с новыми стихами».

Г. ДЕЕВ-ХОМЯКОВСКИЙ. Правда о Есенине.

* * *

«Работая на фабрике днем, он вечерами посещал Университет имени Шанявского вольнослушателем, в то же время не переставал сам писать в газеты и журналы стихи».

И. АТЮНИН. Сергей Есенин.

* * *

«В это время у меня была написана книга стихов «Радуница». Я послал из них некоторые в петербургские журналы, и не получая ответа, поехал туда сам».

С. ЕСЕНИН. Автобиография.

* * *

«Стихи у меня в Питере прошли успешно. Из 60 приняли 51. Взяли «Северные записки», «Русская мысль», «Ежемесячный журнал» и др... Осенью Городецкий выпускает мою книгу «Радуница». В «Красе» я тоже буду».

С. ЕСЕНИН — Н. КЛЮЕВУ.

* * *

«Интересно было наблюдать за поэтом, когда его стихотворение появлялось в каком-нибудь журнале. Он приходил с номером журнала и бесконечное количество раз перелистывал его. Глаза блестели, лицо светилось... Зорко следил за журналами и газетами, каждую строчку о себе вырезал. Бюро вырезок присылало ему все рецензии на его стихи».

М. МУРАШОВ. Встречи и книги.

* * *

«В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном.

В смысле формального развития теперь меня тянет все больше к Пушкину.

Что касается остальных автобиографических сведений,— они в моих стихах».

С. ЕСЕНИН. О себе.

* * *

«Революция застала меня на фронте в одном из дисциплинарных батальонов, куда угодил за то, что отказался написать стихи в честь царя. Отказывался, советуясь и ища поддержки в Иванове-Разумнике.

В революцию покинул самовольно армию Керенского и, проживая дезертиром, работал с эсерами не как партийный, а как поэт.

При расколе партии пошел с левой группой и в октябре был в их боевой дружине.

Вместе с советской властью покинул Петроград».

С. ЕСЕНИН. Автобиография.

* * *

«Весной восемнадцатого года мы перекочевали из Петрограда в Москву, и для Есенина эта весна и этот год были исключительно счастливыми временами. О нем говорили на всех перекрестках литературы того времени. Каждое его стихотворение находило отклик. На каждое его стихотворение обрушивались потоки похвал и ругательств. Есенин работал неутомимо, развивался и расцветал своим великолепным талантом с необыкновенной силой».

П. ОРЕШИН. Мое знакомство с С. Есениным.

* * *

«Получен ответственный заказ — я работаю над мемориальной доской в память павших Героев Революции. Поэты Есенин, Клычков и Герасимов пишут «Кантату», которая будет исполнена в день открытия мемориальной доски. Музыку сочиняет композитор Иван Шведов. Помню, как торжественно, величаво прозвучали строки, написанные Есениным: «Новые в мире зачаться, зарево красных зарниц... Спите, любимые братья, в свете нетленных гробниц».

С. КОНЕНКОВ. Волнуйся, неуемный ветер.

* * *

«Я встретил Есенина в Москве, в 1919 году, на бывшей Никитской (ныне улица Герцена), в книжной лавке. Я увидел на витрине книжку со стихами Есенина и пошел в лавку. Там были поэты Шершеневич, Мариенгоф и Сергей. На этот раз беседа наша длилась около часа. Он угощал меня конфетами, я его — черным хлебом. И то и другое в тот голодный год было дороже золота. Я обратил внимание на свежесть и нежность лица Сергея. Говорили мы о многом: о политике, о деревне, о цели жизни. Но мы были очень далеки друг от друга в тот момент. Его имажинистские стихи были непонятны мне».

Н. ТИТОВ. Несколько слов о Есенине.

ВОСПОМИНАНИЯ, ПИСЬМА, ДОКУМЕНТЫ...

Страницы жизни

Дом Есениных. Кухня * Сыпь, гармоника... * В задней избе * Страна березового ситца * На дворе у Есениных. Старый плетень.

* * *

«Помню первое выступление Есенина с «Пугачевым». Он читал эту поэму в «Доме Печати». Я был председателем собрания. Как и всегда, Есенин читал прекрасно, увлекая аудиторию мастерством своего чтения. Поэма имела успех. Все выступавшие с оценкой «Пугачева» отметили художественные достоинства поэмы и указывали на ее революционность. Я сказал, что Пугачев говорит на имажинистском наречии и что Пугачев — это сам Есенин. Есенин обиделся и сказал: — Ты ничего не понимаешь, это действительно революционная вещь.— Говорил он очень характерно, подчеркивая слова замедленным их произношения».

В. КИРИЛЛОВ. Встречи с Есениным.

* * *

«Пугачев» доставлял ему самое большое удовлетворение. Он долго ожидал от критики заслуженной оценки и был огорчен, когда критика не сумела оценить значительность этой вещи.

— Говорят, лирика, нет действия, одни описания — что я им театральный писатель, что ли? Да знают ли они, дурачье, что «Слово о полку Игореве» — все в природе! Там природа в заговоре с человеком и заменяет ему инстинкт. Лирика! Да знают ли они, что человек человека может зарезать в самом наилиричном состоянии? — негодовал Есенин».

И. СТАРЦЕВ. Мои встречи с Есениным.

* * *

«Знаете ли, какое произведение произвело на меня необычайное впечатление?! — «Слово о полку Игореве». Я познакомился с ним очень рано и был совершенно ошеломлен им, ходил как помешанный. Какая образность! Вот откуда, может быть, начало моего имажинизма. Из поэтов я рано узнал Пушкина и Фета».

И. РОЗАНОВ. Есенин о себе и других.

* * *

«Есенин влюбился не в Айседору Дункан, а в ее мировую славу. Он и женился на ее славе, а не на ней — не на пожилой, отяжелевшей, но еще красивой женщине с крашеными волосами. Ему было приятно и лестно ходить с этой мировой славой под руку вдоль московских улиц, появляться в кафе поэтов, в концертах, на театральных премьерах, на вернисажах и слышать за своей спиной многоголосый шепот, в котором сплетались их имена: «Дункан — Есенин... Есенин — Дункан»...

А. МАРИЕНГОФ. Мой век, мои друзья и подруги.

* * *

«Айседора Дункан вместе с Сергеем Есениным собирается в непродолжительном времени на гастроли во Францию, Англию и Америку и ждет в Берлине необходимых виз. Сочетавшись браком с советским подданным, Айседора сама сейчас вынуждена испытывать на себе все прелести «визного вопроса».

1922, 16 июня. Газетная информация.

* * *

«Милый мой Толя! Как рад я, что ты не со мной здесь в Америке, не в этом отвратительнейшем Нью-Йорке. Было бы так плохо, что хоть повеситься.

Изадора — прекраснейшая женщина, но врет не хуже Ваньки. Все ее банки и замки, о которых она пела нам в России,— вздор. Сидим без копеечки, ждем, когда соберем на дорогу и обратно в Москву.

Лучше всего, что я видел в этом мире, это все-таки Москва. В чикагские «сто тысяч улиц» можно загонять только свиней. На то там, вероятно, и лучшая бойня в мире.

О себе скажу (хотя ты все думаешь, что я говорю для потомства), что я впрямь не знаю, как быть и чем жить теперь.

Раньше подогревало то при всех российских лишениях, что вот, мол, «заграница», а теперь, как увидел, молю бога не умереть душой и любовью к моему искусству. Никому оно не нужно; значение его для всех, как значение Изы Кремер, только с тою разницей, что Иза Кремер жить может на свое пение, а тут хоть помирай с голоду.

Я понимаю теперь, очень понимаю кричащих о производственном искусстве. В этом есть отход от ненужного.

И правда, на кой черт людям нужна эта душа, которую у нас в России на пуды меряют. Совершенно лишняя штука эта душа, всегда в валенках, с грязными волосами и бородой Аксенова.

С грустью, с испугом, но я уже начинаю учиться говорить себе: застегни Есенин свою душу, это также неприятно, как расстегнутые брюки...

В голове у меня одна Москва и Москва. Даже стыдно, что так по-чеховски.

Сегодня в американской газете видел очень большую статью с фотографией о Камерном театре, но что там написано не знаю, как не желаю говорить на этом проклятом аглицком языке. Кроме русского, никакого другого не признаю и держу себя так, что ежели комунибудь любопытно со мной говорить, то пусть учится по-русски.

Конечно, во всех своих движениях столь же смешон для многих, как француз или голландец на нашей территории...

Боже мой, лучше было есть глазами дым, плакать от него, но только бы не здесь, не здесь. Все равно при этой культуре «железа и электричества» здесь у каждого полтора фунта грязи в носу...»

ЕСЕНИН — МАРИЕНГОФУ.

* * *

«1923 г. Вечер. За столиком в «Кафе поэтов» Есенин читает — «Дорогая, сядем рядом...».

Я спрашиваю:

Родители С. А. Есенина — Александр Никитич и Татьяна Федоровна. 1905 год.

— Откуда начало этого стихотворения? Из частушки или из Калевалы?

— Что такое Калевала?

— Калевала? Финский народный эпос.

— Не знаю. Не читал.

— Да неужели? Притворяешься?

С минуту Есенин разговаривает о каких-то пустяках и затем, улыбаясь, читает наизусть всю первую руну из Калевалы».

И. ГРУЗИНОВ. Есенин.

* * *

«Отрывок из поэмы «Гуляй-поле» — «Ленин» Есенин читал у меня по рукописи до его напечатания. Воронский, среди других слушавший чтение, похвально отозвался об этом отрывке, особенно ему понравилась заключительная часть, и он все повторял:

Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет.

Так именно первоначально заканчивался отрывок из поэмы...»

Д. БОГОМИЛЬСКИЙ. Есенин и издательство артели писателей «Круг».

* * *

«Получив пропуск из «Правды», он несколько часов простоял в Колонном зале, не сводя глаз с дорогого лица. Вместе с народом, бесконечной вереницей идущим мимо гроба, переживал он горе прощания. В эти дни, наверное, и зародились скорбные и полные животворной силы ямбы его «Ленина»: «И вот он умер...»

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ. Мои встречи с Есениным.

* * *

«Ночью, когда из Дома союзов вернулся Есенин, я показал ему некролог. Есенин дважды с большим вниманием прочел его и одобрил.

Мне хотелось, чтобы и Есенин написал о Ленине. Поэт ответил тогда, что в недалеком будущем будет напечатана его поэма «Гуляй-поле». А сейчас он попытается написать о том, что увидел. Спустя полгода строки Есенина о Ленине были опубликованы в журнале «Красная новь».

Ф. ГУЩИН. Воспоминания о Сергее Есенине.

* * *

«Больше всего он любил русские песни. За ними он проводил целые вечера, а иногда и дни. Он заставлял петь всех, приходивших к нему. Песней можно было его удержать дома, когда он, простуженный, собирался в дождь и слякоть выходить на улицу, песней можно было прогнать его плохое настроение и песней же можно было привести его в какое угодно настроение. Он знал песню, как теперь редко кто знает, и любил ее — грустную, задорную, старинную, современную. Он понимал песню, чувствовал ее как-то по-особенному, по-своему. Большой радостью бывало для него подбить свою мать на песни; споет она, а он говорит: «Вот это песня! Сестры так не умеют, это старая песня».

С. ВИНОГРАДСКАЯ. Как жил Сергей Есенин.

* * *

«Все, на что я надеялся, о чем мечтал, идет прахом. Видно в Москве мне не остепениться. Семейная жизнь не клеится, хочу бежать. Куда? На Кавказ!

До реву хочется к тебе, в твою тихую обитель на Ходжорской, к друзьям.

Когда приеду, напишу поэму о беспризорнике, который был на дне жизни, выскочил, овладел судьбой и засиял. Посвящу ее тебе в память наших задушевных и незабываемых разговоров на эту тему.

С новой семьей вряд ли что получится, слишком все здесь заполнено «великим старцем», его так много везде, и на столах, и в столах, и на стенах, кажется, даже на потолках, что для живых людей места не остается. И это душит меня. Когда отправлюсь, напишу. Заеду в Баку, потом в Тифлис».

ЕСЕНИН — ВЕРЖБИЦКОМУ.

* * *

«Я слушал лучших наших артистов, исполнявших стихи Есенина, но, конечно, никто из них не передавал даже примерно той внутренней и музыкальной силы, какая была в чтении самого поэта. Никто не умел извлекать из его стихов нужные интонации, никому так не пела та подспудная непередаваемая музыка, какую создавал Есенин, читая свои произведения. Чтец это был изумительный. И когда он читал, сразу понималось, что чтение для него самого есть внутреннее, глубоко важное дело».

И. ЕВДОКИМОВ. Сергей Александрович Есенин.

* * *

«Есенин читал мне «Черного человека»... Говоря о самой поэме, он упирал на то, что работал над ней два года, а напечатать нигде не может, что редактор от нее отказывается, а между тем это лучшее, что он когда-нибудь сделал...

Я, похвалив его поэму, указал тут же, что по основному тону, по технической свежести, по интонации она ближе к нам, в особенности к Маяковскому.

Он привстал, оживился еще более, разблестелся глазами, тронул рукой волосы. Заговорил о своем хорошем чувстве к нам, хотел повстречаться с Маяковским. О том, что он технически вовсе не отстал, что мастерство ему дороже всего на свете, но что мастерство это нужно популяризировать, уже подготовив почву известностью, что читатель примет тогда и технические особенности, если ему будет импонировать вознесенное до гениальности имя».

Н. АСЕЕВ. Три встречи.

* * *

«В Ленинград Сергей приехал в четверг 24-го декабря утром. О том, что он должен приехать на днях, я знал еще недели за полторы до этого, так как получил от него телеграмму... В четверг с утра мне пришлось на пару

часов выйти из дому. Вернувшись, я застал комнату в легком разгроме: сдвинут стол, на полу рядком три чемодана, на чемодане записка: «Поехал в ресторан...»

Оказалось, что у подъезда меня ждет извозчик, чтобы везти в «Англетер».

В. ЭРЛИХ. Четыре дня.

* * *

«Есенин нас разбудил чуть свет, около пяти часов утра. Он пришел в красном халате, такой домашний, интимный. Начались разговоры о первых шагах его творчества, о Клюеве, к которому Есенин хотел немедленно же ехать. С трудом его уговорили немного обождать, хотя бы до полного рассвета».

Е. УСТИНОВА. Четыре дня Сергея Александровича Есенина.

* * *

«Они втроем пришли в «Англетер» в комнату Есенина... Он читал Клюеву все свои новые стихи. Клюев слушал, сложив руки на животе, посматривая на Есенина из-под своих мохнатых, мужицких бровей.

— Ну, как, Николай?

— Хорошие стихи, Сережа, очень хорошие стихи! Вот если бы все эти стихи собрать в одну книжечку да издать ее с золотым обрезом, она была бы настольной книжечкой у всех нежных барышень...

Есенин долго сидел молча, мрачно насупившись... Расстался с Клюевым сдержанно, но... звал его обязательно прийти вечером. Клюев обещался, но не пришел».

Г. УСТИНОВ. Мои воспоминания об Есенине.

* * *

«Пришел я рано... Сергей моет кисть. Кажется, в комнате была прислуга. Вдруг Сергей говорит: «...Это же безобразие. Чтобы в номере не было чернил! Ты понимаешь? Хочу написать стихи и нет чернил. Я искал, искал: так и не нашел. Смотри, что я сделал!» Засучил рукав, показывает руку: разрезано. Поднялась буча. В первый раз видел Устинову сердитой...

Сергей нагибается к столу, вырывает из блокнота листок, показывает издали: стихи. Затем говорит, складывая листок вчетверо и кладя мне в карман пиджака: «Это тебе. Я еще тебе не писал ведь? Правда... и ты мне тоже не писал!»

Устинова хочет прочитать. Я тоже. Тяну руку в карман.

— Нет, ты подожди! Останешься один — прочитаешь. Не к спеху ведь».

В. ЭРЛИХ. Четыре дня.

* * *

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки и слова,
Не грусти и не печаль бровей,—
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

1925 г.

Последнее стихотворение С. Есенина.

* * *

«Весь этот самый последний день Есенина был для меня мучительно тяжел. Наедине с ним было нестерпимо оставаться, но и как-то нельзя было оставить одного, чтобы не нанести обиды. Я пришел к нему днем. Есенин спал при спущенных шторах. Увидев меня, он поднялся с кушетки, пересел ко мне на колени, как мальчик, и долго сидел так, обняв меня одной рукой за шею. Он жаловался на неудачно складывающуюся жизнь. Он был совершенно трезв.

Потом в комнату пришли. Есенин пересел на стул, читал стихи, и опять — «Черного человека». Тяжесть не проходила, а как-то усиливалась, усиливалась до того, что уже было трудно ее выносить... Под каким-то предлогом я ушел к себе».

Г. УСТИНОВ. Мои воспоминания об Есенине.

* * *

«28-го я пошла звать Есенина завтракать, долго стучала, подошел Эрлих — и мы вместе стучались. Я попросила, наконец, коменданта открыть комнату отмычкой. Комендант открыл и ушел. Я вошла в комнату: кровать была не тронута, я к кушетке — пусто, к дивану — никого, поднимаю глаза и вижу его в петле у окна».

Е. УСТИНОВА. Четыре дня Сергея Александровича Есенина.

* * *

«Умер великий национальный поэт... День его смерти должен быть отмечен в литературе трауром».

Алексей **ТОЛСТОЙ.**

Подготовил **В. АЛЕКСАНДРОВ.**

ТРИ ГОДА •

«О, Русь моя, жена моя...»
А. Блок

«Я люблю родину.
Я очень люблю родину!»
С. Есенин

Владимир **ЕНИШЕРЛОВ**

Как-то Есенин увидел оставленные на редакционном столе листки с новыми стихотворениями Блока, прочитал их и написал на записке, адресованной литератору М. П. Мурашову, которому Блок занес стихи: «Ой, ой какое чудное стихотворение Блока! Знаешь, оно как бы светит мне!»

Блок много значил в судьбе Есенина. Юный рязанский поэт упивался его творчеством и еще до личного знакомства был под несомненным его влиянием. И, что примечательно, он совершенно не сомневался в том, что Блок сможет верно оценить его талант. «Однажды поздно вечером,— вспоминает современник,— мы шли втроем — я, поэт Николай Колоколов и Есенин — после очередной «субботы». Есенин возбужденно говорил:

— Нет! Здесь в Москве ничего не добьешься. Надо ехать в Петроград. Ну что! Все письма со стихами возвращают. Ничего не печатают. Нет, надо самому... Под лежачий камень вода не течет. Славу надо брать за рога... Поеду в Петроград, пойду к Блоку. Он меня поймет...»

Блок был всегда предельно, по прекрасному определению Горького, «бесстрашно» искренен и судил о стихах не по служебному или общественному положению авторов, не по должности, которую занимают их родственники. Он говорил: «Искусство, как и жизнь, слабым не по плечу» — и никогда не потакал человеческим слабостям, отвергая произведения конъюнктурные, дурного вкуса, лишенные таланта и искренности. Пометы Блока на письмах начинающих поэтов дают возможность судить о суровости и требовательности его оценок: «По-бабьи, бездарно, банально и никчемно. Не стоит отвечать. Все неправда» (на письме С. Богомолова, 1914 г.). «Стихи оказались вовсе не стихами. Банально, многословно, однообразно, бесформенно. Все — искусство. Ни «экономии» материала, ни новых слов, ни новых сочетаний. Ни одно слово не оживает. Идет по «линии наименьшего сопротивления» — дряблая душа» (1913 г. О стихах В. Холодковского). «Простота борется с метафоричностью, с вычурами модернизма; пока не побеждает» (март 1915 г. О стихах П. Филиповича).

И именно в марте 1915 года Блок сделал еще одну «оценочную» помету — на следующей записке: «Александр Александрович! Я хотел бы поговорить с Вами. Дело для меня очень важное. Вы меня не знаете, а может быть, где и встречали по журналам мою фамилию. Хотел бы зайти часа в 4. С почтением С. Есенин». «Крестьянин Рязанской губ.,— отмечает на записке Блок,— 19 лет. Стихи свежие, чистые, голосистые, многословные. Язык. Приходил ко мне 9 марта 1915 г.». В этот же день в записной книжке Блока запись: «Перемышль сдался.—Усталость.— Днем у меня рязанский парень со стихами». Произведения рязанского гостя, видимо, поразили Блока, в них увидел он то, что тщетно искал у многих и многих поэтов-современников: естественность и музыкальный напор, свободу и любовь к народному языку.

Всеволод Рождественский вспоминает слова Есенина:

«Блока я знал уже давно,— но только по книгам. Был он для меня словно икона, и еще проездом через Москву я решил: доберусь до Петрограда и обязательно увижу. Хоть и робок был тогда, а дал себе зарок: идти к нему прямо домой. Приду и скажу: вот я, Сергей Есенин, привез вам свои стихи. Вам только одному и верю. Как скажете, так и будет...»

Блоку, много и мучительно размышлявшему над судьбой России, работавшему именно в дни приезда Есенина над сборником «Стихи о России» (он держал корректуру сборника 3 марта), приход юноши, выросшего в глубине России, слагавшего стихи свежо и чисто, выражавшего чаяния народной души истинно народным языком, мог показаться знаменательным. И еще — Есенин уже тогда очень хорошо читал свои стихи. «Первое впечатление совершенно пронзило слушателей,— вспоминал один из современников,— новизной, трогательностью, настоящей плотью поэтического чувства. Он читал гораздо громче, чем говорил, читал в обычной своей «есенинской» манере, которую впоследствии только усовершенствовал... простые строки рубились упрямо и крепко, без всякой приторности...» В эту первую встречу с Есениным Блок дал ему и урок стихотворной техники. «Иногда важно,— замечал впоследствии Есенин,— чтобы молодому поэту более опытный поэт показал, как нужно писать стихи. Вот меня, например, учил писать лирические стихи Блок, когда я с ним познакомился в Петербурге и читал ему свои ранние стихи.

Лирическое стихотворение не должно быть чересчур длинным, говорил мне Блок.

Идеальная мера лирического стихотворения — двадцать строк.

Если стихотворение начинающего поэта будет очень длинным, длиннее двадцати строк, оно, безусловно, потеряет лирическую напряженность, оно станет бледным и водянистым». Совет Блока упал на благодатную почву. Совершенность формы именно лирических стихов Есенина несомненна.

При всей своей кажущейся поэтической «надмирности» Блок, по сути, был человеком точного и четкого действия. Он отлично понимал, сколь сложны будут для юного крестьянского поэта первые, самые, может быть, важные шаги в литературном Петрограде, пресыщенном, способном сломать и уничтожить даже очень талантливого новичка. Поэтому своим авторитетом решил Блок поддержать гостя. Он отобрал небольшой цикл произведений Есенина — шесть стихотворений — и направил автора с ними к своему другу, уже известному поэту С. М. Городецкому, которому была близка стихия народной крестьянской жизни, славянский фольклор, поэзия древней Руси. «Стихи,— вспоминал Городецкий,— он принес завязанными в деревенский платок. С первых же строк мне было ясно, какая радость пришла в русскую поэзию. Начался какой-то праздник песни». Рекомендациями в различные журналы и редакции Городецкий много способствовал первым шагам Есенина.

И еще одно рекомендательное письмо дал Блок Есенину. Александр Александрович обращался к литератору М. П. Мурашову: «Дорогой Михаил Павлович. Направляю к Вам талантливого крестьянского поэта-самородка. Вам, как крестьянскому писателю, он будет ближе, и Вы лучше, чем кто-либо,

ТРИ ГОДА

поймете его. Ваш А. Блок. P. S. Я отобрал 6 стихотворений и направил с ними к С. М. Посмотрите и сделайте все, что возможно. А. Б.». Так начался путь Есенина в большую русскую поэзию. В конечном счете—первые шаги в бессмертие. В просторном, светлом и тихом кабинете, заполненном книгами, с низким зеленым абажуром над дедовским письменным столом, в комнате, которая помнила всех лучших русских поэтов первых десятилетий XX века, Блок подарил Есенину один из томов своего трехтомного собрания сочинений, вышедшего в «Мусагете» в 1912 году, и надписал: «Сергею Александровичу Есенину на добрую память. Александр Блок. 9 марта 1915 г. Петроград».

Примерно через месяц после первой встречи Есенин вновь попросил Блока принять его. На этот раз он получил в ответ примечательное письмо, не только полное веры в его поэтические силы, но и призывающее мужественно глядеть в лицо жизни, какой бы сложной и противоречивой она ни была. «Дорогой Сергей Александрович,— писал Блок.— Сейчас очень большая во мне усталость и дела много. Потому думаю, что пока не стоит нам с Вами видеться, ничего существенно нового друг другу не скажем.

Вам желаю от души остаться жи-

С. Есенин. 1925 год.

вым и здоровым. Трудно загадывать вперед, и мне даже думать о Вашем трудно, такие мы с Вами разные; только все-таки я думаю, что путь Вам, может быть, предстоит не короткий и, чтобы с него не сбиться, надо не торопиться, не нервничать. За каждый шаг свой рано или поздно придется дать ответ, а шагать теперь трудно, в литературе, пожалуй, всего труднее.

Я все это не для прописи Вам хочу сказать, а от души; сам знаю, как трудно ходить, чтобы ветер не унес и чтобы болото не затянуло». Истинно, Блок учил не поэзии, а жизни.

А через несколько месяцев, 21 октября 1915 года, Есенин вновь был у Блока, на этот раз с Н. Клюевым, к которому Блок испытывал живейший интерес. В записной книжке Блока отмечено: «21 октября 1915 года. Н. А. Клюев — в 4 часа с Есениным (до 9-ти). Хорошо». Клюев впервые встретился с Есениным в Петербурге в начале октября.

Выступления крестьянских поэтов, особенно Клюева и Есенина, постоянно привлекали к себе внимание, вызывали достаточно сильный общественный резонанс. Их стихи охотно печатали в литературных сборниках, журналах, альманахах. Однажды у М. П. Мурашова, готовившего к печати литературные альманахи «Творчество», собрались писатели. Пришел и Есенин. Ждали Блока, но он запаздывал. В это время в подарок хозяину принесли репродукцию с картины Яна Стыки «Пожар Рима», в центре которой фигура Нерона с лирой, окруженного прекрасными женщинами и мужчинами, любующегося огненной стихией, уничтожающей город, и равнодушно внимающего призывам о помощи и воплям гибнущего народа. О картине сразу же зашел спор. Большинство клеймило того, кто способен совмещать поэзию с пытками. Присутствовавший тут же скрипач под впечатлением картины исполнил произведения Глинки «Не искушай...» и «Сомнение». А Есенин подошел к столу, взял принадлежавший хозяину альбом и без помарок и исправлений написал стихотворение:

Слушай, поганое сердце,
Сердце собачье мое.
Я на тебя, как на вора,
Спрятал в рукав лезвие.

Рано ли, поздно всажу я
В ребра холодную сталь.
Нет, не могу я стремиться
В вечную сгнившую даль.

Пусть поглупее болтают,
Что их загрызла мечта;
Если и есть что на свете —
Это одна пустота.

(Прим. Влияние «Сомнения» Глинки и рисунка «Нерон, поджигающий Рим».— С. Е. 16 г. 3 июль.)

«Я был поражен содержанием стихотворения, — пишет Мурашов. — Мне казалось стихотворение страшным, и я тут же спросил его:

— Сергей, что это значит?

— То, что я чувствую,— ответил с лукавой улыбкой Есенин».

Это стихотворение написано было Есениным в то время, когда он еще не окунулся в гущу литературной богемы, в его поэзии цвела вера в себя и весело звучали трели рязанских жаворонков и шепот белоснежных берез и стройных тополей. Но написанное стихотворение предвещало в Сергее будущего автора «Москвы Кабацкой» и «Исповеди хулигана»...

Через несколько дней хозяин

А. Блок. 1920 год.

альбома показал есенинское стихотворение Блоку, который, конечно, понял и его полемическую заостренность и истоки. В экспромте Есенина звучала тема «страшного мира», то «проклятье заветов священных, поругание счастия», которое буквально преследовало время от времени и самого Блока. Да и лексика стихотворения восходила к блоковским текстам и даже к его ранней статье, посвященной русскому фольклору,— «Поэзия заговоров и заклинаний».

Потому, наверное, вспоминает Мурашов, «Блок медленно читал это стихотворение, очевидно, и не раз, а затем покачал головой, позвал к себе Сергея и спросил:

— Сергей Александрович, вы серьезно написали или под впечатлением музыки?

— Серьезно,— тихо сказал Есенин...

— Тогда я вам отвечу,— вкрадчиво сказал Блок.

И написал на другой странице альбома своеобразный ответ на дерзкий вызов молодого Есенина жизни:

Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами — сумрак неминучий,
Иль ясность Божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты — знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить все, что видишь ты;
Твой взор — да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.

Александр Блок

13.VII.1916».

Этот молчаливый «альбомный» спор знаменателен. Блок, как всегда, тактично, но непреклонно стремится объяснить молодому собрату путь, который ждет его в искусстве, пытается уберечь от тех «остановок и искривлений», которые всегда подстерегают настоящего поэта. «Есенин стоял позади кресла Блока, когда Александр Александрович писал. Есенин прочел написанный отрывок и задумался. Ни слова не сказали ни тот, ни другой поэт».

Наступало переломное время в жизни России, о котором Блок писал: «Испепеляющие годы! Безумья ль в вас, надежды ль весть? От дней войны, от дней свободы— кровавый отсвет в лицах есть».

...3 января 1918 года Блок отмечает: «...На улицах — плакаты: все на улицу 5 января... К вечеру — ураган (неизменный спутник переворотов). Весь вечер у меня Есенин». О чем же говорили они, встретившись в ураганный январский вечер в голодном и холодном революционном Петрограде? Блок — ему, видимо, был очень важен этот разговор — на следующий день подробно законспектировал то, что говорил Есенин. Во-первых, Есенин совершенно определенно сформулировал свою литературную генеалогию: «Кольцов — старший брат... Клюев — средний — «и так и сяк»... а я младший». Причем «среднего брата» — Клюева — определил здесь Есенин, как определяется «средний брат» в «Коньке-Горбунке» и многих русских сказках — «и так и сяк». По этой символике, как позже в письме к Иванову-Разумнику объяснил Есенин, можно судить, что Клюев в творчестве неоригинален, подражателен, «только изограф, а не основатель». В беседе с Блоком объяснил Есенин свое отношение к Клюеву, выраженное поэтически в программном стихотворении «О Русь, взмахни крылами...».

Должно быть, Есенин читал в этот вечер и только что написанную поэму «Инония» с такими строчками:

Тело, Христово тело
Выплевываю изо рта...
Я сегодня снесся, как курица,
Золотым словесным яйцом.

Блок в дневнике записал мысль собеседника: «Я выплевываю Причастие (не из кощунства, а не хо-

чу страдания, смирения, сораспятия)». Блок, наверное, думал в эти дни о «Двенадцати», впервые он упоминает о поэме 8 января, и отношение Есенина к Христу его интересовало. По-видимому, наиболее взволновали Блока слова гостя об интеллигенции: «Интеллигент,— говорил Есенин,— как птица в клетке; к нему протягивается рука здоровая, жилистая (народ); он бьется, кричит от страха. А его возьмут... и выпустят (жест наверх)». Такое утверждение Есенина совпадало с осознанием Блоком революции как освобождающей, очистительной стихии. «Революция как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несет новое и неожиданное... «Мир и братство народов» — вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать».

В примечательном разговоре уже прозвучали и ноты несогласия Есенина с Блоком. Вообще нельзя представлять их отношения однозначно идеальными. Разделяя «скифские» искания Клюева и Иванова-Разумника, он порой обвинял Блока в «западничестве», позже под влиянием имажинистов, нигилистически относившихся к культуре на всех стадиях ее развития, мог резко отрицательно заявлять о поэзии Блока, но характерно, что всегда Есенин возвращался к Блоку и, как проницательно замечает хорошо знавший его В. С. Чернявский, «преодолев наплывающее на него чувство отчуждения, он вновь начинал видеть в Блоке родного ему поэта, первого, к кому он пришел, и пришел не случайно». Поэтому за год до смерти, несмотря на все противоречия и разногласия, он писал Чернявскому из Тифлиса: «Если бы у меня не было Клюева, Блока... что бы у меня осталось?»

Поэт Владимир Пяст считал, что одной из причин отхода Есенина от имажинизма было неуважение имажинистами памяти Блока. Пяст вспоминает речь Есенина, произнесенную в 1923 году: «Блок,— говорил молодой поэт, предводитель послефутуристических бунтарей,— к которому приходил я в Петербурге, когда начал свои выступления со стихами (в печати), для меня, для Есенина, был — и остался, покойный,— главным и старшим, наиболее дорогим и высоким, что есть на свете... Разве можно относиться к памяти Блока без благоговения? Я, Есенин, так отношусь к нему с благоговением. Мне мои товарищи были раньше дороги. Но тогда, когда они осмелились после смерти Блока объявить скандальный вечер его памяти, я с ними разошелся... я отошел от имажинизма».

А в 1918 году Есенин был постоянно рядом с Блоком. Вспомним, что после опубликования статьи «Интеллигенция и революция» началась настоящая травля Блока. Буржуазная пресса попросту ополчилась на него и тех представителей русской культуры, которые разделяли его взгляды. Так Зинаида Гиппиус, например, писала о Блоке, Есенине и Ал. Бенуа: «Разве они не знают, что такое «выбор»? Разве не одинаково равнодушны они и к самодержавию и к социализму? К России и к Интернационалу? Они идут, куда влечет поток, его не замечая. Они неответственны. Они — не люди». Нападки в прессе шли параллельно с личными оскорблениями. С Блоком не здоровались, ему не подавали руки, отказывались выступать вместе с ним и его единомышленниками на литературных вечерах, печататься в одних изданиях. Позже, в черновых набросках «Анны Снегиной», Есенин вспоминал происходившее в 1918 году:

Возмездье достигло рока,
Рассыпались звенья кольца.
Тогда Мережковские Блока
Считали за подлеца.

«Двенадцать» вовсю гремело.
И разве забудет страна,
Как ненавистью вскипела
Российская наша «шпана».

И я с ним, бродя по Галерной,
Смеялся до боли в живот
Над тем, как хозяину верный,
Взбесился затягленный «скот».

Интересное свидетельство тесного общения Есенина и Блока в этот период обнаружил в архиве Иванова-Разумника литературовед В. Вдовин. В тексте поэмы «Двенадцать», опубликованной в газете «Знамя труда» (экземпляр газеты находится в Пушкинском доме среди материалов, принадлежавших Иванову-Разумнику), Блок слово «старой» в строках «Не слышно шуму городского, над старой башней тишина» зачеркнул, заменил на «Невской» и приписал на полях: «По совету Есенина». Это вторая из известных поправок Блока в поэме, сделанных по совету людей, вкусу которых он, безусловно, доверял.

22 января Есенин позвонил Блоку и рассказал об инциденте, происшедшем на литературном собрании в зале Тенишевского училища. «Гизетти и толпа,— отмечает в дневнике Блок,— кричали по адресу его, А. Белого и моему — «изменники». Не подают руки. Кадеты и Мережковские злятся на меня страшно. Статья «искренняя», но «нельзя простить». Господа, вы никогда не знали России и никогда ее не любили». Вот оно, главное: именно искренняя любовь к России объединила двух замечательных поэтов — Блока и Есенина в революционные годы, обусловила взаимный интерес и уважение с первых дней знакомства.

Об их одинаковом ощущении России говорит показательное и пока не привлекшее внимания исследователей совпадение. Заканчивая в 1915 году, в год знакомства с Есениным, свою знаменитую статью «Судьба Аполлона Григорьева», посвященную жизни и творчеству замечательного русского критика и поэта, Блок писал: «Я приложил бы к описанию этой жизни картинку: сумерки; крайняя деревенская изба одним подгнившим углом уходит в землю; на смятом жнивье — худая лошадь, хвост треплется по ветру; высоко из прясла торчит конец жерди; и все это величаво и торжественно до слез: это — наше, русское».

Есенин, видимо, запомнил эти строки и почти повторил их в «Автобиографии» 1924 года: «Если сегодня держат курс на Америку,— писал он,— то я готов тогда предпочесть наше серое небо и наш пейзаж: изба, немного вросла в землю, прясло, из прясла торчит огромная жердь, вдалеке машет хвостом на ветру тощая лошаденка. Это то самое, что растило у нас Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова и др.»

Созвучие слишком символичное, чтобы быть просто случайным. Оно свидетельствует о высоком духовном родстве двух великих поэтов, воплотивших в своем искусстве сложную и многоречивую душу России. Голосом Блока в поэзии новой эры, как проницательно определил Э. Межелайтис, говорила «замечательная старая русская интеллигенция, интеллектуальная глубина общества. А устами Есенина обращался к сердцу противоречивый — нежный, лирически певучий и вместе с тем стихийно бунтарский — дух деревенского океана».

Два голоса — народа и интеллигенции — влились поэзией Есенина и Блока в революционный хор. «Неодолимая черта» была преодолена.

Еще одна тропка

О новых именах из окружения Есенина или просто добрых знакомых порою узнаешь совершенно неожиданно, негаданно и невольно восклицаешь про себя: «Кто бы мог подумать!»

Вот тоненькая книжечка «Ключи Марии», изданная Московской трудовой артелью художников слова в 1920 году. На титуле — дарственная надпись карандашом, глубоко врезавшимся в бумагу: «Б. Гусману. С приветом С. Есенин».

Хотя двадцатые годы, когда Есенин сделал эту надпись, не бог весть какая давняя история, однако собрать сведения о Б. Гусмане не так-то просто. К счастью, сохранились тщательно и регулярно выпускаемые когда-то толстые справочники «Вся Москва». В одном из таких справочников можно найти сведения и о Гусмане. Борис Евсеевич Гусман был работником секретариата редакционной коллегии газеты «Правда», одновременно заведовал в ней отделом театра.

Борис Евсеевич Гусман писал рецензии и статьи о театре и кино, выпускал книги. Мне известны две из них: «100 поэтов» (Тверь, 1923) и «Поэты. Пять характеристик» (библиотека «Огонек», М., 1925).

О чем же эта огоньковская книжечка?

При жизни Есенина да и после существовала разноголосица в оценке его творчества, причем мнения были крайние, и выражались они в недопустимо варварской форме. В 1925 году, когда Есенин написал не одно произведение во славу Советской России, некий критик Адонц Гайк всенародно объявил: «Есенин — весь в прошлом и чужд современности». В рецензии некоего В., помещенной в «Красной нови», любовная история в поэме «Анна Снегина» названа «канителью», где герои якобы не обладают «социальной значимостью, и т. д. и т. д.

И вот в этой разнузданности, расхристанности критических голосов людей безответственных, которым ничего не дорого, прозвучал внятный, спокойный голос Бориса Гусмана. Уже одно то, что он включил в небольшую книжечку характеристик видных тогда поэтов, не вызывавших каких-либо сомнений в своей стопроцентной принадлежности советской идеологии, очерк и о «сомнительном» Есенине, говорит само за себя. Ведь мог свободно и обойти его спокойствия своего ради. В доброжелательном, полном собственного достоинства тоне Борис Гусман останавливается на основных этапах творческого развития поэта. Конечно, мы теперь больше знаем о Есенине, чем Гусман в 1925 году, но для своего времени эта характеристика во многом верна, а главное — написана человеком, заинтересованным в развитии советской поэзии и, конечно же, самого Сергея Есенина. И это была поддержка для него, переживавшего творческий, да и не только творческий, кризис.

Естественно, Есенин не оставил ее без внимания. Встречались, наверное, и раньше — в Доме печати, в редакциях центральных газет, а встреча, происшедшая теперь, была ознаменована вручением книжечки с автографом.

В автографе, к сожалению, не указана дата, но думаю, что «Ключи Марии» подарены поэтом Борису Гусману не в год выхода книжечки — 1920-й,— а значительно позже, когда критик стал известен, скорее всего после появления работы «Поэты. Пять характеристик», то есть в 1925 году.

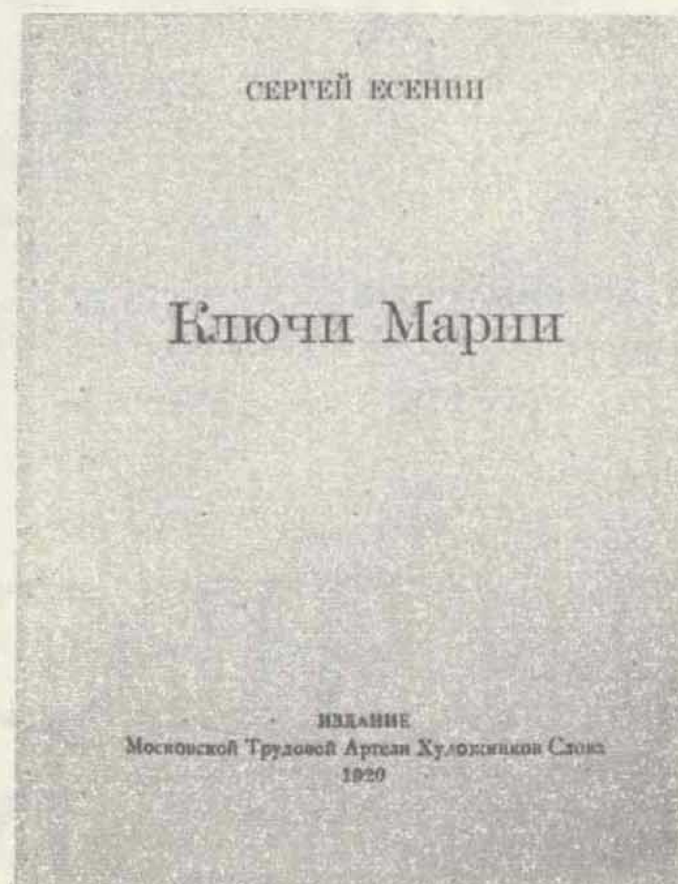
Можно с уверенностью сказать, что Есенин не случайно подарил Борису Гусману не сборник стихотворений, а своеобразный теоретический трактат. По воспоминаниям С. Городецкого, «...эту книгу он любил и считал для себя важной. Такой она и останется в литературном наследстве Есенина...». Речь идет о «Ключах Марии».

О своем труде Есенин и хотел узнать мнение критика-профессионала, человека широкого кругозора, не ушибленного интересами дожившей и до нас групповщины, не оскудевшего умом в атмосфере доктринерства и начетничества, которые частенько выдавались иными деятелями не более и не менее, как за «партийную линию» в искусстве и литературе.

К сожалению, в воспоминаниях о Есенине, известных мне, имя Бориса Гусмана не упоминается. Знающие об отношениях работника газеты «Правда» с Есениным могут, ко всеобщему благу, дополнить меня. Это дело общее — возрождать факты нашей культуры.

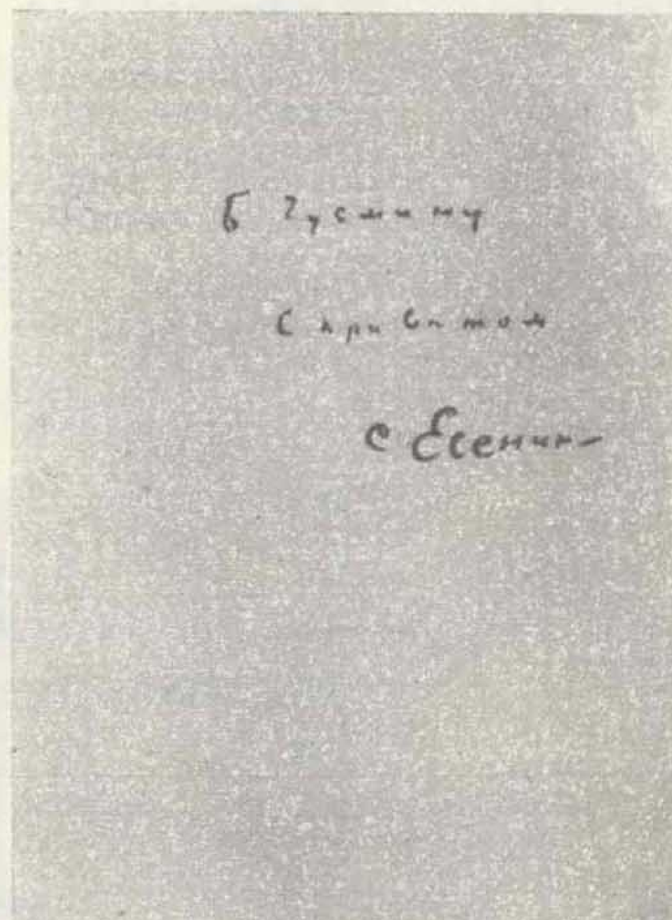
С. АНТОНОВ

Дарственная надпись С. Есенина Б. Гусману на книге «Ключи Марии» (публикуется впервые).

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Ключи Марии

ИЗДАНИЕ
Московской Трудовой Артели Художников Слова
1920

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведения,
лауреат
Государственной премии
СССР

Неизвестный рисунок

парижские находки

1

Прижизненная художественная иконография Сергея Александровича Есенина весьма небогата. Да и прожил он короткую жизнь, всего тридцать лет. Поэтому с таким интересом всматриваюсь в запечатлевший Есенина в двадцатилетнем возрасте рисунок, почти чудом уцелевший на протяжении долгих семидесятилетних скитаний по свету, но все же не только сохранившийся до нашего времени, но и вернувшийся в родные края.

Я говорю о рисунке Александра Бенуа, выявленном в недавние годы в одной из папок с его художническими работами, хранившейся в квартире мастера на rue August Vitu, 2. Во время трех моих поездок во Францию для поисков и возвращения на Родину реликвий русской культуры я бывал десятки раз в этом доме, где жила Анна Александровна Черкесова, старшая дочь художника. Она хорошо знала о моей переписке в 1950-х годах с Александром Николаевичем, ей по душе пришлись мои статьи о нем, а также подготовленная мною и А. Н. Савиновым книга «Александр Бенуа размышляет...», выпущенная издательством «Советский художник» в 1968 году. Вот почему во время наших встреч Анна Александровна с сердечной теплотой относилась к моим просьбам помочь в отборе для отправки на Родину произведений Александра Николаевича и материалов его архива. Ведь он прожил 90 лет и до конца своих дней вел творческую работу, к тому же весьма плодотворную. В результате наших дружеских общений с Анной Александровной удалось отобрать множество им исполненных акварелей, его иллюстраций к классическим произведениям русской литературы, эскизы декораций и костюмов к различным драматическим, оперным и балетным спектаклям, поставленным во многих театрах мира

Конечно, я не мог и предположить, что в одной из тех папок с работами Александра Николаевича находится лист, на котором художник в 1915 году зарисовал Есенина. Обнаружить этот лист в доме семьи Бенуа посчастливилось Н. Д. Лобанову, страстному собирателю произведений русской декорационной живописи 1900—1930-х годов; в его коллекции, которую он собрал вместе с женой Ниной, свыше 900 таких эскизов декораций и костюмов, а также портреты театральных деятелей той поры. В доме Бенуа Никита Дмитриевич бывал нередко, и хотя в рамки его собирательства этот лист с изображением Есенина не укладывался, Лобанов все же приобрел этот рисунок. Его миниатюрное воспроизведение появилось в одном из каталогов коллекции Лобанова, выпущенном за рубежом. Я сердечно благодарен Никите Дмитриевичу и его супруге Нине за то, что они решили подарить мне этот рисунок. Таким образом он вошел в состав моего собрания, которое я передал в дар государству.

2

На каждом исполненном им портретном рисунке Александр Бенуа неизменно отмечал, кто изображен, а также где и когда он сделал данный рисунок. Все это наличествует и на листе (его размер 17 × 11 см), увековечившем молодого Есенина. Вот что художник написал рядом с рисунком справа:

«Юный сказитель, пришедший к Гессену вместе с Клюевым. Начало XI. 1915. Style russe à outrance*. Категория: Алеши Поповича, Рынды, Конюшего, баньщика».

«Есенин XI. 1915».

Слева на этом листе слова:

«Ce jenne folkloriste accompagnaif le skazifelnifs»*.

На обороте листа записи:

«Озаровский
Каменноостр (овский) пр. 27
№ 247—87
Ник. Алексеевич Клюев
609—81
Серг. Вас. Обольянинов
Алекс. Вас.»

Теперь о самом рисунке.

Он был выполнен, по-видимому, в те минуты, когда Есенин читал свои стихи. И несмотря на предельную эскизность, рисунок весьма примечателен. Художнику удалось передать в этой мимолетной зарисовке выражение лица выступавшего поэта. Немногими штрихами намечен наряд молодого Есенина — столичных жителей его поддевка, как и внешний облик, явно приводила в смущение. Это чувствуется и в тех словах, которые Бенуа начертал по обеим сторонам рисунка. Они как бы перекликаются с тем описанием внешности молодого поэта, которое дано А. М. Горьким в его воспоминаниях о Есенине,— они познакомились в те же недели, что и Бенуа. Вот эти слова Горького: «Он показался мне мальчиком 15—17 лет. Кудрявенький и светлый, в голубой рубашке, в поддевке и сапогах с набором, он очень напомнил слащавенькие открытки Самокиш-Судковской, изображавшей боярских детей...»

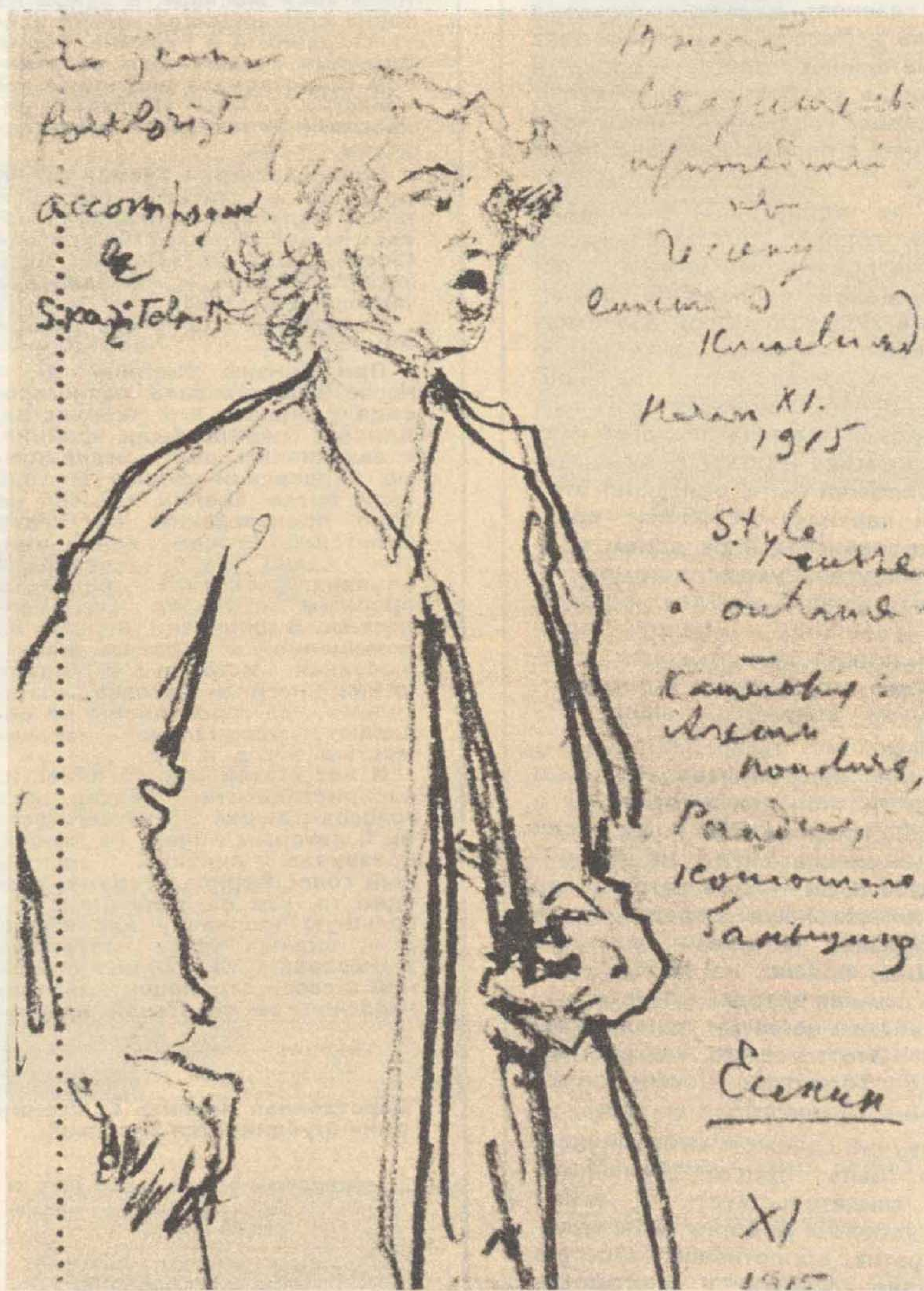
В 1915 году Есенин приезжал в Петроград дважды — первый раз 9 марта и пробыл там по 24 апреля, второй раз в начале октября. О цели второй поездки поэт писал в начале августа влиятельному столичному журналисту Д. В. Философову: «Мне очень бы хотелось быть этой осенью в Питере, так как думаю издавать две книги стихов. Ехать, я чую, мне не на что. Очень бы просил Вас поместить куда-либо моего «Миколая Угодника». Может быть, выговорите мне прислать деньжонок к сентябрю. Я был бы очень Вам благодарен».

В тот свой второй приезд в 1915 году в Петроград Есенин вместе с Н. А. Клюевым побывал у знакомых писателей и деятелей культуры, они выступали с чтением стихов в общественных местах. Так известно, что 7 октября они пришли к поэту и художнику В. А. Юнгеру, который их зарисовал; несколько дней спустя Есенин читал стихи у писателя И. И. Ясинского, редактора «Ежемесячного журнала», а 21 октября в помещении этого журнала Есенин и Клюев выступили с чтением своих произведений.

Но в огромной литературе о Есенине отсутствовали сведения о том, что вместе с Клюевым он в начале ноября 1915 года был приглашен к известному юристу и общественному деятелю И. В. Гессену (1865—1943).

Вот что сообщил мне искусствовед Владимир Гессен, сын юриста: «По воскресеньям у нас, на Малой Конюшенной, были «журфиксы». На этих приемах бывали выдающиеся люди — писатели, артисты, художники, политические деятели. Особенно мне запомнился Александр Николаевич Бенуа, постоянно бывавший у нас в доме со своей очаровательной женой Анной Карловной. В гостиной, кстати сказать, висели его прелестные акварели с видами Петербурга. На одном из приемов во время первой мировой войны, в начале ноября 1915 года, были у нас на Малой Конюшенной Сергей Есенин и Николай Клюев. Пришли они в крестьянских поддевках, подстриженные в скобку. Народу у нас в тот вечер было много, и поэты читали свои стихи. Вспоминаю, что стихи Клюева понравились мне больше стихов Есенина».

Одним из результатов этого посещения дома И. В. Гессена была публикация клюевского стихотворения «Что ты, нивушка, чернешенька, как в нужду кошель порожнешенька» — оно появилось в «Речи» 6 декабря 1915 года. Тогда же, у Гессена, и зарисовал А. Н. Бенуа молодого поэта.

С. А. Есенин. Рисунок Александра Бенуа. Петроград, ноябрь 1915 года. Собрание И. С. Зильберштейна [Музей личных коллекций, Москва]. В СССР публикуется впервые.

* Стиль преувеличенно русский (франц.).

* Этот молодой фольклорист сопровождал сказителя (франц.).

С. Есенин и С. Городецкий. 1915 г. Петроград.

С. Есенин и А. Мариенгоф. 1921 г. Москва.

В те двадцатые

И. НАППЕЛЬБАУМ

В послереволюционные годы в Петрограде, в студии фотохудожника М. Наппельбаума, расположенной на шестом этаже большого серого дома на Невском проспекте возле Литейного, собирались «Литературные понедельники». Я и моя сестра Фредерика — обе ученицы поэтической студии при первом в России Доме искусств — предполагали, что гостями будут только наши общие литературные друзья, но потребность в подобных общениях оказалась настолько велика, что охватила большой круг литераторов.

В огромной, промерзшей, неотапливаемой квартире десятки молодых и старых, знаменитых и начинающих поэтов собирались раз в неделю для того, чтобы почитать и послушать новые стихи. В центре комнаты с большим полукруглым окном стояла железная «буржуйка» с трубой, протянутой через всю комнату в форточку прямо на Невский проспект. Любителей поэзии было так много, что рассаживались не только на низких диванах, но и на полу — на диванных подушках и валиках, а то и просто на паркете вокруг железной раскаленной печурки.

Стихи читались по кругу, по одному стихотворению. Здесь бывали А. Ахматова, Ф. Сологуб, М. Лозинский, М. Кузмин, и прозаики «Серапионовы братья». Приезжали и москвичи.

Однажды появился проездом из Москвы Сергей Есенин. С ним приехал молодой московский поэт Иван Приблудный. Есенина привели его друзья, молодые ленинградские поэты — «имажинисты», как они себя называли. Это были: Семен Полоцкий, Владимир Ричиотти, Григорий Шмерельсон и Вольф Эрлих, которому позже Есенин оставил свое прощальное стихотворение.

В тот день Есенин был спокоен, сдержан, никак не хотел выделяться из общего хода вечера. Мне захотелось запечатлеть эту всю группу поэтов, и я повела их в стеклянный павильон, где в одной стороне, отделенной серыми сукнами, проводилась съемка. Когда я сняла уже одну композицию и рассадила группу вторично, неожиданно появился мой отец. В тот период он только наезжал в Петроград, а жил в Москве, где по заданию Я. М. Свердлова организовывал фотографию при ВЦИКе, во втором Доме Советов.

Застав меня за работой, он сразу подошел и буквально несколькими штрихами — изменив наклон головы, положение трости в руках Есенина — придал композиции равновесие и живописность.

Затем он предложил Есенину сделать его отдельный портрет. Тот успел уже надеть шубу, не захотел ее снимать, а отец и не настаивал: так и снял поэта в этой шубе у портьеры, с папиросой в руке. На второй фотографии Есенин рассеянно-задумчив, кажется, что он весь погружен в себя. (Снимок публикуется на обложке этого номера.) Это была последняя зима его жизни.

С. Есенин с участниками «Литературного понедельника».

Биография «Персидских мотивов»

Сергей КОШЕЧКИН

●

О Есенине, его «Персидских мотивах» с давних пор ходят легенды.

Рассказывают, что, прежде чем написать свой знаменитый цикл, поэт совершил многодневное путешествие в страну Шахразады. Напечатана статья, где сообщается даже о двух поездках Есенина в Иран: одной официальной, а второй тайной.

Приходилось слышать и о любви поэта к молодой персиянке. Она якобы была с ним в Баку и в Тифлисе, собиралась ехать в Москву, но помешали непредвиденные обстоятельства.

Занятную историю поведал мне в чайхане Мардакян старожил этого селения. Есенина на бакинском пароходе привезли в Мардакяны и сказали, что он у берегов Персии. Поэта поместили на дачу, окруженную чудесным садом с цветущими розами. Здесь-то он, дескать, и написал все свои «персидские» стихотворения...

На самом деле в Персии Есенин не был ни разу. Романа с персиянкой нигде не заводил — ни в Баку, ни в Тифлисе. Под видом поездки в Персию не отправляли его из Баку в Мардакяны. И «Персидские мотивы» создавались не только в Мардакянах...

Как известно, стихотворения цикла датированы 1924 и 1925 годами. Однако разговор о них, думается, надо начать по меньшей мере с 1921 года, то есть со времени поездки Есенина в Среднюю Азию.

Надо полагать, в приобщении Есенина к живому Востоку немалую роль сыграл Александр Ширяевец, автор цикла стихов «Туркестанские мотивы». Недаром в Баку и Тифлисе Есенин не раз вспоминал имя своего задушевного друга, читал наизусть его стихи «Не пойду в Менку — в глазах девушек Мекка моя!» и «Сбрось ярмо веков! Воскресни! Скинь постыдную чадру!..».

В Азербайджане и Грузии (сентябрь 1924 — август 1925 года) знакомство с Востоком углубляется, поэт обретает новых верных друзей, становится близким человеком в кругу местных литераторов и журналистов, выступает в рабочих клубах.

«Есенин,— рассказывает поэт Георгий Леонидзе,— любил бродить по тбилисским улицам. Улыбаясь, он почтительно беседовал с простыми людьми, расспрашивал их о том о сем. И люди с большим удовольствием встречались с ним. Уважали его. Как свой входил он в тбилисские духаны и погреба, осматривал их. Беседовал с посетителями. Неоднократно встречал я его на улицах, стоящего в толпе...»

Знакомый Есенина по Тифлису (поэт жил в его комнате) как-то приносит домой книгу стихов знаменитых восточных лириков. Поэт снова и снова перечитывает бессмертные строки, восхищается мастерством их авторов. Созревает мысль о поездке в Персию. «Несколько времени поживу в Тегеране, а потом поеду в Батум или в Баку»,— сообщает он в Москву. И тут же: «На днях я пошлю... персидские стихи. Стихи, говорят, очень хорошие, да и я доволен ими».

Первое упоминание о «персидских» стихах... Запомним дату письма из Тифлиса: 22 октября 1924 года. Какие же это стихи?

Судя по всему, речь идет о двух стихотворениях: «Улеглась моя былая рана...» и «Я спросил сегодня у менялы...». Первыми из цикла они были напечатаны (в газете «Трудовой Батум», 10 декабря 1924 года) под общим названием «Персидские мотивы».

А в первой декаде декабря 1924 года Есенин появляется в Батуме и безвыездно живет здесь до середины февраля 1925 года, поддерживая связь с тифлисской газетой «Заря Востока» и с «Бакинским рабочим».

Вскоре после приезда поэт знакомится с батумской учительницей Шаганэ Тальян, армянкой по национальности. Красота, обаяние, необычное имя молодой женщины не оставляют поэта равнодушным. В блокнот заносятся строки третьего «персидского» стихотворения «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» и вслед за ним четвертого — «Ты сказала, что Саади...». Из Батума стихи посылаются в Баку, где впервые и печатаются («Бакинский рабочий», 1 января 1925 года); до этого в газете начиная с 20 сентября 1924 года было опубликовано девять произведений поэта, в том числе «Баллада о двадцати шести», «Отговорила роща золотая...», «Русь советская».

Эти два стихотворения Есенин отправляет в Москву и сообщает: «Персидские мотивы» это у меня целая книга в 20 стихотворений» (письмо к Г. Бениславской от 20 декабря 1924 года).

Тогда же создаются пятое и шестое стихотворения цикла: «Никогда я не был на Босфоре...» и «Свет вечерний шафранного края...» (оба — «Заря Востока» от 18 января 1925 года).

На этом, так сказать, грузинская часть «Персидских мотивов» заканчивается. Есенин из Батума с краткими остановками в Тифлисе и Баку уезжает в Москву.

Здесь поэта ожидает ряд важных дел, среди них—предложение издательства «Современная Россия» о выпуске новой книги его стихов. Есенин загорается мыслью: основным разделом сборника должны стать «Персидские мотивы». Но ведь цикл не закончен, так как из предполагаемых двадцати стихотворений написаны лишь шесть...

И Есенин пишет два стихотворения, как бы завершающие краткий вариант цикла: русский поэт, любя родимый край, собирается «обратно ехать в Русь». В последний раз любуется он розами Персии, слушает голос дорогой Шаги. Светло и прочувствованно его прощальное слово:

Я твоих несчастий не боюсь,
Но на всякий случай твой
угрюмый
Оставляю песенку про Русь:
Запевая, обо мне подумай,
И тебе я в песне отзовусь...

Стихи «В Хороссане есть такие двери...», «Голубая родина Фирдуси...» пополняют рукопись сборника и одновременно отсылаются в «Бакинский рабочий» (напечатаны 3 апреля 1925 года с общей датой: Март 25 год).

Вслед за стихами на Кавказ отправляется и сам их автор. В Баку его ждали. «Чагин меня встретил как брата,— пишет он в Москву 8 апреля 1925 года.— Живу у него. Отношение изумительное».

Из Тегерана приходят вести от родного брата Чагина — Василия Болдовкина, сотрудника советского торгпредства в Иране. Желание побывать в Персии овладевает Есениным с новой силой. «...Я должен лететь в Тегеран,— сообщает он в том же письме.— ...Я еду учиться. Я хочу проехать даже в Шираз и, думаю, проеду обязательно. Там ведь родились все лучшие персидские лирики».

Готовясь к путешествию, работает над стихами «Воздух прозрачный и синий...», «Золото текучее луны...». В «Бакинском рабочем» они появляются 13 апреля. В Москву сообщает (11 мая 1925 года): «Два новых персидских стихотворения поместите перед теми 2-мя последними, что сдал Вам дома. Перед «Пери» и «Голубая родина Фирдуси».

В Москве Галина Бениславская, верная помощница Есенина, относит рукопись в издательство.

Сборник состоит из двух разделов: «Персидские мотивы» и «Рябиновый костер». В первом — уже известные нам десять стихотворений, во втором — «Мой путь», «Отговорила роща золотая...», «Сукин сын», «Этой грусти теперь не рассыпать...», «Низкий дом с голубыми ставнями...». Посвящение: «С любовью и дружбою Петру Ивановичу Чагину».

В конце июня 1925 года новая книга Есенина «Персидские мотивы» в количестве 5000 экземпляров (из них 100 нумерованных) выходит из печати.

1 Мая того же года Есенин встретил в Баку. Он оказался для поэта насыщенным памятными событиями. В этот день «Бакинский рабочий» начал публикацию новой есенинской поэмы «Анна Снегина». Сергей Миронович Киров, другие партийные руководители республики пригласили поэта на праздник закладки поселка нефтяников в Балаханах.

Как рассказывал мне Чагин, настроение у Есенина было приподнятое. Нефтяники, рабочие местных заводов радушно встречали поэта. Он переходил от одной группы к другой, затевал разговор, шутил, пел частушки. Кирову нравилась такая общительность, простота Есенина, и он кивал Чагину, показывая глазами на поэта: дескать, смотри-ка, наш рязанец освоился, настоящим бакинцем стал.

По окончании праздника руководители республики вместе с Есениным поехали в Мардакяны, на дачи ЦК. Там по просьбе Кирова поэт читал свои новые стихи. Прозвучали и «Персидские мотивы». Чагину запомнились «Шаганэ...» и «Голубая родина Фирдуси...». Киров сидел у окна, смотрел на поэта, лишь изредка переводя взгляд на цветущие под окном яблони...

После есенинского чтения Киров сказал Чагину:

— Смотри, как написал! Будто и впрямь побывал в Персии!..

Сам Чагин с семьей жил на втором этаже бывшей дачи нефтепромышленника Мухтарова. На этом этаже отвели комнату и Есенину. Тут легенда о жизни поэта в мнимой Персии близка к правде. Вокруг дачи огромный сад, в саду тополиная аллея, фонтаны, бассейн, просторный каменный колодец с площадкой над водой для отдыха в жаркую пору.

«Жил Сергей Александрович на этой даче, говоря его же словами, «как некий хан»,— писал Чагин позже,— но у него и в обстановке созданной ему иллюзии Персии не выходило из головы и сердца родное, рязанское».

Это так. Под шелест мардакянских тополей сложено «Письмо к сестре», согретое думами о тихой рязанской деревне, вишневом саде и тех, кто увидит его красу в далекие весны... Отсюда сердце поэта тянулось к старой матери, опечаленной тревожной думой о том, что сын ее «по отчему краю совсем не болеет душой». Напрасно она так думала, мать. Картины, знакомые с детства, нередко оживали перед его глазами: «Неуютная жидкая лунность и тоска бесконечных равнин...»

В последних числах июля 1925 года Есенин снова, после поездки в Москву, на азербайджанской земле. На этот раз он появляется с женой — Софьей Андреевной Толстой. «Не могу долго жить без Баку и бакинцев,— говорит он друзьям,— опять приехал к вам».

В знакомой обстановке Мардакян много работает. Пишет и печатает в «Бакинском рабочем» среди других новые стихи под заголовком «Персидские мотивы»: «Быть поэтом — это значит тоже...», «Глупое сердце, не бейся...», «Руки милой — пара лебедей...», «Море голосов воробьиных...», «Отчего луна так светит тускло...».

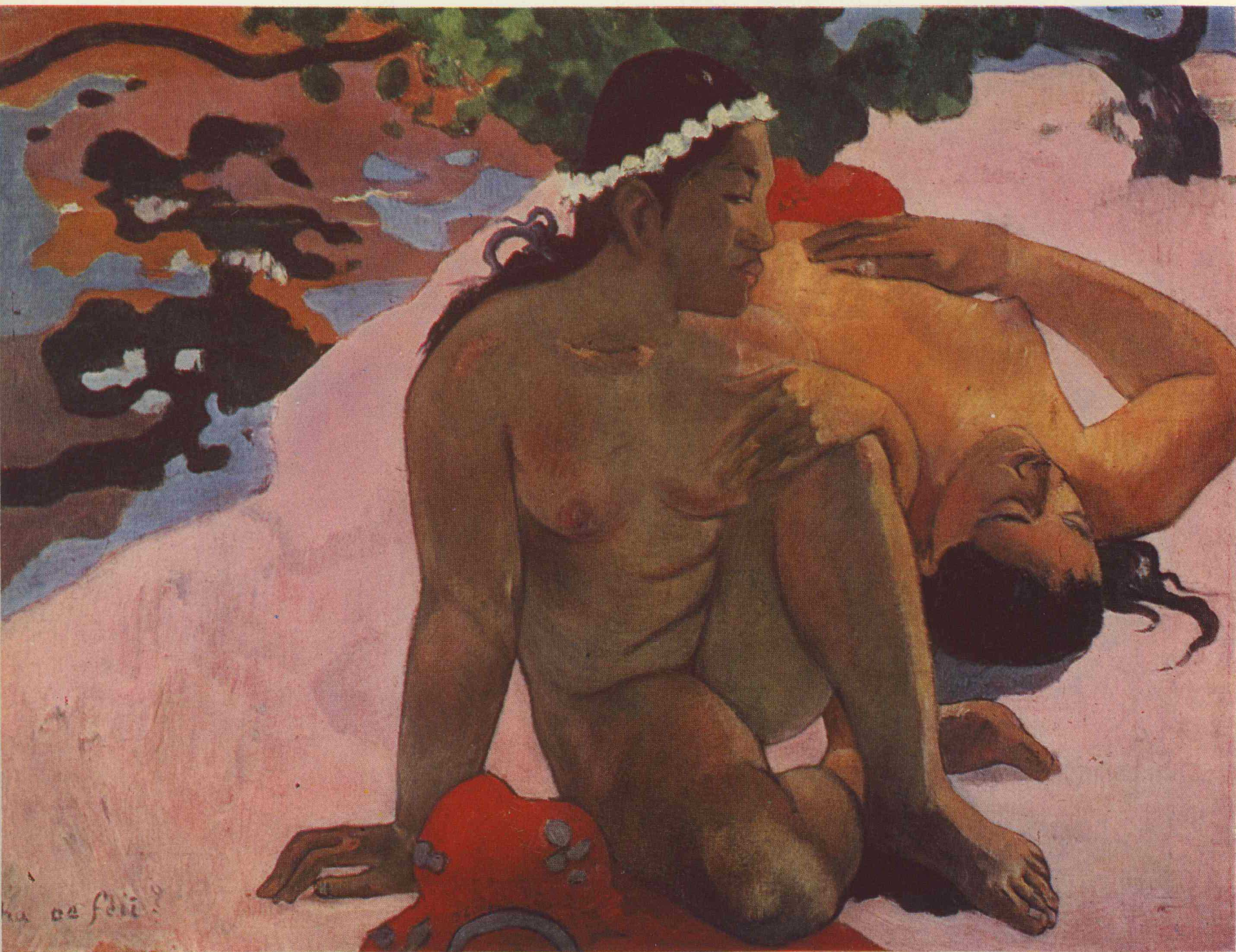
Вводится в цикл и ранее написанное стихотворение «Голубая да веселая страна...» (дата в рукописи — 8 апреля 1925 года). В первой публикации оно посвящается «Гелии Николаевне Чагиной» — так называла себя шестилетняя дочь П. И. Чагина Роза, с которой Есенин был дружен. На одном из автографов этого стихотворения авторская надпись: «Конец персид. мотивов».

Неотложное дело (составление и редактирование трехтомного «Собрания стихотворений», предпринятого Госиздатом) заставляет Есенина выехать в Москву. Это было 3 сентября 1925 года. Поэт простился с Баку, как оказалось, навсегда...

Поль Гоген. 1848—1903. ЗДРАВСТВУЙТЕ, ГОСПОДИН ГОГЕН. 1889.

Собрание А. Хаммера.

Поль Гоген. А, ТЫ РЕВНУЕШЬ? 1892.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина

М. ТАЙМАНОВ,
международный гроссмейстер, шахматный обозреватель «Огонька»

ПЕРЕМЕНЫ

Опыт учит, что в состязаниях высокого ранга прогнозировать уместно разве что вероятность грядущих сюрпризов. И все же, даже «запрограммировавшись» на неожиданности, порой приходится удивляться внезапности и стремительности смены ситуаций.

Когда Г. Каспаров в бескомпромиссном новом единоборстве с А. Карповым с первых же дней уверенно захватил инициативу и не только повел в счете, но, что еще важнее, сумел направить течение творческой полемики в русло близкой ему по духу сложной, порой даже иррациональной борьбы, кто бы мог предположить, что такого темпераментного запала хватит всего на три партии, а затем спонтанно наступит трудно поддающийся расшифровке спад и азарта, и энергии, и попросту игрового потенциала...

И напротив, кто бы взялся предсказать, что А. Карпов, которому выпали непривычные разочарования стартовых неудач и никогда ранее в матчевой практике не испытанные невзгоды отстающего, сумеет столь стремительно не только поправить дела, но и кардинально изменить ход событий...

Теперь ретроспективно, пожалуй, можно уловить момент, определивший столь разительные метаморфозы в боевом духе соперников. Как ни парадоксально, это были не четвертая или пятая партия, лишь формально закрепившие происшедший перелом. Истоки следует искать раньше, а потому, листая в обратном порядке страницы событий, остановим свое внимание на эпизоде доигрывания второй, пока наиболее содержательной и драматической партии матча.

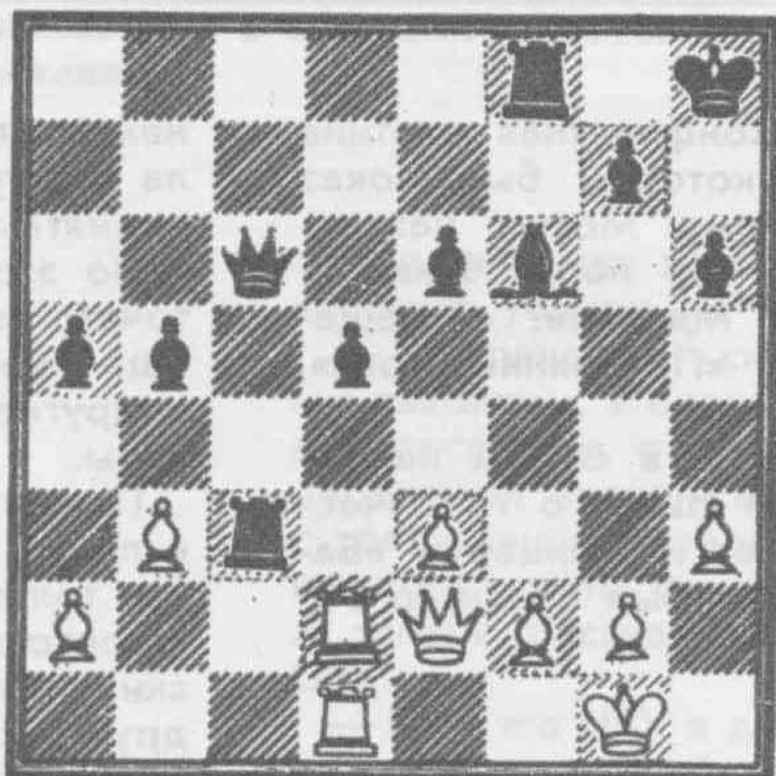
Наши читатели, вероятно, помнят, что после длительного и невероятно упорного доигрывания она завершилась миром. Такой результат в целом воспринимался как вполне закономерный, поскольку предварительный официальный диагноз гласил, что, несмотря на определенный перевес, черным выиграть, пожалуй, труднее, чем белым сделать ничью. Так считали почти все эксперты, включая (признаюсь самокритично) и вашего обозревателя. Но сами-то соперники оценивали позицию поиному... Теперь уже известно, что тщательный и многочасовой анализ должен был привести к обратным выводам: идя на доигрывание, и Карпов, и Каспаров могли точно знать, что белым спасти партию очень трудно, если вообще возможно... Ничья же в конце концов получилась только потому, что Каспаров необъяснимо сбился с правильного пути. Вот где разгадка дальнейшего хода событий!

Ведь выиграй претендент эту партию, психологический баланс еще в большей степени, чем чисто спортивный, мог стать доминантой следующей фазы борьбы. И напротив, спасенная партия для чемпиона мира знаменовала счастливое преодоление возникшей кризисной ситуации, переход к привычному уверенному творческому состоянию.

Во всяком случае, с этих позиций можно объяснить и преждевременный со стороны Каспарова отказ от попыток борьбы за инициативу в третьей партии, и утрату им бдительности в четвертой, и растерянность в пятой...

И именно в этот период словно наливался силами Карпов.

Эти внутренние перемены состояний и настроений нашли свое объективное отражение в четвертом поединке, лучшем из сыгранных до сих пор чемпионом мира.

На доске материальный паритет, а наличие разноцветных слонов только усиливает впечатление неизбежности ничьей. Правда, при более внимательном взгляде на доску можно подметить некоторые дефекты в лагере черных — наличие уязвимого «пешечного островка» в центре, слабость белых полей на королевском фланге, но вместе с тем активность черных фигур, казалось бы, должна полностью компенсировать эти позиционные уступки. Тем поучительнее проследить, с какой неумолимой последовательностью и целеустремленностью чемпион мира использует свои козыри.

29. Cg6

Прежде всего слон переводится на диагональ b1—h7, где будет чувствовать себя полновластным хозяином.

29... Cd8 30. Cd3 b4 31. Фg4

А теперь на эту же диагональ направляется и ферзь.

31... Фe8

Разумеется, допустить хода 32. Фg6 черные не могут.

32.e4!

Под обстрел берется центральная мишень. Вскрытие игры хоть и обоюдоостро, но хорошо продумано Карповым.

32... Cg5 33. Лc2 Л:c2 34. C:c2 Фc6

Сыграно излишне беззаботно. Каспаров еще не почувствовал издалека надвигающейся опасности и ищет способов захватить инициативу. Однако, как показывает дальнейшее течение борьбы, не следовало отводить своего ферзя от королевского фланга. Надежнее было бы 34... Фf7.

35. Фe2 Фc5 36. Лf1

Необходимая мера профилактики — угрожало 36... Л:f2! 37. Ф:f2 Ce3.

36... Фc3

Трудно представить, что положение черных не улучшается в связи с заманчивыми маневрами ферзя, а только ухудшается...

37. ed ed 38. Cb1!

А теперь контуры стратегического плана белых становятся более ясными—им нужно перевести ферзя на одно из полей диагонали b1—h7, после чего король черных попадет в сферу досягаемости.

38... Фd2 39. Фe5

Можно было и сразу 39. Фe6 с угрозой 40. Фg6, но Карнов не спешит форсировать события.

39... Лd8 40. Фf5 Kpg8

Здесь партия была отложена. Ясно, что инициатива на стороне белых, но достаточно ли ее для победы? Доигрывание показало: достаточно. Как это порой случается, еще до возобновления игры позиция черных час от часу стала ухудшаться словно бы сама по себе — анализ убеждал, что против атаки белых оборонительных ресурсов гораздо меньше, чем предполагалось...

41. Фe6 + Kph8 42. Фg6 Kpg8 43. Фe6+Kph8 44. Cf5!

Сильный маневр. Карпов создает дополнительную угрозу 45. Лe1, что сразу не получалось ввиду ответа 44... Лf8.

44... Фc3

Скорее на защиту короля, но время уже упущено...

45. Фg6 Kpg8 46. Ce6+Kph8 47. Cf5 Kpg8 48. g3

Способ разыгрывания этого окончания чемпионом мира может служить учебным примером. Пользуясь отсутствием какой-либо контригры у противника, он методично усиливает позицию своих фигур, не торопясь форсировать события. Ближайший план белых — поставить короля на g2 и перевести ладью с f1 через d1 и d3 на e3 или f3.

48... Kpf8 49. Kpg2 Фf6 50. Фh7 Фf7.

Иначе просто 51. f4.

51. h4 Cd2.

Делать нечего. На 51... Ce7 сразу решало 52. Лe1 с угрозами 53. Ce6 или 53. Cg6.

52. Лd1 Cc3 53. Лd3.

План выполнен. С вводом в сражение дальнобойной артиллерии атака белых становится неотразимой.

53... Лd6 54. Лf3! Kpe7.

Королю, что называется, кряхтя и неохотно приходится покидать свое убежище. Но выбора нет. Грозит удар 55. Cg6. Если попытаться ослабить его значение ходом 54... Лf6, то последует 55. Лe3! Л:f5 56. Фh8+Фg8 57. Лe8+! а в случае 54... Cf6 тот же способ — 55. Лe3 — и нет ответа 55... g5 ввиду 56. Ф:h6+

55. Фh8!

Снова сильнейшее продолжение атаки. Соблазнившись преследованием короля посредством 55. Лe3+ Kpd8 56. Фh8 + Kpc7 57. Фc8+можно было только упустить его в безопасную зону.

55... d4.

Иначе 56. Лe3+. но, как нетрудно убедиться, здесь уже спасения нет.

56. Фc8 Лf6 57. Фc5 + Kpe8 58. Лf4 Фb7+ 59. Лe4+ Kpf7.

На остроумную реплику 59... Лe6 находилось не менее остроумное возражение 60. Фc4! Л:e4 61. Фg8+ Kpe7 62. Ф : g7+ и 63. Ф : b7.

60. Фc4+ Kpf8 61. Ch7!

О эти белые поля!

61... Лf7 62. Фe6 Фd7 63. Фe5, и Каспаров сдался.

Ресурсы защиты исчерпаны. На 63... Лe7 решает 64. Фf4+Лf7 65. Фb8+; на 63... Фd8 возможно 64. Фc5+Лe7 65. Лf4+Kpe8 66. Фc6+Фd7 67. Cg6+; а в случае 63... Фe7 — просто 64. Фb8+.

Впечатляющее достижение чемпиона мира! Все ясно, логично, целеустремленно и безупречно. «Белопольной симфонией» нарекли эту партию эксперты.

Счет стал 2:2... в пользу Карпова. Динамика событий складывалась благоприятно для него. И все же, будь Каспаров чуть хладнокровнее, наметившийся перелом можно было бы попытаться локализовать.

Разумеется, каждый проигрыш в биографии гроссмейстеров экстра-класса — своеобразное ЧП. Подобные потрясения случаются у них обычно всего два-три раза в год. Но в матчах на первенство мира поражения, увы, неизбежны, а потому к ним нужно быть внутренне готовым. И принимать стоически, проявляя выдержку и твердость характера. А главное, самокритичность.

Карпову на старте это удалось. Чемпион мира не счел зазорным, взяв тайм-аут, признать тем самым свое желание передохнуть, восстановить душевное равновесие, а быть может, и скорректировать матчевую тактику.

Каспаров же отреагировал на свои невзгоды, пожалуй, слишком импульсивно. Не взвесив сил, не переведя дыхания, он безоглядно ринулся к реваншу. Даже его первый ход в следующей партии — бросок королевской пешкой — подчеркивал вызов: «Иду на Вы»! Но темпераментный порыв не подкреплялся соответственным творческим состоянием. Вызвав бурю, Каспаров сам же оказался ее жертвой. Чемпиону мира не стоило особого труда вскрыть недостатки и стратегических замыслов соперника и его тактических упущений.

Каспаров вторично признал себя побежденным.

Почему же не совладал он с нервами? Не прислушался к горькому опыту предыдущего поединка? Ведь Каспаров твердо знал, что «перестройка под огнем противника может оказаться губительной. Поэтому в первую очередь необходимо выгадать время, то есть устоять перед натиском соперника в ближайших партиях». Это цитата из... его только что вышедшей прекрасной книги «Испытание временем»! Поистине самопознание дается труднее всего. И, быть может, лишь вспомнив другой абзац из этой книги: «Два поражения подряд могут выбить из колеи любого, даже самого испытанного бойца» — и сделанный отсюда вывод, что в такой обстановке тайм-аут необходим, Каспаров последовал этому рациональному методу.

Несколько дней передышки сыграли свою роль. В следующем поединке уже казалось, что Каспаров обрел спокойствие и уверенность — ему удалось черными успешно отразить натиск чемпиона мира, но, признаться, седьмая партия задала много новых загадок. Азартно и порой неосмотрительно ее играли уже... оба соперника.

По драматизму событий, по увлекательности сюжета, по неожиданности финала это был один из самых примечательных поединков матча. Но, увы, по количеству упущений тоже... Шансы сторон на чаше весов непрерывно колебались, преимущество переходило из рук в руки, решения соперников порой поражали парадоксальностью, страсти бушевали на доске. И даже на гроссмейстерском консилиуме в пресс-центре в тот вечер царила атмосфера ажиотажа.

Самое удивительное, что многие замыслы соперников вообще не удавалось расшифровать, хотя в процессе обсуждения вариантов перебиралось немало. «Как это возможно, — сетовали авторитеты,— ведь, объяви мы конкурс на угадывание ходов, и то не оказалось бы победителей!» «Наверное, поэтому мы и не играем на сцене зала Чайковского»,— последовало резонное возражение...

И когда в конце концов в этой многострадальной партии был заключен мир, облегченно вздохнули не только утомленные перенапряжением Карпов с Каспаровым, но и переволновавшиеся перипетиями сражения зрители.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г. Д. МДИВАНИ

Слово о друге

Наверно, так уж положено в добрых человеческих отношениях, когда люди вне службы находят какой-то общий язык и рождается то чувство, которое называется дружбой.

Сейчас, в эти дни, когда драматургу, талантливому деятелю советского кинематографа Георгию Давидовичу Мдивани должно бы исполниться 80 лет, невольно обращаешься к тем дням, которые запомнились тебе (так уж бывает в жизни) на долгие десятилетия.

А была осень 1940 года. Сентябрь. Первые холодные ветерки. Седые волны прибоя. Немноголюдный Дом творчества писателей в Ялте. Как и бывает при таком не шибко большом количестве людей, рождаются новые знакомства, возникает новая дружба. Так было и в ту памятную предвоенную осень.

Я, еще тогда ростовский поэт, действительно использовавший Дом творчества для того, чтобы были написаны новые стихи, как-то быстро сошелся и подружился с сыном вольной Кубани, автором прекраснейшего романа «Кочубей» Аркадием Первенцевым. Он, в свою очередь, был дружен с доктором наук, большим знатоком русской современной и классической литературы, уже после войны ставшим директором Института мировой литературы имени М. Горького, Иваном Ивановичем Анисимовым. Вместе с ними был по нынешнему времени молодой драматург Георгий Мдивани.

Бывают же такие совпадения, что родился он в селе Багдади. В том самом Багдади, где родился Владимир Маяковский. А само село Багдади ныне носит имя Маяковского.

В эту предвоенную осень никто не знал, что нас ждет впереди. А вот то, что фундамент дружбы как-то был заложен в Ялте,— это чувствовалось в каждом из нас. Три человека отправились в Москву, а я — в свой родной город Ростов. Уезжали мы почти одновременно. Я оказался единственным провожатым троицы моих новых друзей. Да простит мне читатель это лирическое отступление, которое сделано в статье о прекраснейшем советском драматурге, достойно представлявшем грузинскую литературу на сценах московских и других театров, хорошо чувствующем жизнь не только грузинского народа, но и русского народа и других народов Советского Союза.

Еще когда ему был 31 год, в 1936 году, он написал пьесу «Алькасар» о борьбе испанского народа против фашизма, сразу обратив на себя внимание, ибо эта пьеса была поставлена в Московском Камерном театре таким тонким, талантливым режиссером, каким был Таиров.

Именно в этот, 1936 год Мдивани покидает свою родную Грузию и переезжает в Москву. Его неуемный, я бы сказал, не ограниченный берегами спокойствия характер сразу приближает Мдивани к такому динамическому искусству, как кинематограф. Так, в 1937 году появилась остросюжетная, конфликтная картина «Честь», основной темой которой был показ силы советского патриотизма. Можно назвать еще несколько сценариев той поры, буквально ежегодно рождаемых Мдивани: «Завещание», «Крылатый маляр», «Потерянный рай», «Родина».

Но вот началась война. И в самом начале ее, в 1941 году, он пишет пьесу о героических подвигах наших солдат и офицеров «Батальон идет на запад». Это был характер Георгия Мдивани. Символическое название для конца 1941 года. Все было в названии пьесы: и призыв к контрнаступлению — сама жизнь давала материалы для этого,— и воинская честь батальона, и вся суровая атмосфера времени, которую мы чувствовали.

Пьеса еще не была поставлена, но я знал о ней, ибо Георгий Мдивани уже несколько раз побывал у меня в госпитале, где я лежал после ранения на Западном фронте.

Да, это было трудное время тревог и надежд, год, увенчавший грандиозный разгром немцев под Москвой. Пьеса Мдивани выражала чувства и мысли людей. Она была горячо принята зрителями.

Но это была не единственная военная ласточка, выпущенная Георгием Мдивани. Были еще пьесы «Приказ по фронту», «Партизаны» и другие, написанные в эти суровые военные годы.

Помнится и радостный, озаренный залпами салютов День Победы, когда мы вместе уже не только с крымскими друзьями, но и с фронтовыми друзьями встречались в московских квартирах, каждый как бы разворачивал друг перед другом свиток своих впечатлений о закончившейся войне.

Наступило мирное время. Но Георгий Мдивани продолжал жить военными темами. Кто когда забудет такие фильмы, как «Рядовой Александр Матросов», созданный в 1948 году, или «Солдат Иван Бровкин» — 1954 год. А затем, уже буквально в первые годы освоения целины, фильм «Иван Бровкин на целине».

Можно сказать, что в главных героях произведений — поставленны ли они на сценах театров или смотрелись на киноэкранах — была частица характера самого Георгия Мдивани. Горячие, страстные, взрывчатые и вместе с тем трудолюбивые. Такие были герои Мдивани, таким он был сам.

К этому времени были поставлены произведения Мдивани «Кто виноват», «Люди доброй воли». В этой последней пьесе уже звучала тема защиты мира.

И еще, разве можно забыть такие пьесы, какими были пьесы о Кубе,—«День рождения Терезы» или политический памфлет «Украли консула»? И уже совсем к концу жизни пьеса «Большая мама» и сценарий фильма «Посланники вечности».

Однажды во время поездки в Париж, вглядываясь с высоты Эйфелевой башни в туманную столицу Франции, Мдивани сказал мне: «Красивый город... Но это сверху... А сколько грязного мы увидели на его красивых, завлекательных улицах? Но все равно высшим маяком для Франции будет Парижская коммуна. Никакая грязь не скроет от нас, от нашей памяти славу французских коммунаров».

Помнится, мы тогда удивились этим словам нашего друга, его мыслям, рожденным на Эйфелевой башне.

...А незадолго до смерти он как-то вдруг вспомнил то, что говорил в Париже: «Меня все больше тревожат грязненькие мысли, которые все чаще появляются на сценах наших театров... Но им никогда не победить нашу идеологию, нашу веру в победу, в коммунистическую правду... Помните Эйфелеву башню?»

Мы, конечно, помнили. Да и разве дано нам забыть, что думают и говорят верные друзья?!

...Мы как-то не привыкли отмечать день и годы со дня прощания с друзьями. Мы знаем год, месяц рождения. И этого нам достаточно для того, чтобы запомнить навечно многих, многих наших друзей, с которыми пройдена, прожита, отвоевана наша жизнь. Одним из таким друзей является талантливейший грузинский драматург нашего времени Георгий Мдивани, которого добрым словом мы сегодня вспоминаем и говорим: «80 лет назад он родился, но уже никогда не умрет».

Анатолий СОФРОНОВ

После съемок испытаний сильной взрывчатки редактор киногруппы Аллен Лоуэлл сразу же исчезает. Пробравшись в номер к режиссеру Карсону, он уничтожает его паспорт.

Тогда же Джордж Уильямс получает анонимное письмо, в котором ему, режиссеру Карсону, светской красавице Стефани Сполдинг, школьному тренеру Роберту Уорнки, конгрессмену Томасу Медуику, маклеру Эверетту Меллону угрожают убийством в связи с десятой годовщиной со дня смерти Кеннеди. Вскоре выясняется, что во время испытаний взрывчатки пропали два заряда.

Ночью Аллен Лоуэлл проникает в Капитолий и похищает из кабинета Медуика порочащие конгрессмена документы. Тем временем заместитель помощника министра юстиции Уильямс, имя которого упомянуто в анонимном письме, начинает вести расследование готовящегося преступления.

Последний — на Арлингтонском кладбище

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

14

— Ну так вот,— сказал Медуик,— я был одним из первых. Одним из вдохновенных.

— Что это означает?

— Какой-то репортер, кажется, Мерримен Смит, писал о съехавшихся в Вашингтон в шестьдесят первом... минутку, я попытаюсь вспомнить: «...вдохновенные, загадочные, с потрясающими идеями». Что-то в этом роде. Я жил в Джорджтауне с тремя другими выпускниками Гарварда, и мы называли себя «вдохновенными». Нам нравилось звучание этого слова.

— Кто перетащил вас в Вашингтон?

— Никто. Приехал сам. Сказать по правде, тогда я весь горел. Я был вдохновенным. Друг моего отца знал кое-кого в госдепар...

— Кто он?

Медуик встал, радуясь возможности разрядить напряжение.

— Вы не против, если я налью себе еще? А вам?

Он снова подлил в стаканы, стараясь не терять самообладания.

— Джордж Болл. До тех пор я ни разу не встречался с ним. Обыкновенный служащий. Я сказал ему, что хочу сдать экзамены для службы за границей. У меня было смутное желание работать в какой-нибудь африканской стране или в развивающемся государстве. Я хотел внести свой вклад, тогда эти слова были у всех на устах.— Медуик улыбнулся воспоминаниям.— Внести свой вклад. Каждый из нас стремился к этому.

— Ну и что?

— Ну, и я провалился на экзамене.

Наступило молчание. Медуик отхлебнул виски и продолжал:

— Я уже хотел уезжать из Вашингтона, когда один из моих соквартирников, Джо Форстер, был вызван для беседы в ЦРУ. Им был нужен человек, хорошо владеющий испанским. В Гарварде я специализировался по испанскому. Меня взяли на службу.

Заметив на лице Уильямса внезапное удивление, Медуик сказал:

— Я думал, вам это известно. Вы не просматривали досье?

— Пока нет,— сказал Уильямс, но этот вопрос вывел его из равновесия. Нужно будет немедленно просмотреть досье всех пятерых. Если они одновременно служили в ЦРУ, что не исключено, масштабы угрозы увеличивались во много раз. Палестинцы, кубинцы, израильтяне, южноамериканцы, бывшие агенты, недовольные военные...

— Долго вы там работали?

— Семь месяцев,— ответил Медуик.— Начал как аналитик седьмой ступени, потом прошел курс подготовки «привидений». Обычная история. Вдаваться в подробности, очевидно, незачем?

Но Уильямс ответил не сразу. Он снова подумал о том, что нельзя будет разыскать неизвестного убийцу, не зная его мотивов.

— Послушайте,— сказал он Медуику,— когда мы закончим, я попрошу вас записать фамилии и адреса всех, с кем вы имели дела или поддерживали знакомство в Вашингтоне, начиная с троих ваших соседей по квартире и включая каждого, с кем вы тесно общались по работе. А теперь расскажите мне о своей службе в ЦРУ.

— После ЦРУ я два года работал помощником сенатора Фулбрайта,— сказал Медуик.

— Сперва о ЦРУ.

— Но я пробыл там только семь месяцев и, за исключением одной недели, лишь перекладывал бумаги и переводил кое-что с испанского.

— В том числе и то, что касалось Кубы? Да.

— Расскажите о той неделе,— сказал Уильямс.

15

Написанное от руки письмо, доставленное курьером из Белого дома заместителю начальника южноамериканского отдела ЦРУ:

«БЕЛЫЙ ДОМ
Вашингтон

10 февраля 1961 г.

Дорогой Билл

Все системы действуют, однако ДжФК недоволен ситуацией. У него такое чувство, будто Айк подложил ему свинью. Военные ежедневно убеждают его, что это будет всего трехдневная операция и волноваться нечего, но здесь все уверены, что они, как всегда, выдают желаемое за действительное.

Президент попросил меня связаться с кем-нибудь из Департамента Грязных Дел в вашем управлении, и я сказал ему, что доверяю тебе. Речь идет о путешествии к нашим друзьям в Гватемалу. В самом ближайшем времени. Сможешь?

Джордж Лэтем,
специальный помощник».

13 февраля 1961 года Томас Медуик, вызванный в кабинет своего начальника Уильяма Керрвуда, обнаружил там худощавого, интеллигентного вида человека с редеющими волосами, в очках. Керрвуд представил его как Джорджа Лэтема, одного из помощников президента.

— Ваш инспектор утверждает, что вы говорите по-испански,— сказал Керрвуд.

— Испанский — моя специальность. Отец занимался импортом в Южную Америку, и предполагалось, что я возьму на себя ведение дел.

Керрвуд был отставным полковником до мозга костей. Он позволил себе задать еще один вопрос, хотя его нисколько не интересовали дела этого мальчика на побегушках.

— Почему же вместо этого вы работаете у нас?

— Отец принял несколько ошибочных решений, и его предприятие лопнуло.

— Об этом пока хватит. Вы решили работать здесь?

— Да, сэр.

— Но вы пока проходите обучение? Еще не получили должности?

Медуик пришел в замешательство, но постарался ответить по-военному четко. В ЦРУ все было по-военному.

— Я еще прохожу обучение, сэр. Но уже освоился с делом.

— Вижу, я выражаюсь не совсем ясно,— сказал Керрвуд.— Меня интересует, можно ли прихватить вас в небольшое путешествие. Нам нужен переводчик всего на одну неделю. Мы сейчас не можем взять кого-то из штатных переводчиков, они и так уже запаздывают на три недели, поэтому...

— Я буду очень рад поехать,— сказал Медуик. (Черт возьми! Неужели его собираются забросить куда-то за границу? Всего после трех недель обучения, да и то не по курсу особых агентов?) Керрвуд, очевидно, разглядел недоумение на его лице, потому что улыбнулся.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—39.

— Вы отправитесь с нами, мистер Медуик. Небольшая дипломатическая миссия, и только. В Гватемалу.

— А что там такое? — выпалил Медуик.

Керрвуд с Лэтемом переглянулись и рассмеялись.

— Видишь, Джордж,— сказал Керрвуд,— сказать, что мы плохо храним секреты, ты не сможешь.

Тут впервые заговорил Лэтем:

— Мы обучаем там кубинских беженцев. Для вторжения на Кубу. Только вторжения может не получиться.

Медуик промолчал, но выражение его лица сказало им все. Лэтем повернулся к Керрвуду.

— Я думаю, мистер Медуик будет превосходным переводчиком. Никаких пристрастий ни к той, ни к другой стороне из-за отсутствия информации. Пусть так все и остается.

Сержант ВВС потряс Медуика за плечо.

— Идем на посадку, сэр.

Медуик, помигивая, выпрямился. В военном самолете С-47 было темно, прохладно. Впереди на одном из кресел Лэтем, включив светильник, читал донесения.

Медуик все еще удивлялся, что он, Лэтем и Керрвуд были единственными пассажирами громадного самолета. Потянувшись, он снова ощутил восторг приключения, потом взглянул в маленький иллюминатор на темные тучи, яркую луну и мерцающие вдали огни, должно быть, Гватемала-сити.

Рев двигателей ударил ему в уши, самолет медленно развернулся, стал снижаться, и внезапно Медуик увидел красные и зеленые огни посадочной полосы. Но она находилась далеко от огней города; собственно говоря, они исчезли с горизонта, когда самолет снизился, колеса коснулись полосы, самолет встряхнуло, и послышался визг шин. Потом, когда двигатели перевели на реверс, чтобы снизить скорость пробега, раздался пронзительный свист. К Медуику кто-то подошел.

— Удалось вздремнуть?

Это был Керрвуд. В тусклом свете он выглядел осунувшимся. Медуик кивнул.

— Хорошо,— сказал Керрвуд.— Теперь, может, спать не придется трое суток.

Самолет остановился неизвестно где. Медуик не видел ни строений, ни контрольной башни; непонятно было, как только удалось посадить этот громадный самолет. Он отстегнул привязной ремень, взял чемодан с полки и направился к выходу. У двери его остановил второй пилот. Через несколько секунд командир экипажа обернулся и сказал:

— Все в порядке.

Должно быть, он услышал в наушниках сигнал, но Медуик начал понимать, что попал в мир, где все распланировано и о котором знать ему ничего не положено. Второй пилот распахнул дверь и сказал Керрвуду:

— Желаю удачи, сэр.

— Благодарю, капитан.

Три человека спустились один за другим по складному трапу — Медуик шел последним.

Взлетно-посадочная полоса находилась посреди леса, подступавшего вплотную со всех сторон. Справа виднелось небольшое здание, рассмотреть его в темноте Медуик не мог, вне всякого сомнения, это была контрольная башня. Керрвуд и Лэтем направились к ней, и вдруг Медуик услышал стрельбу. Он было испугался, но Керрвуд с Лэтемом шли, не обращая на нее внимания. Уже у самой башни Медуик разглядел вращающийся над крышей громадный радиолокатор. Керрвуд знаком велел им оставаться на месте и постучал в дверь. Дверь отворилась, внутри горел тусклый красный свет, и Керрвуд вошел.

Через пять минут он вышел. В лесу, менее чем в полумиле, опять послышались выстрелы. Керрвуд по-прежнему не обратил на них внимания, он лишь сказал:

— Неоперативность, как всегда. Они уже выехали. Подождем здесь.

С-47 уже несся по взлетной полосе и через минуту оторвался. Керрвуд закурил, Медуик последовал его примеру. Прислонясь к стене и глядя на желтую луну, он стал припоминать все подробности, чтобы когда-нибудь рассказать об этом приключении своим детям. Потом при свете луны он увидел человека в воздухе.

— Мистер Керрвуд, смотрите!

Парашютист, раскачиваясь, опускался на взлетную полосу, яростная стрельба раздалась еще ближе. Что тут происходит? Неожиданно появились другие парашютисты, они опускались группами, вот первый приземлился, покатился по взлетной полосе, быстро поднялся, отстегнул парашют, и Керрвуд сказал:

— Неплохо. Неплохо!

Внезапно показались огни фар, подъехала машина; Медуик смотрел, как парашютисты бегут к ним, они сели втроем на заднее сиденье машины, и никто по ним не стрелял.

— Беда в том,— сказал Керрвуд,— что это легко здесь; в Гватемале. На Кубе будут стрелять боевыми.

Сердце Медуика учащенно забилось. Ему все это казалось учениями, максимально приближенными к боевой обстановке. Он даже не был уверен, что это учения. И лишь после слов Керрвуда до него дошла суть происходящего. Война! Эти люди не играли. Они готовились к высадке на Кубу. Они готовились идти под огонь, может быть, на смерть!

— Угораздило вас явиться именно сегодня,— сказал им человек в спортивной рубашке и зеленых брюках. Они пили кофе в бункере, каждый сидел на отдельной низкой койке. Человек этот, Кевин О'Ши, казался Медуику совершенно невоенным. У него было небольшое брюшко, седеющие волосы и усталый взгляд бывшего газетчика.

— На счету каждый день,— сказал Керрвуд.— Президент еще не дал окончательного согласия.

Эти слова, казалось, разозлили О'Ши.

— К чему эта канитель? Черт возьми, у нас все готово!

— Не все согласны,— ответил Керрвуд и стал потягивать кофе, а О'Ши раздраженно заходил по комнате.

— Вот оно, значит, что,— сердито сказал он.— Очередное никчемное путешествие.

Керрвуд встал, и Медуик впервые заметил в нем властность.

— Ваше дело — исполнять приказы, О'Ши. Успокойтесь.

О'Ши сел и все так же сердито сказал:

— Вы хотите угробить этот план? Скажите прямо, и дело с концом.

— Мы заняты тем, о чем вам было сказано... собираем факты. Теперь, раз подготовка окончена, я хотел бы поговорить с кубинскими полковниками и Дейвом Гриффином. Где Гриффин?

— В Гватемала-сити, у эль президенте. Должен вернуться с минуты на минуту.

— Что он там делает?

О'Ши взглянул на Керрвуда с иронической усмешкой.

— Вы шутите? Повез очередной подарок.

— Хорошо,— сказал Керрвуд, лег на койку и заложил руки под голову.— Ну и дела! Когда все это кончится, Дрю Пирсон напишет четыре тысячи фельетонов и не исчерпает всего материала.

— И снова выведет вас из себя, — сказал О'Ши.— Ведь вы тоже принимали участие в разработке этого плана.

— Да, пока не выяснил, что кубинские беженцы врут, а мы им верим. «Народ только и дожидается этого вторжения. Люди взбунтуются против Кастро, стоит нам только высадиться где-нибудь на побережье!» Чушь собачья, братец, и вы это знаете. Мы послали туда людей и выяснили настоящее положение дел, его вы тоже знаете. Но вы, Гриффин и остальные, по-прежнему стегаете дохлую лошадь.

Наступило зловещее молчание. Медуик взглянул на О'Ши и увидел, что он уже не похож на усталого газетчика. Он походил на убийцу. Может, оттого, что молча сверкал маленькими глазами на Керрвуда.

Лэтем нарушил молчание.

— Дело в том, О'Ши, что, кто бы из нас ни был прав, президент находится в затруднении. Если он даст согласие и эти ребята будут перебиты, с ним тоже будет кончено. Если не даст и тысячи кубинских беженцев вернутся после обучения в Америку, где заявят, что добились бы успеха, он ничем не сможет их опровергнуть. А Кастро будет набирать силу. Так что выбор здесь труден.

— Какая там, к черту, трудность,— сказал О'Ши.— У нас есть обученные люди, они жаждут мести. У нас есть корабли. У нас есть чем оказать поддержку с воздуха. В самом худшем случае мы снимем их с побережья. Уверяю вас, президент не может проиграть. А если выиграет, то вся слава достанется ему, а не нам, беднягам, два месяца потевшим и оравшим в джунглях.

О'Ши вышел собрать людей на совещание. Примерно через час явились четверо кубинских офицеров и трое сотрудников ЦРУ. Все трое были по-военному подтянутыми, сильными. Старший из них, командующий операцией отставной генерал Фредерик Шарп, был крепко сложенным, лысым, в мундире цвета хаки и с биноклем на груди. Худощавый, жилистый Дэвид Гриффин пришел в мундире офицера морской пехоты без погон. Самый младший, голубоглазый, с массивной челюстью, по имени Карл Ричардсон, явно исполнял при них роль оруженосца.

Поговорив немного о том о сем, они расселись на койках, и Керрвуд принялся с помощью Медуика расспрашивать кубинцев. Каков дух беженцев? Хватает ли продовольствия, боеприпасов? Чего недостает? Какие есть жалобы? Что еще необходимо для успеха операции?

Ответы на испанском следовали залпами, Медуик переводил, а Керрвуд, не переставая говорить, делал пометки в блокноте. Медуику это казалось обычным военным инструктажем. Но потом Керрвуд задал вопрос, потрясший кубинцев:

— Что скажете вы и ваши люди, если президент по каким-то причинам будет вынужден отменить операцию?

Наступило молчание. Кубинский полковник, к которому был обращен вопрос, не скрывал злобы. Маленький, мускулистый, с блестящими черными глазами и неизменно свирепым взглядом, он отвечал резко, в голосе его слышались военная четкость и презрение. Несомненно, О'Ши предупредил их о подлинных намерениях Керрвуда.

— Мы все равно пойдем,— ответил кубинец.— А те, кто останется, расскажут об этом всему миру. Что ваш великий президент Кеннеди обещал изгнать Кастро из западного полушария и что он трус и лжец.

В комнате воцарились напряженность и злость. Но Керрвуд улыбался.

— Такого ответа я и ждал от вас, полковник. Вы смелый человек.

Эти слова ошеломили кубинца. Он впервые посмотрел на Керрвуда с уважением, но по-прежнему настороженно. Керрвуд повернулся к отставному генералу и сказал:

— Это пока все, что я хотел сказать кубинцам.

Кубинцы резко поднялись и вышли. Когда дверь за ними захлопнулась, Керрвуд, спокойно покуривая, откинулся к стене.

— Суть в том, что этот человек прав. В телевизионных дебатах с Никсоном Кеннеди заявил, что прогонит Кастро. Его слышала вся Америка.

— Да,— подтвердил Лэтем.— Но он готов сказать, что был не прав, и принять все последствия.

— Но это возможно теперь или никогда,— сказал отставной генерал.— Через полгода Кастро так окопается, что нам не удастся его прогнать.

Лэтем поднялся и возглавил совещание.

— Наконец мы подошли к подлинной цели нашего приезда, джентльмены. Судя по тому, как вы набрасывались на Керрвуда, вы все помешались. Неужели он стал бы тратить время, чтобы отговаривать вас от этой операции? Вас, олимпийцев?!

Так Медуик впервые услышал об олимпийцах.

Лэтем продолжал:

— Нам нужна от вас информация с места. Может ли удаться это вторжение без поддержки с воздуха?

Все подскочили с криками: «Немыслимо! Са-

моубийство! Предатели!» Керрвуд встал и поднял руку.

— Джентльмены,— сказал он.— Такого решения не может принять никто, даже президент. Если американские самолеты будут сбиты над Кубой, если станет известно, что в этой игре принимал участие американский персонал, пропадет вся ценность операции. Б е з н а с — это кубинцы отвоевывают свою родную землю. С н а м и и нашими самолетами — это громадная мощь плохих янки обрушивается на крошечный островок. Так не пойдет.

Молчание.

— Поэтому мы прилетели сюда, чтобы узнать ваше мнение. Возможна ли эта операция без воздушной поддержки? Если нет, мы немедленно отменяем ее и берем все последствия на себя. Если она может как-то удаться, мы позволим вам действовать, но лишь при этом основном условии. Никакой открытой американской поддержки.

— Невероятно,— сказал генерал.

Гриффин повернулся к нему.

— Нам нужно совместно подумать об этом, генерал,— сказал он. И обратился к Керрвуду: — Сколько времени остается у нас на анализ?

— Мы должны знать ваше мнение завтра. Каждый день — это потеря, черт возьми,— ответил Керрвуд.

— Увидимся утром,—сказал генерал.— А теперь доброй ночи.

Трое служащих ЦРУ вышли. Керрвуд постоял, глядя на закрытую дверь, потом повернулся к Лэтему.

— Зря ты упомянул об олимпийцах.

— Я дал им понять, что мы в Белом доме их раскусили,— сказал Лэтем.

— И все же... нам был нужен от них честный ответ. Теперь мы его не получим.

— Почему?

— Раз они, как ты говоришь, олимпийцы, вторжение им будет только на руку. Даже если произойдет катастрофа. Они поднимут крик, что Кеннеди отменил поддержку с воздуха и погубил свободолюбивых изгнанников, завладеют ЦРУ, и мне придется уходить.

— Вот как?

— Да.

Лэтем лег на койку и уставился в потолок.

— Недолюбливаю я ЦРУ,— сказал он.— И президент тоже.

— Кто-то должен делать грязную работу,— ответил Керрвуд.

16

Рано утром беженцы снова отправились на учения, и Медуик от нечего делать гулял по лагерю. На вырубке среди джунглей стояли сборные домики из гофрированной жести типа времен второй мировой войны, на грунтовых дорогах — «джипы», в глубине виднелись серые бункеры, слышалось чириканье птиц в лесу и далеко в горах прерывистый треск выстрелов.

Воздух был теплым, прозрачным. Медуик пошел по дороге, оскальзываясь городскими туфлями на острых камнях, и вскоре оказался у ворот в изгороди из колючей проволоки; часовой-кубинец сидел в шезлонге, покуривая и держа автомат на коленях. Ничего не сказав ему, Медуик повернулся и пошел обратно. Керрвуд, Лэтем и сотрудники ЦРУ были на совещании у генерала — кубинцев туда даже не пригласили, поэтому задача Медуика в этой миссии была выполнена. Внезапно рядом с ним, подняв облако пыли, остановился «джип».

— Медуик!— окликнул сидящий за рулем. Это был Карл Ричардсон, младший из сотрудников ЦРУ, с которыми он встречался накануне вечером.

— Я просто прогуливаюсь,—сказал Медуик, словно бы оправдываясь.

— А прокатиться не хочешь? — спросил Ричардсон.— Мне нужно доставить кой-кому донесение.

— Блестящая мысль.

Медуик взобрался на небольшое сиденье рядом с Ричардсоном, Ричардсон передвинул рычаг переключения передач назад, потом вперед, они подъехали к воротам, и часовой пропустил их, махнув рукой.

По обе стороны широкой грунтовой дороги простирались гватемальские джунгли. Вверху раскачивались ветви больших дубов, внизу рос густой подлесок в рост человека.

— Как они воюют в такой чащобе? — спросил Медуик.— Как хоть они видят друг друга?

— На расчистку района, который нам нужен, ушел месяц,— сказал Ричардсон.— Но теперь он расчищен. И видимость, чтобы убивать, достаточная.

Медуик засмеялся, но тут же с удивлением заметил, что Ричардсон не шутит.

— Здесь никто не у б и в а е т друг друга, так ведь? — спросил Медуик.

— Было несколько... несчастных случаев,— ответил Ричардсон.— Кубинская родовая вражда, что-то в этом роде. Они дожидаются, пока попадут сюда, а потом пуля в спину, и вражде конец.

— Предупредите их всех, что я не кубинец,— сказал Медуик, чтобы рассмешить Ричардсона. Но ему это не удалось. Ричардсон был серьезным парнем.

Какое-то время они ехали молча, потом Ричардсон спросил:

— К чему Лэтем упомянул об олимпийцах?

— Мистер Ричардсон, хочу сказать вам коечто сразу. Я работаю в управлении всего три недели. И ничего не знаю. Я даже не знал, что наши люди находятся в Гватемале. А олимпийцы для меня просто неизвестное кодовое слово.

— Ну так вот, ты едешь с одним из них,— сказал Ричардсон.

— И вы, разумеется, не скажете мне, кто такие олимпийцы.

Машину потряхивало. Ричардсон крепко сжимал баранку, суставы его пальцев побелели.

— Скоро узнают все,— сказал он, словно разговаривая сам с собой.— В управлении есть патриоты. Есть и болваны, оставшиеся с прежних времен.— Он повернулся к Медуику и, видимо, заметил на его лице удивление, потому что сказал: — Не удивляйся так. К нам, знаешь ли, тоже внедряются агенты.

— Вы хотите сказать, что в ЦРУ есть... коммунисты?

Медуику это казалось немыслимым.

— Конечно,— ответил Ричардсон. И выражение его лица словно бы говорило: «Что за болванов берут на службу в последнее время?»

— А на какой стороне Керрвуд? — спросил Медуик.

— Он против вторжения,— сказал Ричардсон.— Так что делай выводы сам.

Залив Свиней был моментом в истории,— подготовка же заняла целый год. В операции участвовал, можно сказать, цвет богатой кубинской молодежи; смелые и озлобленные молодые люди, внезапно лишенные беззаботной жизни и бежавшие в чужую страну, где у них не было ни денег, ни связей, ни влияния. Они были готовы умереть, лишь бы вернуться домой. И умерли.

Медуик видел их в тот день на вырубке, они отдыхали, небольшой группе американский инструктор объяснял устройство 105-мм орудия, остальные сидели на земле, положив локти на колени, курили, болтали и отпускали по-испански грубые шутки.

По разговору, слышанному накануне, Медуик понимал, что они обречены. Без поддержки с воздуха надеяться им было не на что. Их наивная, беспочвенная вера, что, едва они высадятся, кубинский народ восстанет, довершала эту обреченность.

Внезапно Медуик ощутил сильное желание объяснить им все: сказать, что они должны оставить это безрассудное решение, сохранить свою жизнь. Но тут раздался пронзительный свисток, кубинцы в зеленой рабочей форме подскочили и построились, момент был упущен.

Но это желание не покидало Медуика. На обратном пути он повернулся к Ричардсону и сказал:

— Керрвуд прав, а вы — нет.

Ричардсон стиснул челюсти и промолчал. Медуик не унимался:

— Если вы пошлете их без поддержки с воздуха, они будут уничтожены.

И тут Ричардсон показал свое подлинное нутро.

— Какая жалость!

— Вы не нравитесь мне,— сказал Медуик, и до конца пути оба молчали. Но когда Медуик сошел у казарм, Ричардсон сказал нечто странное:

— Берегись, а то попадешь в чей-нибудь список.

Через три дня Медуик снова был в Вашингтоне, через неделю вся эта поездка в Гватемалу представлялась сном, невозможным, воображаемым, странным эпизодом, не происходившим в действительности, а через три недели он читал о высадке кубинских беженцев на побережье, о том, что самолеты Кастро беспрепятственно пикировали на них, бомбили и обстреливали, видел фотографии трупов и молодых людей, осужденных на пожизненное тюремное заключение, и вспоминал веселых богатых юношей на вырубке в гватемальских джунглях в один из моментов «холодной войны», которая, в сущности, никогда не кончится.

17

— Сколько лет было Ричардсону? — спросил Уильямс.

— Наверно, под тридцать.

— И он сказал: «Берегись, ты можешь попасть в чей-нибудь список»?

— Да. Но это был просто оборот речи. Я совершенно уверен, что он не имел в виду такого списка, как этот, двенадцать лет спустя.

Уильямс вовсе не был уверен в этом, но спросил лишь:

— Вы не слышали, что сталось с ним?

Медуик затянулся сигаретой.

— Слышал. Я член комитета по военным делам, несколько лет назад его фамилия появилась в одном из документов, которые мы изучали. Он был майором у «зеленых беретов», по крайней мере носил эту личину.

— Что это за документ?

— О массовом убийстве. Чего еще можно ждать от Ричардсона?

Уильямс на минуту задумался.

— Вы не могли чем-то рассердить кого-то из так называемых олимпийцев?

— Я вам рассказал все.

Уильямс поднялся.

— Ричардсон не в том возрасте. Ему сейчас должно быть около сорока, а мне кажется, что автор письма помоложе. Но олимпийцы... Помните «Уотергейт»?

— При чем здесь он?

— Я там сталкивался с ними. Если свести людей правых взглядов из ЦРУ и кубинских беженцев, можно ждать чего угодно, включая эту угрозу.

Уильямс направился к двери, Медуик сопровождал его.

— Времени у нас мало,— сказал Уильямс.— Напишите мне все фамилии, какие сумеете вспомнить, и подробности вашей работы у Фулбрайта. Я тем временем наведу справки о Ричардсоне.

Уильямс ушел, и Медуик остался со своими воспоминаниями. В каком-то смысле Гватемала была высшей точкой его жизни, и он до сих пор гордился, что не спасовал перед этим маньяком Ричардсоном. Потом все изменилось. Все пошло под уклон. Его работа у Фулбрайта была рутинной; потом Кеннеди погиб, с помощью Фулбрайта Медуик пробился в конгресс и без его помощи открыл, что там можно иметь кой-какие незаконные доходы, начал загребать их, помногу, и худощавый парень-идеалист, приехавший в Вашингтон как один из «вдохновенных» и бросивший в джунглях Гватемалы вызов правому реакционеру из ЦРУ, погиб под жирком, под ленью, под алчностью.

Могло бы такое случиться, будь Кеннеди жив? Медуик не знал, потому что не хотел об этом задумываться.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

В КОНЦЕ НОМЕРА

КНИГА ИВАНА ФЕДОРОВА

На восточном участке Байкало-Амурской магистрали, в небольшом таежном поселке найден большой старинный фолиант в деревянном переплете. Это «Острожская библия», одна из первых русских печатных книг. На издании стоит типографический знак: «Иоанн Федорович, печатник из Москвы». Книга была отпечатана более четырехсот лет назад на типографическом станке, созданном основателем книгопечатания в России.

«Острожская библия», выпущенная Иваном Федоровым, стала достоянием Сибирского отделения Археографической комиссии АН СССР. Это восемнадцатая книга, созданная руками Ивана Федорова и его учеников, находящаяся в собрании Новосибирского академгородка. Все они найдены в Сибири, не только в городах, но и в деревнях, причем многие из них хорошо сохранились.

ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ...

Приусадебный участок старейшего подмосковного цветовода -любительницы Марии Федоровны Шароновой на станции Перловская в шутку называют «малым ботаническим садом». Всю свою жизнь Мария Федоровна отдала выращиванию примул, георгинов, нарциссов. Особенно Шаронова любит георгины. На первой международной выставке садоводства социалистических стран, состоявшейся в 1961 году в Германской Демократической Республике, она представила более двадцати сортов георгинов. Золотой медали был удостоен выведенный ею сорт «Жар-птица», диплом выставки получил сорт «Никакие бури...». Многие сорта георгинов, выведенные Шароновой — «Колхозница», «За мир», «Герцен»,— сегодня растут по всей стране. А один из сортов флоксов получил имя своего создателя — «Мария Федоровна».

Недавно М. Ф. Шаронова отметила свой столетний юбилей. В этот день она слышала много приветствий. Но самым дорогим было поздравление, пришедшее в ее адрес от Всероссийского общества охраны природы, членом которого Мария Федоровна Шаронова состоит уже много десятков лет.

СТО КИЛОГРАММОВ СМЕРТИ

В этот день экскаваторщик специальной научно-реставрационной мастерской Юрий Антипов прокладывал траншею в нескольких метрах от Софийского собора на территории Новгородского кремля.

Рабочий день подходил к концу, когда в ковше экскаватора неожиданно оказался большой металлический предмет. Остановив машину, Антипов внимательно осмотрел находку. Сомнений быть не могло: из-под земли выглядывал большой артиллерийский снаряд.

Всего три часа потребовалось группе саперов во главе с майором Юрасовым, чтобы обезвредить и вывезти с территории кремля 203-миллиметровый артиллерийский снаряд весом около ста килограммов. На следующий день Новгородский кремль был снова открыт для посетителей.

Подготовила к печати С. ВОЗЛИНСКАЯ.

В КОНЦЕ НОМЕРА

Долголетие человека

По данным переписи населения 1897 года, в России насчитывалось 15,5 тысячи человек, которым исполнилось 100 лет и больше. В 1970 году при переписи было учтено 19 304 долгожителя в возрасте 100 лет и старше, в том числе 339 человек старше 120 лет, причем каждый четвертый долгожитель был из Закавказья.

Азербайджанский колхозник Махмуд Айвазов умер в возрасте 152 лет. Его трудовой стаж составил 137 лет. В 148-летнем возрасте он был участником ВДНХ СССР. Айвазов являлся главой семьи, состоящей из четырех поколений. Сыновей, дочерей, внуков, правнуков и праправнуков у него было более 150 человек.

В Англии в Вестминстерском аббатстве вместе с учеными, писателями, политическими и общественными деятелями покоится прах крестьянина Томаса Парра. Он прожил 152 года. Родился и жил Парр в деревне. Когда Парру было уже 152 года, его посетил лорд-маршал Арундал. Столь удивительное долголетие Парра заинтересовало лорда, и он отправил его в Лондон, где тот был принят королем. Всего несколько месяцев прожил Парр в Лондоне. Он умер от воспаления легких в результате резкой перемены мягкого сельского климата на сырой лондонский. Существует много портретов и гравюр Парра, хранящихся в национальной галерее Англии, Дрезденской галерее и др.

В Кении Нгейво Чемаейк скончался также в возрасте 152 лет. Среди его многочисленных потомков 4 сына, 6 дочерей, 54 внука и 116 правнуков и праправнуков. В Бразилии Дельфина да Коста и в Иране Аббас Хансар жили по 154 года. Наш абхазец Хопора Киута — 155 лет, а швед Нильс Паулсен и алжирец Бен Сассауд — по 160 лет.

Азербайджанский колхозник Ширали Муслимов родился в 1805 году, умер в 1973 году в возрасте 168 лет. Муслимов всю жизнь прожил в горном селе. Впервые он спустился с гор, когда ему было 110 лет,— проводить двух сыновей на первую мировую войну. Затем, уже в годы Советской власти, дважды побывал в Баку. До самой кончины он был трудолюбив: работал в своем саду, был депутатом сельского Совета. На вопрос, обращался ли он к врачам, Муслимов отвечал: «Нет, но вот они сами ко мне обращались, интересовались моим самочувствием и делали для себя какие-то записи». Род Муслимова состоит более чем из 220 человек. В его роду справлено более 100 свадеб, 53 потомка Муслимова защищали Родину в

Ничья

РАССКАЗ

Крутолобов сидел на чемодане в позе роденовского Мыслителя и ждал своего поезда.

— Ба, кого я вижу! — вдруг послышалось у него за спиной.

Крутолобов обернулся и даже не сразу признал в загорелом мужчине, одетом в выцветшие шорты, своего сослуживца.

— Егоркин, ты?

— Я, кто ж еще?

— А я, брат, тебя сразу и не узнал. Богатым будешь. Ты чего здесь делаешь?

— Жду поезда.

— И я жду! У тебя случайно не 32-й?

— Он самый.

— Вот это хорошо. Значит, вместе поедем. Ну, рассказывай, как отдохнул? Где?

— Я в Судаке был. Дикарем. Доволен страшно. Хозяева чудные попались. Сливу, под которой спишь, тряси, сколько хочешь, по рублю кг, чай кипяти в любое время, когда их дома нет. Да мне и не до чая было. Почти каждый день на рыбалку ходил. Ставрида — во, камбала — во, прямо не заметил, как время пролетело, а ты как отдохнул?

— Да так, ничего. Я в пансионате под Ялтой был. Скучновато там. Особенно по вечерам. Прямо не знаешь, куда себя деть. Из развлечений только кино, танцы и шахматы. А я ведь не танцую всякие роки да и в шахматы играю только в поезде. Еле-еле до конца доотдыхал. Так время тянулось, просто счет дням потерял. Теперь вот в поезде сутки трясись. Хорошо еще, что тебя, Егоркин, встретил. Вдвоем ехать все-таки веселее.

— Еще бы! Рыбки покушаем, в шахматишки сразимся, о делах отдела посудачим и не заметим, как дома будем! Вот ведь как здорово встретились, верно?

— Действительно приятная неожиданность!

— Да, мир тесен! У тебя, кстати, какой вагон?

— Двенадцатый.

— Вот здорово! И у меня двенадцатый. А место?

— Двадцать пятое.

— Ну надо же, и у меня двадцать пятое...

— Минуточку, как же у тебя двадцать пятое, если у меня двадцать пятое?! Крутолобов, ты шутишь?

— И не думаю. Вот, пожалуйста, мой билет. Двенадцатый вагон, место двадцать пять. А ты покажи?

— Пожалуйста, и у меня билет: двенадцатый вагон, место 25.

— А поезд?

— Поезд тридцать два.

— Ну, не знаю, что там твоя, Егоркин, кассирша напутала.

— Интересно, почему это моя напутала?! Я за два месяца, товарищ Крутолобов, обратный билет взял.

— Они и за полгода могут напутать.

— Вот твоя пансионатская и напутала.

— Ошибаешься, Егоркин, моя кассирша ЭВМ запрашивала.

— ЭВМ, между прочим, люди делают, а людям свойственно ошибаться.

— Вы философию разводите, товарищ Егоркин, вместо того чтобы уступить мне мое место!

— Это место такое же ваше, как и наше. Почему же я должен его вам уступать?

— Хотя бы потому, что я в отделе на целый год больше вас работаю, выговоров, замечаний не имел...

— А я английским языком владею со словарем!

— А у меня семья... дружная...

— Ваше семейное положение для проезда по железной дороге значения не имеет.

— А что же имеет?!

— Тот, кто первый указанное в билете место займет, тот на нем и поедет...

Именно в этот момент заговорило вокзальное радио: «Внимание! Начинается посадка на поезд номер 32. Поезд стоит на третьем пути. Повторяю...» Но повторять Крутолобову и Егоркину было ни к чему. Оба, как по команде, сорвались с места и молча понеслись на третий путь к 12-му вагону.

В подземном переходе вперед вырвался Крутолобов, так как Егоркин столкнулся с носильщиком, и тот заставил его собирать помидоры, персики, дыни. Однако уже на перроне неудача постигла и Крутолобова. Он налетел на фонарный столб, чемодан раскрылся и никак не хотел закрываться. То зонтик мешал, то теплые вещи вылезали. Когда голова Егоркина показалась из перехода, Крутолобов

Виктор МЕНЬШИКОВ

БАСНЯ

ЗНАКОМЫЙ МОТИВ

— Какая пташка! Как поет! И как мила! —
Воскликнула соседка, глядя на щегла.
— Какие трели! Прямо соловей!
— Да что ты, лучше! — вскрикнула другая,
вторя ей.—
А оперенье! Ты только посмотри!
Головка, шейка — цвета утренней зари!
На вороном крыле янтарные полоски!
А сколько томности! И сколько лоска!
Теперь представь-ка рядом соловья —
От одного сравнения краснею я!
Хозяйка, гордая нежданной похвалой,
Внесла в нее довесок свой:
— Пора бы серость серостью назвать!
И истинным певцам дорогу дать!..
Тут каждая повсюду, как могла,
Взялась без устали хвалить щегла.
И смолк наш бедный соловей,
В смущенье прячась меж ветвей.
Однако же весной не утерпел.
Вот, робость поборов, несмело он запел...
И тотчас стихло все вокруг:
И птичье щебетание и голоса подруг.

ЮМОР

годы Великой Отечественной войны.

Турчанка Хаджор Иссен Нине жила 169 лет, шотландец Генри Дженкинс — 170 лет, осетинка Тенсе Абалва и иранец Мухамед Люб — по 180 лет, английский епископ Сен-Мунго и венгерский крестьянин Кцартен — по 185 лет, иранец Сен-Али — 195, турчанка Макаранджо — 203 года, а англичанин Томас Карн — 207 лет. По-видимому, Карн поставил рекорд долголетия человека.

Венгерские крестьяне Ярош Ровен и его жена установили рекорд длительности совместной семейной жизни. Они прожили в браке 147 лет. Янош Ровен умер в возрасте 173 лет, а его супруга — на 164-м году.

Интересны и такие данные из «книги рекордов Гиннеса» (США): 57-летняя чилийка Леонтина Альбина родила 44 ребенка, англичанка Барбара Шмотцерин имела 38 сыновей и 15 дочерей.

Исследования Украинского НИИ геронтологии имени академика Богомольца показали, что у 60—70 процентов людей, проживших 100 и более лет, были долголетние родители или близкие родственники. Дольше живут обычно выходцы из семей, в которых долголетие наблюдалось в нескольких поколениях. Об этом свидетельствуют следующие примеры.

В городе Бресте живет столетний Самсон Викентьевич Хруцков. Его прапрадед умер в возрасте 140 лет. Прадед, дед и отец тоже прожили на свете больше века. Самсон Викентьевич — младший из трех братьев. Средний брат умер в возрасте 105 лет, а старший прожил 114 лет.

Многочисленные потомки английского крестьянина Томаса Парра, прожившего 152 года, унаследовали его долголетие. Сын Парра дожил до 113 лет, внук — до 109, один правнук — до 124, другой — до 127 лет, праправнучка — до 103 лет. У иранца Сен-Али, который жил 195 лет, старший сын умер в возрасте 130 лет, второй сын — 105 лет, третий — 90 лет, дочь — в возрасте 110 лет.

Аргентинке Росе Кальюкес Кальфукуре в день 120-летия вручили документы на специальную пенсию. При получении документов она без тени иронии заметила, что казне придется раскошеливаться не один десяток лет. Для такого оптимистического заявления у бодрой и жизнерадостной аргентинки были все основания: ее мать скончалась в возрасте 169 лет, а отец умер от несчастного случая, прожив «всего» 155 лет.

А. МАРКУШИН,
профессор

Саратов.

решился на отчаянный шаг. Он бросил незакрытый чемодан возле 11-го вагона и побежал к 12-му без багажа. Таким образом ему удалось выиграть у Егоркина полголовы и несколько десятых долей секунды.

— Здравствуйте, — сказал задыхающимся голосом Крутолобов полной проводнице, — я к вам, у меня двадцать пятое место.

— У меня тоже двадцать пятое место! — крикнул подоспевший Егоркин.

— Минуточку, сейчас разберемся, — охладила их пыл проводница. — Давайте ваш билет. — Крутолобов протянул розовый листочек.

— Так, ваш поезд еще не пришел. Рановато вы на вокзал приехали.

— Почему рановато?! — опешил Крутолобов.

— Потому что у вас билет на завтрашнее число.

— Ему не терпелось уехать из пансионата раньше времени, вот он и приехал, — подколол Егоркин, — можете идти спокойно собирать свои вещи, товарищ Крутолобов.

— Минуточку, какое сегодня число?

— С утра было пятое, а у вас билет на шестое. Теперь давайте, что там у вас, товарищ?

— А у меня, — побледнел Егоркин, — билет... на четвертое... не заметил, как время пролетело.

— Да, ваш поезд уже ушел. Счастливо оставаться...

— Хорошо, что остаемся вместе! — улыбнулся как ни в чем не бывало Егоркин.

— Да, вместе оставаться все-таки веселее, — согласился с ним Крутолобов.

— Ничья?

— Ничья! Только в твою пользу. Мне еще деньги на новый билет искать надо.

Анатолий РАС

Рисунки В. Горюнова

●

Не назовешь того рассеянным,
Кто жнет и то, что им не сеяно.

●

Ему казалось, что в сатире
Все происходит так, как в тире:
Нажал на спуск и — наповал!
Но, выстрелив, он вдруг в себя
попал.

●

Льва узнают, известно, по когтям.
Нахала — по локтям.

●

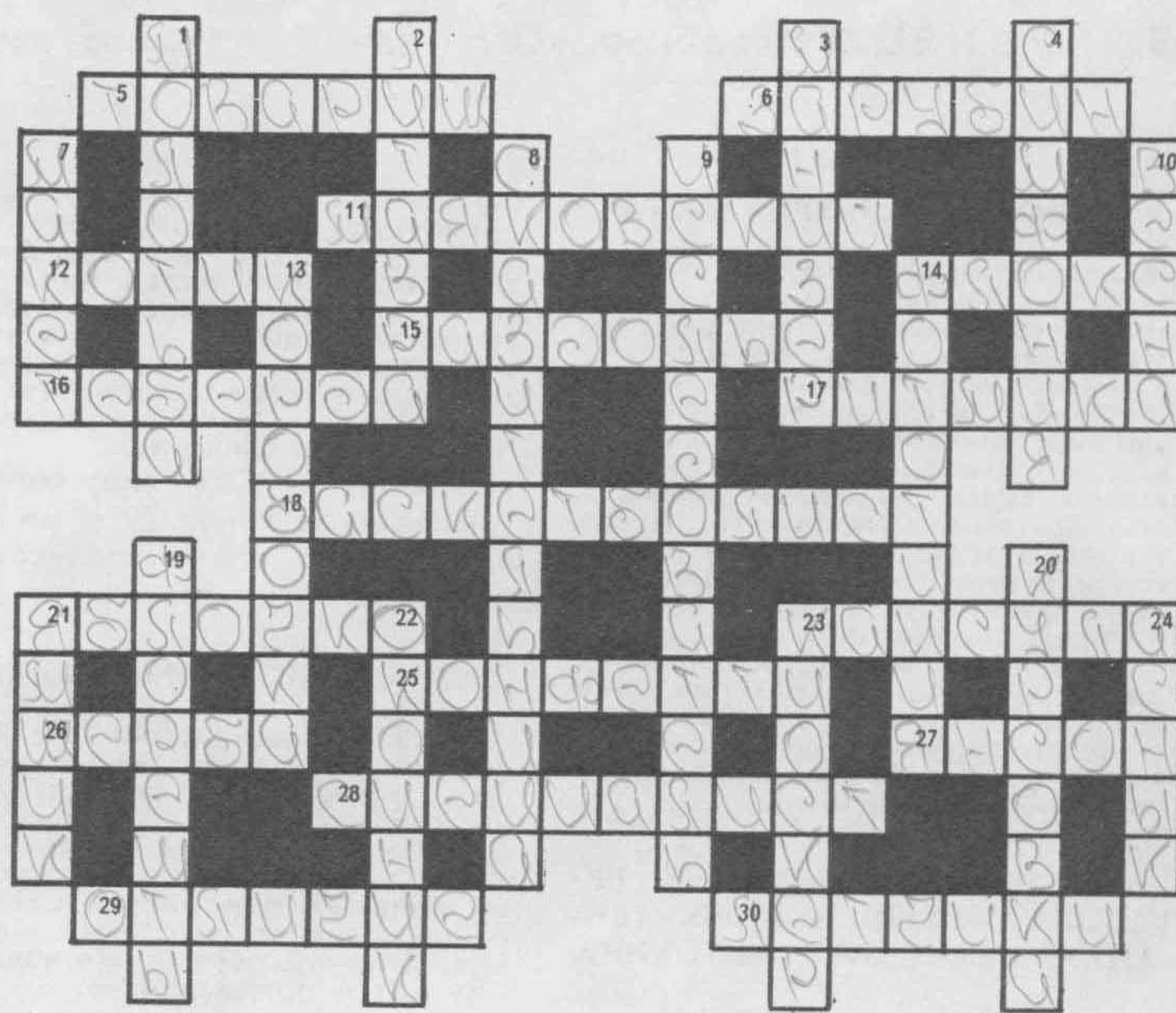
Нет ничего печальнее на свете,
Чем слепота душевная в поэте.

— Твоя школа?!

Рисунок Ю. Макаренко

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Стихотворение С. А. Есенина. 6. Действующее лицо в поэме С. А. Есенина «Пугачев». 11. Автор стихотворения «Сергею Есенину». 12. Пионер, партизан, Герой Советского Союза. 14. Декоративное садовое растение, цветок. 15. Картина народного художника СССР А. А. Дейнеки. 16. Горноклиматический курорт на Северном Кавказе. 17. Раздел стиховедения. 18. Спортсмен. 21. Матросский танец. 23. Отделяемая часть космического летательного аппарата. 25. Разноцветные бумажные кружочки, рассыпаемые на балах, маскарадах. 26. Советский языковед, академик. 27. Дирижер, народный артист СССР. 28. Профессионал в определенной отрасли. 29. Оценка трудовых и боевых заслуг. 30. Один из первых советских фильмов, посвященных авиаторам.

По вертикали: 1. Стихотворение С. А. Есенина. 2. Ударный музыкальный инструмент. 3. Скульптор, народный художник СССР. 4. Произведение для оркестра, высшая форма инструментальной музыки. 7. Модель, предварительный образец. 8. Исполнительница былин. 9. Ученый — теоретик и практик. 10. Стихотворение С. А. Есенина. 13. Плод хлопчатника. 14. Способ печатания иллюстраций. 19. Город в Молдавии. 20. Вид документа, дающего право лечения на курорте. 21. Стихотворение С. А. Есенина. 22. Луговое травянистое растение, медонос. 23. Продавец в палатке «Союзпечати». 24. Польский поэт XIX века.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали: 5. Гаджибеков. 6. Лозунг. 7. Рапира. 9. Иори. 10. Опока. 12. Сквер. 14. Борзая. 16. Ирпень. 17. Кожина. 18. Никель. 21. Акташ. 23. Сайра. 24. Лифт. 25. Яранга. 26. Ефанов. 27. Аллегретто.

По вертикали: 1. Калуга. 2. Ожогино. 3. Реприза. 4. Корпус. 6. Лепешинская. 8. Александров. 11. Колпица. 13. Косилка. 14. Бунин. 15. Якорь. 19. Исламей. 20. Лотерея. 22. «Шинель». 23. Снасть.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сергей Александрович Есенин. 1925 год. Фото М. С. Наппельбаума.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В Константинове, когда там жил юный Сергей Есенин * Автограф стихотворения Есенина «Песнь о собаке» * С. Есенин (четвертый справа) среди жителей села Константиново. 1909—1910 годы * С. Есенин с отцом и дядей И. Н. Есениным (справа). Москва. 1912 год * Есенин читает матери свои стихи. (См. в номере материалы, посвященные 90-летию со дня рождения С. А. Есенина).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 9.09.85. Подписано к печати 25.09.85. А 00399. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 480 000 экз. Изд. № 2422. Заказ № 1363.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

В. КУЗНЕЦОВ, собкор «Огонька» **Фото автора**

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

Владивосток, 11 сентября 1985 года. 6.00. Лоцманский катер «Пеленг» доставляет меня на рейд Золотого Рога, в точку, где дремлет на якоре ледокол «Владивосток». На палубах этого корабля мне доводилось бывать, когда колол он льды Охотоморья, когда водил караваны судов насквозь промерзшим Татарским проливом, когда возвращался после трудной арктической вахты домой — во Владивосток. Но таким уставшим я его еще не видел. Волны экватора, ветры ревущих сороковых, льды моря Росса чувствительно потерли бока ледовому богатырю. Антарктика искорежила металл лееров, сорвала трапы, вдребезги расколотила спасательную шлюпку...

ИЗ ДНЕВНИКА КАПИТАНА ЛЕДОКОЛА «ВЛАДИВОСТОК» ГЕННАДИЯ ИВАНОВИЧА АНТОХИНА

«6 июля 1985 года. Высунулись из-за острова Стьюарт и тут же получили по зубам. Ледокол стал сильно забирать волну на себя. Груз на баке притопил нос судна, и встречная волна беспрепятственно хлещет в надстройку. Три сильнейших удара заставили снизить скорость до пяти узлов...

8 июля. Шторм не прекращается. Восьмиметровые волны колотят в правый борт. Доложили о нарушении крепления бочек с вертолетным топливом. Одним махом океан перечеркнул весь наш адский труд по креплению этого груза. «Владивосток», рожденный давить льды, не приспособлен для плавания в открытом океане. Стараюсь выбирать курс, чтобы был прикрыт левый борт. Надо сохранить там груз: вертолетное топливо в бочках — элемент живучести и нашей, и «Михаила Сомова»...

10 июля. Спрятались за остров Окленд. Объявил аврал всему личному составу экспедиции. Все сто семнадцать человек, находящиеся на борту, включились в авральные работы. Задача — поднять бочки с топливом на верхние палубы и закрепить их там. Вместо предполагаемых мною суток, авральную работу сделали за 12 часов. Сотню бочек подняли даже на капитанскую палубу, а ведь каждая весит почти двести килограммов.

11 июля. В конце дня облегченно вздохнул. Сменился ветер, и пошла попутная волна. Для судна нашего класса, имеющего прекрасную остойчивость, это только в радость...»

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

6.50. Поднимаюсь на борт корабля, победившего Антарктику. Первая беседа с капитаном ледокола. Геннадий Иванович — ледокольщик с детства. В одиннадцать лет долбил пешней лед на Енисее. Потом, уже моряку, Антохину покорялись льды Арктики и восточных морей. Но это родные льды. Там, случись что, тут же придут на помощь братья-ледокольщики. Другое дело, когда ты становишься первым, идешь в неведомое. И ты должен, обязательно должен пройти! Потому что там трудно людям — твоим соотечественникам, ждущим твоей помощи.

10.40. Антохин снова на мостике. Командует съемкой с якоря. Ведет «Владивосток» на швартовку, преодолевает последние метры этого трудного трехмесячного рейса. Капитан управляет машинами огромного корабля и изредка поднимает глаза на причал, где его уже ждут самые близкие — жена и дети.

ИЗ ДНЕВНИКА КАПИТАНА

«16 июля. Бежим на Юг. Пока лед ходовой — однолетний, напоминает охотоморский в феврале, марте. До «Сомова» 700 миль. Вопреки арктическим законам идем по стыкам полей. Сжатия пока нет...

18 июля. Кажется, фортуна поворачивается к нам обратной стороной. Ветер более 20 метров в секунду. Сильный снег. Видимость менее ста метров. Антарктида выставила перед нами серьезный ледяной барьер. Стараемся идти вперед, а нас несет назад. Скорость дрейфа пересиливает наше стремление. Лед уже до метра. Снег полуметровый. Почти как в Сибири...

19 июля. С Юга тянет холодом. Температура у нас 29 с минусом, на «Сомове» все 40 градусов. Надо спешить, им там не сладко...»

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

11.30. «Владивосток» от Владивостока отделяют всего четыре, пять метров. Уже хорошо слышны голоса берега. Старпом Павел Петрович Сидоркин командует на бак. Там отработанным движением сильных рук матрос Слава Рыбаков бросает выброску на причал. Старпом облегченно вздыхает: «Ну вот и привязались».

ИЗ ДНЕВНИКА КАПИТАНА

«21 июля. Молодец старпом! Очень грамотно завел ледовый якорь, за который, кажется, можно стянуть не только ледокол со льдины, а сдвинуть ледовый материк. С помощью ледового якоря, лебедок, кренования, раскачки избавились от первого клинения. Скачок вперед, и снова клинимся. Началось сжатие. Боремся...

22 июля. Поздравил экипаж с выполнением первого этапа нашей спасательной экспедиции. Борис Лялин — командир вертолета сделал первый вылет на «Сомов». Теперь дело за нами. Вползли на льдину. Давим. И — не можем. Снова старпом с палубной командой спускается на лед заводить новый ледовый якорь. 19 часов сидим на льдине. Гоню пессимистические мысли. Верю, до «Сомова» дойдем, а там будет видно. Лед, окружающий нас, почти двухметровой толщины, в торосах — больше шести. Туда и не лезем. Здорово помогают вертолетчики. Отличные ребята и опытные пилоты. Техникам не позавидуешь, обслуживают вертолеты на сорокаградусном морозе...

24 июля. Под проводкой вертолета бортовой номер 22246, прошли 57 миль. До «Сомова» остается меньше сотни. Одолеем...

26 июля. Лялин взлетел вместе с первыми светлыми минутами. Сейчас здесь день длится около трех часов. Вертолетчики провели капитальную разведку до «Сомова». Решили идти без остановок. Работаем в две руки с дублером Виктором Терентьевичем Садчиковым. Опытный ледовый капитан. Я многому у него учусь. В 18 часов судового времени, или 9 московского, увидели «Сомов». Еще через час пробили последнюю ледовую перемычку, разделявшую нас. По всему ледоколу прогремело наше русское «ура!..»

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

11.50. Парадный трап морского вокзала касается палубы ледокола.

12.00. Выстрел сигнальной пушки портового города традиционно извещает о наступлении полдня. Пушечный гром салютует покорителям зимней Антарктики, выхватившим из ледовой пасти моря Росса научно-экспедиционное судно «Михаил Сомов». Экипаж «Владивостока» с честью выполнил правительственное задание. Моряки, ученые, летчики сделали то, что еще три месяца назад казалось невозможным. Солнце родного города, руки любимых спешат отогреть людей, прошедших испытание Антарктикой. Во Владивостоке сегодня праздник, который скоро перебросится на другой конец нашей необъятной Родины — в Ленинград, где так же радостно будут встречать сомовцев.

Капитан Геннадий Иванович Антохин.

За час до встречи.

ИСПЫТАНИЕ АНТАРКТИКОЙ

«Владивосток» во Владивостоке.

До берега рукой подать...

Вот и снова семья Чембаровых вместе.

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

Пѣсня о собакѣ.

Утромъ въ ржаномъ закутѣ,
Гдѣ златятся рогожи въ рядъ,
Семерыхъ ощенила сука
Рыжихъ семерыхъ щенятъ.

До вечера она ихъ ласкала
Причесывая языкомъ,
И струился снѣжокъ подталый
Подъ теплымъ ея животомъ.

А вечеромъ, когда куры
Обсиживаютъ шестокъ,
Вышелъ хозяинъ хмурый
И всѣхъ ихъ поклалъ въ мѣшокъ.

По сугробамъ она бѣжала
Поспѣвая за нимъ бѣжать...

И такъ долго долго дрожала
Воды незамерзшей гладь

А когда чуть плелась обратно
Слизывая потъ съ боковъ,
Показался ей мѣсяцъ над хатой
Однимъ изъ ея щенковъ.

Въ синюю высь звонко
Глядѣла она скуля.
А мѣсяцъ скользилъ тонкій
И скрылся за холмъ въ поляхъ.

И глухо какъ отъ подачки
Когда бросятъ ей камень въ смѣхъ
Покатились глаза собачьи
Золотыми звѣздами въ
снѣгъ

Сергѣй Есенин